

от автора бестселлеров по версии new York Times

ПЭМ ГОДВИН

грозные

СВЯЗИ
СВЯЗИ

Мечь. Я участвую в гонках, чтобы заработать на нее. Я изворачиваюсь, чтобы исполнить ее. Я убиваю, чтобы осуществить ее. Я все спланировал. Все, кроме нее. Соблазнительной, аппетитной блондинки на финише. С сапфировыми глазами, которые обманывают и лгут. Чья влиятельная семья убила мою. Я ее ненавижу. Я хочу ее. Я знаю, что она что-то скрывает. Я тоже.

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Пэм Годвин

«Грязные связи»

Оригинальное название: Pam Godwin « Dirty Ties », 2015

Пэм Годвин «Грязные связи», 2017

Переводчик: Иришка Дмитренко

Редактор: Елена Теплоухова

Обложка: Врединка Тм

Глава 1.

Кэси

Странное, но сильное желание между ног не давало мне покоя, словно я была одержима. Иногда я часами могла думать о нем, о его теле, так изящно обтянутом байкерской кожей, прижавшемся к мотоциклу, или о его сильных руках, обхвативших руль. Часто я мечтала целый день, мысленно проводила пальцами по мышцам его плеч и бедер, представляла, каким упругим может быть его зад, и какими сильными могут быть его толчки, когда он будет меня трахать.

Сегодня был не один из таких дней.

Про себя я попыталась разложить по полочкам все предложения, инициативы и проблемы руководства, которые требовали моего внимания, как руководителя отдела. Но он всегда был в моих фантазиях, боролся, менял, выворачивал мой разум наизнанку, мчался на своем стальном коне, и уносил мое тело за край безудержного желания.

Мужчина, лицо которого я никогда не видела.

— Черт! Где было мое гребаное достоинство? Я захлопнула планшет, на экране которого уже были его новые фото из интернета, и закрыла кожаный чехол. Кто бы мог подумать, что самый криминальный парень Чикаго будет замечен в бакалейной лавке? Каким-то образом, это превращало его в обычного человека. Кажется, пресса его поддерживала. Журналисты с восхищением обсуждали его личность на экранах ТВ, а также без умолку трещали о появлении его фото на страницах местных газет. Мне это не нравилось. Не нравилось делить его с миллионами других женщин. За стеклами машины компании исполинские колонны и великолепно освещенная башня Трампа (прим. перев. — отель-небоскрёб города Чикаго, штат Иллинойс, который является вторым по высоте

зданием в Чикаго и третьим в США) становились все ближе. Я сунула ноющие от боли ноги в туфли на шпильке, и прижала телефон ухом к плечу.

— Эти снимки были сделаны, когда его застали врасплох? — внутри меня все затрепетало от надежды на положительный ответ. — Кто-нибудь видел его лицо перед тем, как он исчез?

В трубке я услышала сначала шелест газет, а затем хриплый голос моей ассистентки.

— Нет. Он не снимал шлем.

Всегда в шлеме, к моему разочарованию. Как и к разочарованию всех женщин — журналистов и женщин-копов в Чикаго.

Каждая хотела кусочек его.

Онлайн-игры и криминальные связи, которые получают свою выгоду от подпольного гоночного синдиката, притягивающего коррупцию со всего мира — инвесторов, гангстеров и гонщиков, стали причинами, превратившими Чикаго в «рассадник» грязных денег. А на переднем плане этого подпольного мира был непобедимый гонщик. Может, именно его анонимность держала город в плену. Или его способ «приглашать» смерть на скорости 185 миль/час (прим. перев. — 297 км/час), когда он летел по узким улочкам между жилых домов города. Два года назад один из репортеров моей компании назвал его *Неуловимым*, и с тех пор это прозвище пристало к нему. Его стоило назвать *Захватчик*, так как он полностью захватил мои фантазии и местечко между ног, которое от мысли о нем всегда становилось влажным.

Я сжала бедра вместе. Хороший секс с одним из парней, которых нанимает мне мой муж, мог бы стать вторым неплохим способом, чтобы скрасить этот вечер. Первым же способом будет преследование знаменитого байкера, который с такой легкостью оседлает свой четырёхцилиндровый мотоцикл.

Машина остановилась, и я разгладила юбку на бедрах.

— Ты отправила мне самый последний необходимый файл?

Требовательная интонация в моем голосе дала понять, что мне *нужен* этот засекреченный файл. Открыть правду о том, что он у меня, было также опасно, как и открыть лицо Неуловимого. Но Дженна не смогла бы открыть файл без особого пароля. Она и понятия не имела, что в нем содержится информация о подпольной гонке сегодня ночью — информация, о которой копы и пресса могут только мечтать.

В файле меня ожидала карта гонки, которая должна была начаться через несколько часов.

— Да, мисс Бэскел. Что-нибудь еще?

— Это все, — я бросила телефон в сумочку и схватила чехол с планшетом.

Шофер открыл мне дверцу машины. Я ступила на тротуар. Сигналы машин и звуки города, который втягивал в водоворот своей жизни, окутали меня с разных сторон. Меня окружили волны различных ощущений: запах асфальта и свежей газеты, болтовня проходящих мимо горожан и аромат чьих-то дорогих духов. В семь часов вечера в четверг жизнь в Чикаго только начиналась.

Я зашагала ко входу в башню Трампа, и мое сердце застучало под ритм уличного движения. Стеклопанные стены здания в стиле современной архитектуры возвышались надо мной, отражая огни города. За этими стенами такие люди, как я, ворочали миллионами долларов благодаря тяжелой работе, инновациям, бракам по расчету... и лжи. В то время, как мой брак был не более, чем фикцией, сердце мое было наполнено чувством глубокой

дружбы, которая подпитывала нас с мужем с самого нашего рождения. Моих губ коснулась улыбка. Умопомрачительные итальянские гены Колина Андерсона, которые он унаследовал от матери, были невероятно сексуальным бонусом.

Но улыбка тут же поблекла. Жаль, что это сексуальное притяжение было наигранным. Мы могли бы стать счастливой семейной парой.

Ветерок защекотал кожу на моих голых ногах под строгой юбкой. Несмотря на высокие шпильки с закрытым носком, предстояло прогуляться по этим четырем кварталам от здания «Тренчент Медиа». Сегодня отличная ночь для гонки.

Каждая клеточка в моем теле ныла от предвкушения. Всего через несколько часов я буду ждать у финишной линии, неотрывно глядя на него.

— Добрый вечер, мисс Бэскел, — швейцар услужливо открыл для меня дверь, слегка поклонившись. Его взгляд был направлен на меня, и он стоял, ожидая, что мне понадобится что-то еще.

Моя руководящая должность в «Тренчент Медиа», мой новоиспеченный муж и наша обеспеченная жизнь — все это держало под контролем наш персонал и коллег. Но, под всеми этими костюмами успешной леди и громким именем, я была женщиной, которая нуждалась в простом понимании. В страсти, которая вывела бы меня из монотонности мира, в связи, за которую можно было уцепиться.

— Добрый вечер, Джимми. У мистера Андерсона сегодня были посетители?

— Да, мэм. Молодой человек приехал двадцать пять минут назад.

Черт, да.

— Спасибо.

Я сжала губы в тонкую полоску, чтоб подавить улыбку, и вошла в фойе с мраморным полом. В лифте седой швейцар нажал на кнопку 88. Через минуту я ступила на пол своего лофта, вытаскивая шпильки из волос и позволяя белокурым локонам беспорядочно упасть на плечи. Левая сторона квартиры принадлежала Колину, правая была моей. Но я прошла прямо, как делала каждый вечер, к окнам, которые открывали потрясающий вид на озеро, реку, мосты и сверкающий ночной город. Бросив планшет и сумочку в замшевое кресло, я направилась к мини-бару и сделала себе «грязный мартини» (прим. перев. — водка с вермутом плюс оливка или лимон) с двойной порцией водки.

Первый глоток царапнул мое горло и подогрел кровь, заставляя тут же забыть о двенадцати часах напряжения, которые я провела на работе. Кожу на ступнях покалывало от высоких каблуков, но я еще не была готова их снять. Мне предстояло включить свое обольщение на всю катушку, если я хотела, чтобы член того, кто ждал меня в спальне Колина, хорошо сделал свое дело.

Растворившись мыслями в огоньках восьмидесяти этажей подо мной, я прикончила свой мартини, сделала еще один, и сняла пиджак.

С напитком в руке, я пошла в комнату Колина, в надежде застать его в сладострастной откровенной позе.

Сдержанные стоны донеслись до меня, как только я открыла дверь его комнаты. Я толкнула ее ногой и оперлась плечом о дверной косяк, впитывая в себя то зрелище, которое предстало передо мной.

Его кровать стояла у дальней стены перпендикулярно двери. Распластавшись, Колин лежал на спине, его ноги свисали с кровати.

Связки на шее были напряжены, и каждый голый мускул открывался моему взору. Его

пальцы впились в темные волосы знакомой мне головы, которая двигалась вверх и вниз над его пахом.

Сэт стоял на коленях на полу, сжимая одной рукой яйца Колина, а второй играя с его темным соском.

По моей коже разлился огонь, а рот наполнился слюной. Боже, я обожала наблюдать, как Колин получает удовольствие. Он посвятил свою жизнь и карьеру семье. То, что он наконец-то получал что-то для себя, было своего рода освобождением.

Увидев меня, он напряг бедра, по его телу прокатилась волна дрожи.

— Кэси.

Он поманил меня пальцем. Все его любовники были бисексуальны, а Сэт был постоянным. Наверное, слишком постоянным. Он не был одним из эскорта, услугами которого Колин открыто пользовался. Они встретились на фотосъемке, и, хоть темноволосый фотограф всегда восхищался мной, он отдал предпочтение Колину. Как сейчас.

— Бл*дь, — простонал Колин. — Парень знает, как обращаться с головкой.

Да, да. Я слышала это годами. Вообще, я думаю, женщине не под силу сделать губами то, что может сделать мужчина. Я поставила мартини на столик и направилась к кровати.

— Но я ведь тоже знаю.

Колин не мог с этим поспорить. Не потому, что его член неоднократно касался моего языка, а потому что он сто раз видел, как я делала минеты другим парням, когда мне было пятнадцать лет.

— Покажи ему, — длинные пальцы Колина сжали волосы Сэта, оттягивая его от члена. Сэт трахал меня несколько раз. Он знал, как обращаться с моей попкой и киской, но его член ни разу не касался моих губ. Выражение его лица говорило лишь о том, что его всецело поглотила похоть, и он даже не посмотрел на меня. Его взгляд был неотрывно прикован к эрекции Колина, когда тот полностью снял с себя боксеры и отбросил их в сторону.

Может, Сэту и нравился Колин, но он ни разу не был против моего участия в сексе. Хорошо, что Колин был моим мужем, и в нашем нетрадиционном браке нам просто нужен был третий. Если бы Сэта что-то не устраивало в его роли, я бы тут же указала ему на дверь. И Колин не сказал бы мне ни слова.

Я приблизилась к кровати, и расстегнула блузку.

— Может, он боится моего языка? — я адресовала слова мужу, но, вместо ответа, поймала на себе вызывающий взгляд Сэта.

Колин выдохнул.

— Детка, даже я боюсь твоего языка.

Сэт переминался с ноги на ногу, глядя на нас и кусая щеку изнутри. В его внешности была некая юношеская привлекательность, но темные волосы, густые брови и полные губы превращали его в зрелого мужчину.

Его длинное тело напоминало мне тело Колина. Комплекция атлета, крепкие мышцы, длинные ноги и высокий рост превращали его в сильного и могучего мужчину.

В глазах Сэта кипела смесь возбуждения и нерешительности, пока он оценивал меня. О чем он думал в этот момент? Я задержала дыхание, сосредоточив свой взгляд на нем. Он моргнул, схватив меня за затылок, и ворвавшись языком в мой рот.

Отлично. Немного силы, и я поддалась грубости, встречая каждое движение его языка своим. Его губы дерзко напали на мои, а пальцы впились в мой затылок. Второй рукой Сэт

сжал мою грудь, прикрытую кружевом бюстгалтера. Мне понравилось это, и, пожалуй, даже больше, чем нужно. Я протянула руку к его эрекции, и наткнулась на пальцы Колина, которые надевали презерватив на упругую длину Сэта. Меня зажигало то, что это было нужно им обоим. Через несколько мгновений я буду извиваться между двумя влажными от пота, возбужденными телами. Ожидание этого пустило по моему телу импульс, и я укусила Сэта за губу. Улыбнувшись с оскалом и глядя на его член, я представила его — крупного и мускулистого парня, чье тело было обтянуто байкерской кожей. Колин быстро отдернул руку, чтоб не коснуться моей киски. Я засмеялась, разорвав поцелуй, и почувствовала слабую дрожь в теле.

— Трус!

— Шлюха!

Взгляд, которым он одарил меня, был пропитан глубоким дружеским чувством — именно таким, начало которому было положено в нашем детстве, на скучных вечеринках и в школьных классах с пыльными партами.

Колин встал на ноги с грацией, которая была свойственна каждой клеточке его тела. Выражение его лица было каким угодно, только не суровым. Он взглядом пожирал дрожащие движения Сэта, эрекция которого слегка спала.

— Он весь твой.

Дурак. Пока он в комнате, его любовник будет делать все, что я захочу. Я опустилась на колени, нежно обвила твердый член Сэта ладонью, и коснулась головки языком. И, словно по щелчку пальцев, мой мозг переключился на образ байкера, который так дерзко врывается в мои мысли. Его член будет толще, и у него будет немного волос в области паха, а вены на его члене будут пульсировать под моими пальцами. Твердая, внушительная тайна. Мужчина, который сталкивался с вещами более ужасными, более жестокими и более дикими, чем простая оргия в постели. Годами я была на побегушках у мужчин с властью в руках. Как бы я хотела иметь хоть одного такого на своей стороне.

Когда Сэт толкнулся в мой рот, неприятный запах латекса ударил мне в нос. Я пересилила себя, и продолжила.

Или это, или заболевания, передающиеся половым путем. Здесь даже думать было не о чем, учитывая сколько половых партнеров было у нас с Колином.

Я облизывала и сосала его, пока запах латекса не исчез. Взяв его член за щеку, я побаловала его сильным посасыванием и щелчками языка по основанию. Колин поглаживал бедро Сэта членом всего лишь в миллиметрах от моего лица. Я чувствовала такое сильное желание схватить его и заставить закричать.

Руки моего мужчины исследовали грудь другого мужчины, постепенно спускались к его ребрам и настойчиво гладили ягодицы. Я услышала их поцелуй.

Мускусный запах их тел заряжал меня с каждым вдохом, заставляя меня быстрее работать губами, пока ноги Сэта не начали ощутимо дрожать. Он расставил ноги шире, позволив Колину ласкать его между ягодицами. Долго Сэт не продержится.

Я встала, шатаясь на каблуках, и расстегнула юбку. Она облачком упала на пол. Блузка и трусики последовали за ней в ту же секунду. Когда я потянулась к застежке лифчика, Колин прервал поцелуй с Сэтом, лизнув его язык, и кивнул в сторону кровати.

Мои соски затвердели, почувствовав прохладный воздух комнаты, или это была реакция на то, что я видела, как Колин ласкал член Сэта. Поглаживание превратилось в крепкую хватку на его длине, а его серо-голубые глаза остановились на мне.

Боже, от вида Колина у меня перехватывало дыхание. Иссиня-черные волосы, еще влажные после душа, были зачесаны назад короткими каскадами. Утонченное вытянутое лицо вполне подходило для его публичного образа, а его волевой квадратный подбородок превращал его в идеал мужской красоты. На его щеке появилась ямочка от улыбки.

— Ты готова для него?

Он не спросил, влажная ли я. Бедняжка отказывался признавать то, как киска может влиять на мужчину, а у меня это получалось чертовски хорошо.

— Я теку...Изнемогаю...Задыхаюсь...

— Хорошо. Хватит, — его тон был резок, но это лишь усилило блеск в его глазах и придало его голосу королевскую интонацию. — Тащи свою маленькую мягкую попку на кровать.

— Она всегда кажется тебе *мягкой*. Может, мне стоит накачаться тестостероном и отрастить бороду? — мы перекинулись ухмылками, и он закатил глаза, трясая головой. Я бросила взгляд на Сэта. — Как ты думаешь? Я слишком мягкая?

Мне нужны были комплименты от него? Может быть. Я никогда не сомневалась в наших партнёрах. Мы с Колином быстро попадали под их очарование. Другим мы *латили*, чтоб они удовлетворяли нас *обоих*. Я отмахнулась от этой мысли. Сэт пытался сосредоточиться на чем угодно, только не на пальцах Колина, скользящих по его члену. Сэт дернул бедрами, и произнес.

— Да.

Да? Ублюдох даже не слушал.

Колин отступил от него, удерживая свои руки на бедрах. Он оценивающе сузил глаза. В его позе царило доминирование. Конечно, только ему было дозволено дразнить меня всю жизнь. Но один знак неуважения со стороны любовника, и ночь будет закончена. Сэт резко вскинул голову, и его глаза заметались между нами.

— Нет. Я имею в виду... — он оценил мое тело взглядом от груди и до кончиков пальцев на ногах. — Вы мягкая там, где нужно, миссис *Бэскел*.

Услышав свою фамилию, волосы у меня на затылке начали шевелиться.

— Бэскел — моя девичья фамилия, — я взяла фамилию Колина Андерсона, чтоб хоть как-то показать, что мы женаты. — Не нужно преуменьшать моих прав в роли его жены.

Колин потер подбородок, погладив пальцем глубокую впадинку на нем. Его напряженные скулы выдали его недовольство.

— Сэт, у тебя проблемы с соглашением?

Плечи Сэта дернулись.

— Нет. Прости. Я не имел в виду ничего такого, — его руки свободно повисли, а голова склонилась к груди.

Пора действовать, Кэси.

Я взобралась на кровать и легла на спину, облокотившись на матрас.

— Все в порядке.

Я подняла ногу, впившись шпилькой в бедро Сэта, поддразнив его.

— Я ведь не испортила твое настроение?

В воздухе мгновенно повисло напряжение. Я встретила взгляд Колина, и ожидала, что он попросит оставить его с любовником наедине. Но он хотел меня своим извращенным образом. С одной стороны, я могла рассчитывать на то, что он займется сексом и без моего участия. Ему казалось, что мое присутствие было формой одобрения, а его настоящие

сексуальные аппетиты не могли быть приняты истеблишментом. Он посмотрел на эрекцию Сэта. Головка его члена дернулась под таким жарким взглядом.

— Ты хочешь трахнуть мою жену?

— Да.

Глубокий вздох последовал сразу за его ответом. Сэт схватил меня за лодыжку, и шире расставил мои ноги, вторая его рука уже держала мое колено.

Когда его губы коснулись внутренней части моего бедра, я растаяла и обхватила свою грудь руками, сжимая чувствительные соски пальцами. Его рот проделал теплую дорожку до самой косточки.

Продолжай, малыш.

Мои бедра дрожали, а стальное колечко — пирсинг на моем клиторе — только добавило напряжения и без того пульсирующей киске.

Оставив последний поцелуй на моей ноге, он сменил курс, и теперь его губы двигались по тазовой кости вверх по моим ребрам.

Я стиснула зубы, но не стала унижаться, прося Сэта сделать то, до чего сам он не додумается.

Его рот двигался вверх по моему телу. Он убрал руку с груди, и сомкнул зубы на соске. Острая, холодная боль пронзила верхнюю часть моего тела, рассыпая искры по мышцам.

— Ааа, — но Сэт тут же заткнул мой возглас своими губами.

Быстрый, но настойчивый поцелуй скользнул по моей щеке, а его член уперся в мои складки. Колин провел рукой по внутренней части моего бедра, а потом скользнул пальцами по упругой длине Сэта.

Боже, я была такой влажной, такой чертовски готовой. Он в любой момент мог скользнуть в меня, и с дрожащим дыханием он так и сделал. Его толстый член наполнил меня удовольствием, которое теплом растеклось по моему телу. Мои глаза искали его разгоряченное лицо, и он казался таким же возбужденным, как и я. Его рот был приоткрыт, вдохи дрожали, а блестящие глаза были сосредоточены на мне. Он ускорил свой темп, когда на матрас рядом с нами упал тюбик со смазкой. Его толчки не утихли ни на секунду, даже когда он поймал взгляд мужчины, который двигался за его спиной.

Я откинула голову назад, чтоб встретиться глазами с Колином, который потянулся за моей рукой. Он положил ее на зад Сэта, чтоб я могла помочь ему войти в парня сзади.

Колин смотрел на меня, пока не вошел полностью. Его ресницы дрожали, пока он проникал в Сэта сзади. Я ненавидела, когда он так делал — когда разрывал наш с ним зрительный контакт, чтоб посмотреть на третьего между нами. И в тоже время, было бы странным — трахаться вот так, и смотреть друг на друга. Это не было нормальными отношениями, и понимание этого холодило все внутри меня.

Когда мысли Колина полностью сфокусировались на Сэте, я представила атлетически сложенное тело Неуловимого, его полные, готовые для поцелуев губы, и порочную длину его эрекции. Я представила, как ненасытно и грубо он будет трахать мое тело, полностью сосредоточившись на мне, и ни на чем более.

Голова Колина откинулась назад. Вены на его шее напряглись, и он сделал еще один рывок телом вперед. Так он мог трахать меня единственным доступным ему способом... Через другого мужчину.

Вес обоих мужчин сказался на колечке в моем клиторе. Я расслабила бедра, приближаясь к желаемому завершению. Все, чего я хотела, это кончить с мужчиной,

которого даже ни разу не встречала в своей жизни. Я была ненасытной, и, может, мне удастся получить оргазм еще и самой позже, когда я закончу с ними.

Сэт выпрямился. Его спина коснулась груди Колина. Их рты столкнулись в жадном и влажном поцелуе, и внезапная напористость толчков Сэта толкнула меня к моему оргазму. Колин стал вколачиваться в него сильнее, с каждым разом погружая член Сэта глубже в меня. Глаза моего мужа теперь были с силой зажмурены. Колин сбавил темп толчков. Он был близок. Как и я. Мы кончили вместе, выгибая спины каждый в свою сторону. Три тела двигались в унисон, поднимая блаженный жар из самой глубины моей души. Пот скатывался по моей коже. Пульс стучал в ушах, и мышцы были напряжены до предела.

Со следующим толчком я больше не чувствовала член Сэта. Черт. Я вильнула бедрами, пытаюсь вернуть его назад, но он был таким мягким, что никак не мог попасть в меня. Я протянула руку и направила его куда нужно, но нащупала пальцами наполовину обвисший с его головки презерватив. Какого хера?

Я приподнялась на локтях, глядя на свое тело. Член Сэта обвис на его яйцах, а презерватив был наполовину спущен с его длины. Бл*дство.

Он попытался избежать моего взгляда, и начал поправлять презерватив.

И они думали, что это я мягкая? Это могло бы стать шуткой. Но мне так хотелось сказать ему, что он ведет себя как тряпка. Гребаный придурок и раньше трахал меня, и все было отлично. Но если говорить о начале сегодняшнего вечера, я вступила в игру уже после прелюдии. Возможно, минет был лишним?

Колин замер, схватив Сэта за руку, которой тот пытался вернуть себе эрекцию.

— Что случилось?

— Не знаю. Дайте мне минуту, — Сэт смотрел куда угодно, но только не на меня. Его брови образовали одну линию, пока глаза неотрывно следили за пальцами, которыми он ласкал свой вялый член. Я глубоко вздохнула. Ситуация была настолько неловкой, что напряжение можно было потрогать пальцами. Настроение было убито. Не нужно было разрушать вечер еще и для Колина. Я вылезла из-под них, и встала на колени. Коснувшись щеки Колина ладонью, я повернула его голову к себе и поцеловала подбородок.

— Я пойду.

Его светлые глаза превратились в льдинки. Он схватил бедра Сэта, и оттолкнул его от себя. Я ухватила его за руку.

— Закончи, — я смягчила выражение своего лица. — Хорошо?

На его массивной челюсти заиграли желваки, а взгляд метнулся на место, где только что сидел Сэт.

Если бы я стала одеваться в комнате, это еще больше ухудшило бы настроение моего мужа. Вина из-за нашего вынужденного брака сильным бременем ложилась на его плечи в такие моменты, как этот, и это оставляло отпечаток в его душе.

Я собрала свою одежду, и, не оглядываясь, вышла из комнаты, чертовски надеясь, что он послушается и закончит без меня.

Я шла по лофту площадью 7000 футов (прим. перев. — 2133 квадратных метров), и тихое шлепанье моих босых ног эхом отдавалось в пустом фойе двухуровневого помещения.

Мы с Колином лично придумали интерьер нашего дома, который купили за 5 миллионов долларов, и мы заработали на него каждый цент. Но иногда высококлассная и роскошная мебель, и полностью укомплектованный гарнитур превращались в нежеланное напоминание о том, что мы находились на тропе бок о бок с жадными до власти людьми.

Такими, какими были наши родители.

Разница в нашем с Колином возрасте была три месяца, но 37 лет нашей жизни мы провели, прогибаясь под «политические нравы» наших родителей. Андерсоны и Бэскелы не только шантажировали нас для того, чтобы мы поженились, но и помыкали нашими карьерами с постов генеральных директоров «Тренчент Медиа».

Я остановилась на кухне набрать стакан воды, а потом направилась в свою спальню. Нам было насрать на богатство и состояние. Колин был ведущим политической телепередачи «С точки зрения Андерсона», потому что он верил в свои идеи. Его свежие комментарии с взглядом на будущее, раскачивали политический мир и профессионально делали свое дело, приобщая к политике тех, кто поднимал экономику страны.

Будучи во главе компании, я руководила отделом «Тренчент Таймс», курируя процесс печати и цифровую обработку данных. На протяжении десяти лет я упрямо отстаивала свою точку зрения перед советом директоров, чтобы передавались реальные факты людям, которые борются за самореализацию. Черт возьми, кому-то нужно было делать это. Да, это было высокомерно с моей стороны. Я преследовала свои собственные цели — моя месть зарождалась в ненависти.

Я бросила свою одежду в кучу в шкафу, и швырнула одну из туфель-шпилек в стену. Она стукнулась о бетон с характерным звуком, который полностью меня удовлетворил. Когда наши родители, будучи на пике своей популярности, узнали о сексуальной ориентации Колина, они вынудили нас подписать контракт, согласно которому мы были обязаны держать это в секрете, чтоб не разрушить лицо «Тренчент Медиа». Контракт включал в себя все — брак, карьеру, и даже то, за кого мы голосовали и как одевались.

Если бы родители узнали о Колине *всю* правду, с нашими карьерами можно было попроситься в тот же момент, а Колина отправили бы в тюрьму. При мысли об этом мои ногти врезались в кожу ладоней.

Я сделаю все, что потребуется, чтобы защитить его, несмотря на разрушительные последствия нашего брачного контракта. Этот брак оставлял меня неудовлетворенной ночь за ночью. Партнеры Колина, которых мы делили, не могли полностью утолить мою жажду. Боже, несмотря на риск, я получала свою дозу секса просто так, а Колин еще и платил за это для меня. Незнакомый мужчина на спортивном байке, воспоминание о котором отнимало у меня способность дышать, стал пределом моих фантазий. В них не было места обвисшему члену Сэта.

Именно поэтому, я не пропущу тайную гонку, которая должна состояться сегодня ночью. Я посмотрела на часы на ночном столике. У меня осталось всего лишь два часа. Сегодня его загадочные глаза, которые он так тщательно скрывал под шлемом, будут прикованы ко мне.

Глава 2.

Кэси

Горячий душ не смог снять разочарование, которое накрыло меня после спальни Колина. Беспрестанная жажда освобождения — от *чего-то* — пульсировала в моем теле и играла в порочные игры с моим разумом.

Я бросила полотенце на пол и прошлась по темной комнате, полной дорогой мебели:

диван и тафта, кровать королевского размера, полки, заполненные книгами до потолка. Дорогие материалы на полу и стенах, покрытие из темного дерева, тёплые оттенки красного и коричневого — интерьер будто приглашал, но в то же время был... пустым. Мебелью никто не пользовался с тех пор, как я сюда переехала. Я проводила дни в офисе, а вечера или с Колином, или на тайных гонках. Но спала я здесь, в этой колоссальной постели, одинокая и брошенная, и я ненавидела это.

Бл*дь, у меня было хорошее настроение. Гонки всегда добавляли энергии. Я даже не расстроюсь, если не увижу сегодня Неуловимого. Он был всего лишь роскошью, которая придавала вечеру своеобразную изюминку.

Кому я лгу?

Я провела ладонью по животу, дразня жажду, которая закипала у меня под кожей, и пальцы коснулись полоски волос у меня между ног. Осталось подождать лишь два часа. Всего два часа прежде, чем я снова его увижу. Лениво потянулась, вспомнив, как он несется на четырехстах фунтах мощи (прим. перев. — 180 кг) по заезженным и пахнущим маслом улицам. Его темный силуэт — пугающий и изящный верхом на его байке. Ему всегда было плевать на толпу, которая его окружала. Будто это не он только что всколыхнул их мир, в котором они то и дело ищут приключений. Вздыхая, я взяла планшет и плюхнулась на кровать. Электронное сообщение от Дженны ждало меня в инбоксе, как она и обещала. Сегодняшняя гонка начнется на Банкер Хилл, путь гонки лежит через отдаленные от шоссе улочки и закончится на пересечении Стейт и Найнс Стрит.

От освещения зданий за окном моя кожа напоминала предмет искусства из серебра. Стопы на матрасе, колени расставлены и согнуты. Я провела кончиками пальцев по линии бедер, задрожав от прикосновения. Воздух коснулся моей кожи, словно мягкий поцелуй без прелюдии, и я почувствовала свободу, раскованность, но и одиночество в то же время.

Коснулась экрана планшета, и передо мной всплыла статья из «Тренчент Таймс» за прошлую неделю. Десятки фотографий удалось снять на тайной гонке в Линкольн Парк. На большинстве из них крупным планом изображен глянцевый гоночный мотоцикл BMW S1000RR и его непобедимый владелец, с головы до ног одетый в черную кожу. Линии его властного и огромного тела создали в моей голове настоящую секс-машину. Его торс горизонтально припал к баку мотоцикла, затем последовал приподнятый хвост, а нос огромной машины смотрел вниз, поднимая на себе гонщика. То, как его бедра обхватили алюминиевый каркас, пробудило во мне зависть. Я бы хотела очутиться на месте этой машины, почувствовать силу его ног, пока он будет мчаться на мне навстречу смерти. Пламя охватило меня изнутри, и из груди вырвался тяжелый вздох. Я листала фото вперед и назад, разыскивая лучший вид на его задницу. Вот! Отдаленный снимок, когда он на ходу наклоняется в сторону, сокращая угол между байком и асфальтом. Его колено почти коснулось земли, флиртуя с опасностью, и послав дрожь по самым сокровенным местам в моем теле.

Оставив планшет на бедрах, я скользнула пальцами по своей киске и представила, как окажусь верхом на нем, а моя влага коснется его кожаных штанов. Я бы не отступила от своего и впилась обеими руками в его шлем, медленно, но упорно пытаюсь снять его хотя бы для того, чтобы добраться до его губ. Я бы прошла по ним языком, а потом по щетине на его щеке...

Была бы у него щетина? Дааа, и она оставила бы обжигающий след на моей коже. Погрузив пальцы в свою дырочку, я увлажнила их и закружила вокруг клитора, задевая

пирсинг. Пальцы на ногах сжались, и дрожь, отняв способность дышать, вжала мое тело в матрас.

Я должна снять с него шлем. Точка. Я мысленно стягиваю его, мое тело трепещет в предвкушении увидеть его лицо. Я выравниваюсь на нем, чтобы увидеть его размытое лицо, и тянусь к его волосам, притягиваю ближе, пялясь...пытаясь рассмотреть... рассмотреть... что?

Я сморщила нос и пролистала коллекцию эротических фотографий одним движением пальца, отчаянно ища вдохновения. У него узкий подбородок? Это было бы слишком помпезно. Веснушки? Нет, слишком невинно. Длинные черные волосы?

Точно нет.

Бл*дь, я даже не могла нарисовать в своём воображении нужный образ. К черту его. Пусть подавится своей анонимностью. Это ведь часть приманки? Мне не нужно его лицо, чтобы мысленно трахнуть его!

А что если у него над губой родинка с волосинкой? Или у него сросшиеся брови? Гнилые зубы?

Еще одно движение пальцами между ног.

— Боже, я на грани.

Я вставила в себя три пальца по косточки, желая заполнить пустоту.

— Если смотреть с моего ракурса, то вряд ли.

Я дернулась от испуга, и мой взгляд устремился в сторону приятного голоса. Колин, одетый в сшитые на заказ черные боксеры, оперся плечом о дверной косяк и скрестил руки на голой груди, будто рекламировал мужское нижнее белье. Темнота комнаты скрывала его лицо, но я могла представить, как противоречие натягивает кожу возле его глаз. Я никогда не уходила из его постели неудовлетворенной, и он наверняка винил себя за сегодняшний вечер. Бесспорно, он здесь, чтобы сказать об этом.

Скользя влажными пальцами по своему животу, я сдвинула ноги.

— Скажи, что ты закончил начатое прежде, чем отправил его домой?

— Да. Закончил.

Каждое слово далось ему с трудом. Он зашагал по комнате и исчез в смежной ванной. Через мгновение он вернулся с моим любимым вибратором с функцией стимулирования клитора.

Когда он залез на кровать, серебристый свет из окон окутал его тело, открыв моему взору сдвинутые брови и сердитую гримасу. Зная Колина, я понимала, что он был встревожен ситуацией, которая сложилась между нами, и собирался озвучить все, что грызло его изнутри. Но разве то, что я хотела избежать негативных эмоций между нами, превращало меня в дерьмового друга?

— Колин, я в порядке. Давай не будем этого делать.

Его лицо потеряло любые признаки жизнерадостности.

— Не будем делать чего, Кэси? Не будем общаться? Не будем говорить о том, как я только что отымел парня, который солгал нам? — вибратор выпал из руки Колина, он потянулся пальцами к лицу и потер губы. — Я не знаю, на что я зол больше: на то, что он солгал нам, или на себя за то, что не рассмотрел правду во всем этом дерьме. Я имею в виду... Бл*дь! Я же известен тем, что могу прочесть людей!

По большей части это было правдой. Был даже целый список личностей, которые отказались давать интервью Колину потому, что боялись, что он пронюхает их секреты и

раскроет их на ТВ. Странно, как у него не получалось применить эту способность на самых близких людях. Таких, как я или наши родители.

— Сэт — не один из твоих политических врагов.

— Не рассказывай мне. Как только он переступает порог моей спальни со своим горячим маленьким членом, у меня мозги закипают, — его рука со злостью впилась в волосы. — Он переворачивает мой мир наизнанку.

— Он трахал тебя в задницу?

Его глаза расширились в ужасе.

— Нет.

Боже, у него было столько скелетов в шкафу, что они скоро начнут оттуда вываливаться.

— Рано или поздно то, что у нас произошло с Сэтом, случилось бы, — я не повышала голос, а говорила успокаивающе. — Нам все равно будет безопасней, если мы вернемся к услугам эскорта.

Он сел со мной на кровать, коснувшись меня бедром. Колин повернул мое лицо к себе, а после вставил вибратор между моих грудей.

— Он мне нравится.

Оу.

— Ты о том, что он тебе на самом деле *нравится*?

Колин сдвинул плечами.

— Не знаю. Но не могу перестать думать о том, что реально хочу это выяснить.

Это объясняло эмоции, которые тучей затянули его лицо. Он не любил обман, но, тем не менее, смирился с тем, что Сэт солгал.

— Пригласи его еще раз и отымей его задницу за то, что он тебе солгал.

Я ущипнула его за ребра. Именно туда, где всегда было его самое слабое место со времен, когда его голос сломался.

— Ааа, — он схватил мое запястье. Его губы дрогнули и изобразили на лице подобие улыбки. — Мне не нужны отношения, в которых нет тебя, — Колин провел подушечкой большого пальца по моей ладони, устремляя взгляд за окно. — Это чертовски эгоистично.

Я перевернулась. Вибратор и планшет скатились с меня на матрас.

— Нахер твое чувство вины, Колин. Если тебе нравится делиться мной со своими партнерами, это одно, но мы никогда не договаривались об этом.

Семь лет назад заголовки газет кричали о нашей самой известной свадьбе в стране, новость о которой прокатилась волной между представителями традиционных консерваторских взглядов. Тогда мы поклялись иметь любовников. Вместе и каждый сам по себе. Это не имело значения, пока мы могли удерживать это в тайне от наших врагов.

— Я не собираюсь трахать всех подряд, — пробурчал он себе под нос. — Если ты хочешь остаться здесь наедине, занимаясь... — Он указал подбородком на мою руку между ног.

— Занимаясь чем? — я закусила губу, пытаюсь скрыть улыбку. Колин опустил руку и остро посмотрел на меня. — Лаской котенка.

— Котенок любит, когда его ласкают.

Он вздернул бровь. Я улыбнулась, и ткнула его коленкой в грудь.

— Попробуй это с Сэтом. Только будь осторожен. Меня беспокоит то, как он смотрит на тебя. Даже ярость ада не сравнится с болью из-за отверженной любви. А нам больше не нужны враги.

Он ни на секунду не отвел глаз. Упертый и решительный, он слишком много думал о том, как его отношения будут влиять на меня.

Я встретила его взгляд.

— Если бы у меня был мужчина, *правильный мужчина*, ты бы одобрил то, что он будет меня трахать.

Он кивнул, и уголок его рта дрогнул.

— *После* того, как я узнаю о нем каждую подробность, конечно же.

— Конечно.

Он провел пальцами по волосам.

— *Если* я продолжу встречаться с Сэтом, — он уставился на меня. — Мне лучше начертить границы. Но я не оставлю тебя без внимания.

А это значило, что он продолжит нанимать качков, которые могли бы поиметь меня. Боже, это звучало так жалко.

— Я сама вполне могу найти себе компаньона.

Он рассмеялся. Ублюдок. Какого хера? Будто я не могу сама найти того, с кем заняться сексом. Только потому, что я боялась переспать с кем-то, кто может раскрыть наш секрет? Колин нанимал частного детектива для каждого из наших любовников и вынюхивал о них все, вплоть до пароля на кредитную карту. Он посоветовал подписывать соглашение о неразглашении перед тем, как хотя бы один соблазнительный взгляд был брошен в мою сторону. Я и сама могла решить все эти проблемы. Мне никогда не нужны были его любовники.

— У меня есть парень на мотоцикле, — я указала глазами на планшет. — С ним будет безопасно.

Фантазия, которую я так и не смогу воплотить в жизнь.

— Сильно сомневаюсь, что с ним может быть безопасно, — он поднял планшет и уставился на фото. — Как ты думаешь, что он прячет под этой кожей?

Я откинулась на спину и взяла вибратор, закрывая глаза.

— Что-то большое и твердое.

Он застонал.

— Боже, женщина, тебе стоит поработать над своим воображением, — он придвинулся ближе, протягивая ноги и устраиваясь поудобней. — Такой мужчина трахается так же, как и ездит. В нем живут страх, опрометчивость и неукротенная энергия. Им движет адреналин. Он берет *что* хочет и *когда* хочет, и ему плевать на окружающий мир.

Я расслабила ноги, раздвинув их в коленях. Его низкий голос уже звенел у меня в ушах. Опасность, которая обволакивала этого загадочного мужчину, пленила меня. Интересно, он так рискует своей жизнью только ради ощущения адреналина? Или всему причиной деньги? Ходили слухи, что на гонках он заработал миллионы, ставя на свою беспроегрышность и наживая врагов с каждой новой победой.

Ночь в его объятьях не будет риском, потому что он может потерять больше, чем я. Так ведь? Разве он не будет больше обеспокоен тем, чтобы скрыть свои секреты, а не раскрыть мои? Мысль об этом заставляла мое сердце останавливаться, и все, что я чувствовала, это жажду его губ на своих, жажду самого страстного секса, который я могу только представить, и анонимности для нас обоих.

Я хотела принадлежать мужчине, который будет брать женщину так же неистово, как он защищал бы ее. Я хотела жить в своем гребаном воздушном замке. Колин скользнул пальцем

по экрану, меняя картинку.

— Спорю, он построен, как машина, а его член — это железный поршень. Мышцы на его заднице — вовсе не мышцы, а карбоновое волокно поверх кевлара. (прим. перев.: карбоновое волокно — очень крепкий материал, часто использованный в механике для покрытия деталей машин или мотоциклов; кевлар — еще один очень прочный материал. Изначально материал разрабатывался для армирования автомобильных шин). Идеально обтекаемый и пуленепробиваемый.

Пуленепробиваемая задница. Ооо, это было нечто очень аппетитное. Эдакий биомеханический мужчина, но мне это нравилось. Мое тело жаждало проникновения, и я легко скользнула вибратором в себя.

Порочный рот Колина продолжал свою словесную пытку, описывая различные методы, которыми этот безбашенный байкер мог бы пытать меня всю ночь напролет, вторгаясь в каждую из моих дырочек и пороча каждую девственную клеточку моего тела. Я приближалась к оргазму со скоростью света, балансируя на пике кульминации. Колин возник рядом со мной, опираясь головой на руку.

— Его задница будет настолько упругой, что он не сдастся без боя. Я бы повалил его на пол, и вступил бы с ним в схватку. Я, конечно, сильнее, но он...

— Ты не против?! — я сжала пальцы на вибраторе. — Это моя фантазия.

— Можешь поприсутствовать. Только strapon не забудь.

Учитывая мое везение с мужчинами, Неуловимый явно был или женатым, или геем. Или и то, и другое.

— Я здесь пытаюсь сконцентрироваться. Лучше вернись к части о его твердом члене.

Он перекатился на бок, чтоб посмотреть на меня. Его голова теперь покоилась на подушке, а дыхание отбивалось от моей щеки.

— Сначала тебе будет больно. Он слишком огромный, и он не привык к нежности. Но боль тебе понравится. То, как он медленно и болезненно растянет тебя, заставит каждый нерв в твоём теле дрожать от напряжения.

Мышцы моей киски сжались и начали пульсировать вокруг игрушки. Да. Вот так. *Не останавливайся.*

— Он перетрахал полгорода, так что вряд ли кто-то сможет сравниться с его мастерством поиметь киску. О силе, с которой он может трахать женщину, можно слагать легенды.

В Колине было полно дерьма. Десятки женщин твердили, что заполучили в свою постель самого завидного плохиша Чикаго, но мои репортеры опровергли любое утверждение и доказали, что ни одна из них не видела лица Неуловимого.

Разве что он трахал их, не снимая шлема.

Колин забарабанил пальцами по ребрам.

— Когда он трахается, он не только открывает твои порочные желания. Он меняет их, пока все, что ты чувствуешь — это скорость и сила его толчков, с которыми он вколачивается в твою нежную щель, лишая последнего дыхания, и оставляя тебя жаждать его член до конца твоей жизни.

Я рассмеялась, когда достигла оргазма. Шок накрыл меня волнами, освобождая мое тело с каждым выходом. Задерживая дыхание, я вытащила вибратор и отложила его в сторону.

Губы Колина коснулись моего плеча.

— Прости за сегодняшний вечер.

— Не стоит.

Я повернулась к нему и ущипнула за подбородок, пытаясь вызвать на лице улыбку.

— Я замужем за своим лучшим другом. И я не жалею.

Он закрыл глаза.

— Ты замужем за геем, который выступает против пропаганды гомосексуализма на национальном ТВ.

— А ты женат на женщине, которая раз за разом пачкает член твоего любовника своей смазкой.

Колин наполовину хмыкнул, наполовину засмеялся.

— Боже, ты ужасна.

— Ты сам начал. Хватит ныть о своей политической кампании.

Он был в постоянном водовороте суеты — той, которая разрывала его на две части: мужчину, которым я восхищалась, и правого консерватора, который меня бесил. Так как наши политические взгляды расходились, терпение заставляло меня гордиться тем, что я играла роль жены консерватора. Публика Колина любила его, а она в основном зависела от религиозных, традиционных и моральных взглядов. Он был их голосом и рьяно защищал их веру во все. Ну, почти во все.

Я улеглась на спину, глубоко выдыхая.

— Ты *никогда* не выступал против прав участников однополого секса.

— Это и правда имеет значение? Правда в том, что нация принимает меня.

Если бы он раскрыл свой секрет, это, безусловно, изменило бы их восприятие. И смело бы его с экранов телевидения.

Ублюдки не умеют широко мыслить.

— Иногда мне хочется... — он уселся на краю кровати спиной ко мне. — Мне хочется заботиться о тебе, вместо того, чтобы подкладывать тебя под Тома, Дика или Гарри. Если бы во мне было меньше от гея...

О, сегодня его чувство вины не на шутку разыгралось. Я схватила вибратор и встала с кровати.

— Колин, ты не трахал меня двадцать два года. И ты *знаешь* почему.

Это была тяжелая дискуссия, но ему нужно было напомнить. Я включила лампу и встала перед ним. Его взгляд метнулся к моей груди, спустился по бедрам к светлым лобковым волосам над колечком пирсинга в моем клиторе. Это был беглый взгляд, как тот, которым женщины окидывают меня в раздевалке спортзала. Всего лишь оценка моего тела, но ни капли сексуальной заинтересованности.

Он свесил голову вниз. Когда мы впервые отдали друг другу нашу девственность в пятнадцать лет, его сексуальная ориентация была под вопросом, но так толком и не раскрыта. Причина того, что между нами не было сексуального притяжения, что тогда, что сейчас, была в том, что между нами просто не было химии. Это говорило о том, что он никогда не сможет переспать со мной или с другой женщиной.

Я прошла в ванную и бросила ему через плечо:

— Не забывай, что пять минут с моей киской на всю жизнь отпугнули тебя от женщин.

— Сучка! Это было двадцать пять минут! — он проследовал за мной по пятам. — Но на протяжении целого часа ты заставила член этого гея стоять. — Он ухватил меня за руку на пороге ванной и оставил поцелуй на лбу. Конечно, он имел в виду себя. — И я не жалею.

Я не жалею. Это стало нашей мантрой, потому что, на самом деле, сожаление жило в нас обоих. Он хотел отношений с женщиной, которого ему не придется скрывать. Мне нужен был партнер, которому не придется трахать меня через третье лицо. Он хотел ребенка от суррогатной матери. Я хотела зачать ребенка когда-нибудь, в порыве страсти.

Мы могли лишь оплакивать вещи, которых никогда не сможем иметь. Или могли сосредоточиться на единственной честной вещи, которая у нас была. *Мы.*

Я ущипнула его за пухлую надутую губу.

— И я не жалею, и, если мы закончили с этим слезливым дерьмом... — я шутя ударила его в живот кулачком достаточно, чтобы заставить его согнуться и хохотнуть. — Мне нужно в туалет.

Я положила вибратор в раковину и направилась к унитазу.

Он включил воду и намылил игрушку.

— Так это новые фото твоего бойфренда? — он продолжительное время посмотрел на меня. — Он появился на людях в бакалейной лавке?

Колин даже не замечал, что я делала.

— Не называй его моим бойфрендом, — байкер даже не знал, что я существовала. — Всем нужно есть, Колин.

— Ммм. Я думал, он жует болты и гайки, и пьет моторное масло.

Закатив глаза, я спустила воду в унитазе и встала возле второй раковины.

Колин оперся бедром о керамику. Его торс высвечивал золотистым цветом благодаря дорогим средствам по уходу за кожей. Этот мужчина был воплощением утонченности, будто принадлежал роскошному дорогому интерьеру этой ванной с мраморным полом и первоклассными шкафчиками. Но *настоящий* Колин, чьи пальцы с ухоженными ногтями обнимали вибратор, был известен не многим. *Этот* Колин знал, как лучше вставить вибратор в тугую попку. Он высушил его и поставил основанием на раковину.

— Когда следующая гонка?

— Если верить моему источнику, через час.

Путь гонки всегда присылался мне от секретного информатора. Карта гонки была доступна лишь ограниченному кругу лиц, и найти ее можно было в специальной сети, где *дружбу* можно было завести только с помощью мудрёной сети частных серверов, которые прятали IP-адреса компьютеров. Много мороки, много денег и постоянные изменения делали ее невозможной для отслеживания федералами. В ней могли общаться лишь те, кто участвовал в гонке. Мой недопуск к сети меня не расстраивал. Не тогда, когда у меня на побегушках были лучшие журналисты страны. Губы Колина неодобрительно сжались в плоскую линию.

— Журналист под прикрытием до сих пор рискует своей задницей для тебя?

— Его зовут Хэл Пинкертон, и он даже не знает, что делает это для меня.

А вот что *мне* было неизвестно, так это то, использует ли он информатора или втерся в доверие к организаторам гонок и тем, кто вертит деньгами ставок. Все равно. Его информация была надежной, и я лично анонимно вознаграждала Хэла за старания, перечисляя деньги за каждый кусочек информации с помощью засекреченного сайта. Мой личный ассистент, Дженна, находила данные на закодированном сервере. Детали, которые никогда не коснутся газеты «Тренчент Таймс».

Слишком много грязных денег вращалось и вкладывалось в эти гонки. Достаточно, чтобы оплатить молчание любому, кто донесет в полицию или газету о месте проведения

соревнований.

— Эти байкеры... — брови Колина образовали одну линию над его темными глазами. — Они могут навредить тебе. Очень.

По иронии судьбы, он сам втянул меня в мир байкеров. Он повел меня на первую гонку за кубок Гран При, когда нам было по восемнадцать. Меня так захватили скорость и могущество байкеров, что вскоре после этого я купила себе собственный мотоцикл. Я устала на Колина.

— Я осторожна.

Он смотрел на меня, и в моей груди зарождалось что-то беспокойное. Он знал меня лучше, чем кто-либо, и изучил меня, будто почувствовал, как в моем теле шепчет дискомфорт. Он знал секреты, которые я прятала от него? Мои подозрения по поводу наших родителей? Его пронзительный взгляд подталкивал меня избавиться от бремени на сердце. Но это лишь еще больше обременит его.

Я закусила губу.

— Что?

После сражения наших двух упрямых взглядов, он помотал головой и вышел из моей спальни.

Беззвучно выдохнув, я последовала за ним, а потом свернула к гардеробной, где надела лифчик и леггинсы, а поверх — кожаную куртку.

Когда я вернулась в спальню, он уже стоял возле комода, крутя в руках свадебное кольцо, которое я никогда не носила. Свое он тоже не носил. Мы были женаты официально, но не духовно. Ношение колец казалось неправильным, и слава богу, контракт этого не требовал. Колин устремил свой взгляд на внутреннюю часть кольца, а потом просто вернул его в коробочку, которую сунул назад в ящик комода.

Я захлопнула ящик бедром, когда подошла ближе.

— Что происходит, Колин?

Он пожал плечами.

— Просто снова одна из этих ночей. В голове всякая херня.

Я прищурила глаза.

— Например? Сэт? Передача? — я выдохнула. — Мы?

— Передача.

Пол скрипнул под его весом, когда он сделал шаг в сторону от меня, посвящая в подробности того, что пошло не так на сегодняшнем выпуске передачи «С точки зрения Андерсона».

Каждое утро он писал сценарий к шоу, и снимал часовой ролик каждый день в пять часов вечера, который потом транслировался в девять. Он лично выбирал приглашенных гостей, предсказывая то, что они могут сказать в интервью, иногда даже слово в слово. Это усиливало его интуицию, давая ему возможность приводить контраргументы ко всему, что бы ему ни говорили. Но иногда он ошибался, как сегодня с генеральным директором компании «Нешнсайт Энерджи».

Он стоял посередине комнаты в своих боксерах от Деррека Роуза и хмурился. Колин казался таким ранимым и побежденным.

— В общем, все прошло нормально. Мы справились. Но я бы не стал приглашать его повторно.

Колин бредил своими рейтингами, и будет работать до посинения, пока не поставит

рекорд. Я сжала его руку, но сразу отпустила. Ему не нужны были теплые слова или утешительные объятия. Он приходил ко мне, вываливал свои проблемы, я слушала, и мы забывали.

И, как всегда после этого, он медленными шагами просто покидал комнату.

— Завтра передача будет посвящена брутальности полиции, — он остановился в дверном проеме, поднимая указательный палец вверх, пытаясь задержать мысль. — Найду скандального полицейского. Да. Вспыльчивого и опьяненного властью, — он почесал подбородок, а потухшие глаза засияли. — И у него должны быть усы.

С этими словами, он исчез в коридоре, предположительно направившись в офис в своей стороне лофта. Я уставилась на пустое место, где только что стоял мой муж. Часть меня хотела пойти и просто поцеловать его. Хотя бы на несколько минут, пока мне не нужно будет выезжать на гонку. Но я перестала думать о нем в таком ракурсе еще до свадьбы. Прижаться к Колину было бы равносильно объятиям с лучшей подругой... если бы она у меня была.

Его голова внезапно появилась из-за дверного проема, вырвав меня из моих мыслей.

— Будь осторожна, шлюшка.

— Всегда... — но он уже исчез. Я выдохнула. — Трус.

Конечно, он был прав насчет риска. Посетить гонку было равносильно тому, что я зайду голая или с пистолетом в бар байкеров. Меня могли арестовать, а мою репутацию можно было сунуть псу под хвост. Но переживания Колина были основаны на том, что я была всего лишь женщиной среди мужчин, которые не имели границ уважения, и не принимали никаких моральных нравов.

Конечно, у меня был пистолет, и я знала, как им пользоваться, но понимание этого лишь заставляло сердце Колина биться быстрее или тревожнее.

Мне не стоило ехать. У меня был длинный рабочий день, а завтра ждал еще один. Глаза уже горели от усталости.

Постояв возле кровати, я опустила руки на мягкое одеяло, и проползла к планшету. Мягкая ткань обняла меня ощущением комфорта.

Но вместо мыслей о приятном сне, я осознала, что всегда сплю в этой кровати одна, и укол боли от понимания своего одиночества пронзил меня где-то под ребрами.

Я была замужем за своим лучшим другом. У меня была его верность, его честность и его дружба. Но у меня не было мужчины, который будет обнимать меня ночь напролет, пока я сплю. Не было теплого тела, к которому я могу прижаться среди ночи. Не с кем было делить постель, и некому было защитить меня от вещей, с которыми я не смогла бы справиться в одиночку.

Этот сильный и не дающий покоя голод растекался раздражением по моей крови, и превращал мои чувства в напряженные струны. Я прошла к гардеробной, достала пару берцовых сапог из серебристой кожи и застегнула на них ремешки. Я не из тех женщин, которые прилягут и будут просто ждать, пока жизнь пройдет *мимо* них.

Я завязала на голове высокий хвост, схватила мотоциклетный шлем серебристого цвета и кевларовые гоночные перчатки. Чувство контроля курсировало по моему телу и наполняло мои легкие кислородом, пока я направлялась к двери.

Логан

Вибрация в моих яйцах возрастала по мере того, как я прибавлял скорость на своем мотоцикле. Четырехцилиндровый зверь просто рвал и метал от скорости, которую я из него выжимал. Всего семь миль, пять острых поворотов и два смертельных перекрестка отделяли меня от моих денег. Ну, а что насчет этого французского ублюдка у меня на хвосте? *Возможно*, я позволю ему увидеть финишную линию — он просто пропадет мордой асфальт перед ней.

Сенсор камеры заднего вида показывал, на каком расстоянии француз был от меня. Сорок метров. Теперь тридцать метров.

Впереди красная полоса из задних габаритов движущегося траффика Мичиган Авеню напоминала горизонт.

Сердце, словно гром, грохотало в грудной клетке. Ладони вспотели в кожаных перчатках, пока я несся к финишной черте, разжигаемый воспоминаниями о моей матери. Я вырос на сиденье байка. Я вспомнил ее терпеливые инструкции, когда она учила меня водить мой первый спортивный мотоцикл. Вспомнил все сломанные кости. И ее нежную заботу, когда она помогала выхаживать меня.

Но все мои воспоминания были перекручены в мясорубке с ужасным страхом. Страхом, который приковал меня *тогда* к месту в моем укрытии и заставил смотреть, как ее убийца натачивал нож. Страхом, который спас меня *тогда*, но угрожал *сейчас*. Я потрянул головой, освободившись от мыслей и сфокусировался на веселых моментах моего детства — на страсти, которая подпитывала меня. В груди разливался жар, заряжая кровь дикой энергией. Ничто не могло сравниться с этим коктейлем чувств — соперничество, схватка за превосходство, умелое доминирование и скорость, которую не каждый смертный на этих переполненных людьми улицах сможет обуздать.

Боже, ну и движение. Я чуть расслабил пальцы и крутанул ручку газа.

Пейс-кары с камерами на крышах, которые снимали гонку, остались позади меня со скоростью света. Фанаты с энтузиазмом трещали по двухстороннему радио, используя видеокamеры слежения для передачи гонки в подпольную сеть. Гонка онлайн передавалась на тайную сеть электронных ставок, которые не принимали эти самые ставки, пока гонщики не выйдут на последнюю милю.

Встроенный в шлем сканнер полицейских радиочастот раздражающе пропищал у меня над ухом. В нескольких милях позади нас красно-синие мигалки на крышах полицейских авто говорили лишь о том, что у копов было два недостатка. Первый — они не знали план гоночной сети. Второй — их машины и близко не разовьют скорость, на которой мчатся спортивные супербайки. Но если бы они нашли кучку фанатиков, которые поджидали победителей на финишной прямой, они могли бы устроить там облаву. И, даже если бы дошло до этого, я бы нашел, как увернуться. В этой дуэли выиграет лишь один из нас. Другой умрет. Может быть, не сегодня, но богатенькие игроки ничего не теряют просто так. Я втянул больше воздуха, и расправил плечи. Я сделаю это. Триумф был такой же очевидной вещью, как и шлюхи, которые поджидали меня у финишной линии. Только шлюхи давались гораздо легче.

Верне Лебуа сидел у меня на хвосте, с каждым кварталом развивая все большую скорость. С ухмылкой на лице, которая невыносимо раздражала меня, он несся через толпы людей, пытаясь обогнать меня. Некоторые бледнели от ужаса, когда Лебуа проносился мимо

них на такой скорости. Но, с такими кривыми руками и с отчаянием сделать меня в гонке, он мог подготовиться попроситься со своим достоинством. И со своей жизнью. Двадцать миль позади, и я уже достиг максимума на своем спидометре. С другой стороны, Лебуа прекрасно стартовал в начале гонки и продержался в первых номерах половину пути. Спортивные байки выходят из строя на максимальных скоростях, и только из-за одного этого фактора можно было засунуть гонку на таком байке в задницу. Кроме того, я выиграл свое лидерство, когда не дал ему сбить ходовую цепь с моего редуктора (прим. перев. — ходовая цепь и редуктор составляют механизм в мотоцикле, благодаря которого мотоцикл может развивать и менять скорости).

Это было подло, но это единственный выход, который мог мне помочь. Я обгонял байки с реактивной скоростью, вдыхая по пути выхлопные газы, отчего мое сердце начинало стучать, словно поршни в моторе. Лебуа был обычным уличным панком, чей член всегда находился в какой-то киске, а мысли были задурманены шестизначной суммой выигрыша на кону. Но у этого французского дебила не было шансов.

Удерживая мотоцикл на скорости 150 миль/час (прим. перев. — 241 км/час), я промчался по встречному траффику и перевел взгляд на сенсор в шлеме. Он догонит меня через десять метров. Пять метров. Четыре.

Грохот приближающегося мотоцикла слился с ревом моего собственного. Три метра. Два. Если этот лягушатник приблизится еще хоть на йоту, он сможет добраться до меня. Не впервые я доеду до финиша, покрытый собственной кровью.

В метре от него я дернул руль вправо, пересекая его путь. Позади меня заскрипели шины, пока сенсор на моей камере фиксировал изображения его маневра. Угол его наклона к асфальту был таким острым, что, когда он коснулся металлическим наколенником трассы, из-под его колена полетели искры.

Ему понадобилось полсекунды, чтобы восстановить равновесие. Я прибавил газу и вышел на 185 миль/час (прим. перев. — 297 км/час). Двигатель взревел, руль заходил ходуном, посылая сильную дрожь по моим рукам. Мне пришлось сильнее прижаться бедрами к баку, чтоб удержаться.

Следя за навигатором на дисплее, встроенном в мой шлем, я скользнул в следующий острый поворот, сманеврировав мимо гидранта и напугав прохожих. Они уставились мне вслед с широко распахнутыми глазами, так как сигнализация на нескольких рядом припаркованных машинах заорала на всю улицу от вибрации. Мне пришлось гнать по тротуару и пролететь на красный свет, чтоб обогнать скоростной внедорожник. Бл*дь.

Прижимаясь всем своим весом вперед к баку, я сжал ручку переднего тормоза. Заднее колесо приподнялось вверх, вильнуло вправо, и едва не задело бампер внедорожника. Я отпустил ручку тормоза. Шина коснулась бордюра, отчего мои зубы стукнулись друг от друга, и я снова рассек движение шумом мотоцикла.

Из моего пересохшего рта вырвался вздох, когда сенсор показал мне Лебуа, который проехал перекресток. Когда его задняя шина заскрипела по тротуару, он вильнул на вторую полосу трассы, отчего две машины позади него остановились с пронзительным визгом шин. Он остался невредимым, чего не скажешь о машинах. Раздирающий звук скрежета металла о металл отразился от стен зданий вокруг, но этого гребаного столкновения можно было избежать. Лебуа снова дышал мне в спину.

Нас разделяло тридцать метров. Я рассекал воздух с выжатым до упора газом, прижимаясь животом к баку, позволяя двумстам лошадиным силам нести меня по длинной

дороге. За победу в этой гонке я получу пятизначную сумму. Ну а если нет, что ж... Мне придется скрываться от ублюдков куда хуже, чем Лебуа.

Единственным правилом на этих гонках было остаться на байке, а это означало то, что я мог достать свой Глок, спрятанный в кобуре на плече и устранить ублюдка. Гарантированная победа. Но никто не станет соревноваться с парнем, который стреляет в своих соперников. Нет, методы победы требовали выдержки. Я отдавал предпочтение ловкости и инновационным технологиям вместо варварских ловушек, от которых зависели другие гонщики подпольного мира. Я крепче прижался к корпусу своего BMW S1000RR всматриваясь в изображения с тепловой камеры и пытаясь избежать чрезмерного количества красных фигур, которые улавливает тепловой сенсор. Жители разбрелись по улице, словно мусор — на пешеходных переходах, в машинах, за тротуарным ограждением. Судя по моей репутации, невинных на пути к кровавой расплате быть не могло. На дисплее включился датчик противотуманной защиты, подсчитывая скорость, расстояние, обороты в минуту и отображая карту ближайшего траффика и мест полицейского патруля.

Еще несколько поворотов и один перекресток. Я обогнул круглый поворот и вильнул на узкую дорогу без движения. Тепловой сенсор зафиксировал движение на тротуаре впереди. Что это за херня?

Две вещи я понял наверняка. Первая — кто-то вырубил светофоры, и вторая — Лебуа явно отстал. Я стиснул зубы, и проговорил в микрофон.

— Ночное видение.

Интерфейс шлема сменился калейдоскопом всех оттенков зеленого. Затемненная аллея заиграла цветами, вытягиваясь передо мной на несколько кварталов вперед и открывая мне то, что я никогда бы не увидел с обычным тепловым сенсором.

Из-за того, что яркий свет встречных машин препятствовал нормальной передаче данных, ночное видение было ограниченным, но чрезвычайно точно могло передать детали. Например, железную полосу с шипами на трассе или масляные пятна на асфальте.

Зигзаг из металлических шипов приветствовал меня следующие три квартала. Держу пари на 1000 баксов — это работа ублюдков Лебуа. Но отсюда должен был быть выход.

Мое сердце начало вырываться из груди, когда звук мотоцикла Лебуа начал нарастать позади меня. И куда этот ублюдок собирается прорваться?

В нескольких метрах от шипованной полосы вдоль здания была навалена стена из макулатуры и мусора, высотой с мотоцикл. Меня разрывало от нерешительности, которая вступила в схватку с адреналином в крови.

Были ли шипы скрыты под мусором, или в куче этой макулатуры был трамплин? Осталось только два квартала.

Я свернул к куче с макулатурой в момент, когда Лебуа сократил расстояние между нами до трех метров. Что-то мелькнуло на изображении с камеры. Вот оно. В руке парня блеснул кусок металла, половина которого была скрыта в его кулаке. Нож.

Он выжал газ, втискиваясь между мной и зданием, очевидно желая сбить меня с байка прежде, чем закончится стена макулатуры. Я сжал челюсть и прижался грудью к баку мотоцикла, уворачиваясь от грядущего удара.

Он махнул кулаком в дюймах от моего лица, и лезвие просвистело возле резинового крыла моего байка, направляясь к моей икре. Я дернул ногой вверх и уперся носком в ветровое стекло, дергая ручки газа и сцепления, чтоб избежать открытого люка впереди.

Слишком, мать твою, поздно. Он ухватил рукой мою лодыжку, посылая вверх к бедру

укол режущей обжигающей боли. Я резко подтянул вторую ногу под себя, и запрыгнул на сиденье байка. Этот придурок не смог бы попасть в сердце, но на скорости 241 км/час о летальном исходе все-таки стоит задуматься.

Летя по аллее в секундах от столкновения с кучей мусора, я крепко поставил ноги на узкое сиденье и схватился за источник боли, который прожигал ногу. Пальцами в кожаных перчатках я схватился за рукоять ножа, который торчал из моего бедра.

Бл*дь. Бл*дь!! БЛ*ДЬ!!!!

Пульс разогнался до скорости света. Челюсть сжалась настолько, что зубы начали болеть. Я позволил ярости охватить меня, и она заполнила каждую клеточку моего тела. Злость переполняла меня, когда мне было тринадцать лет, и когда я наблюдал, как кровь моей матери брызгала на стену, пока ее убивали. Это укрепило мою жажду мести за все те годы, что я провел в детском доме. И сейчас эта злость давала мне цель.

Лебуа — е*анный покойник, мать вашу!!!

Переднее колесо его байка крутилось с бешеной скоростью, но мчалось довольно устойчиво. Оно терлось о слайдер рамы (прим. перев. — слайдер рамы — деталь на корпусе мотоцикла, которая защищает мелкие детали. Что-то вроде щитка) моего байка, начав дымиться от трения. Парень потянулся к рукояти ножа. Этот сукин сын хочет назад свою игрушку?!

Меня окутал черный дым, густой как мгла ночи. Жар пульсировал по мышцам, и желудок скрутило в узел. Я хотел вытащить нож и всадить ему в шлем. Хотел посмотреть, как этот кусок дерьма носом вспашет асфальт, и взорвется на своем же байке. Хотел почувствовать жар его паленой плоти, которая загрязнила бы собой воздух, пока я пересекал бы финишную линию.

В этот момент ярости я набрал больше воздуха в легкие, и безжизненные глаза моей матери всплыли в моей памяти. Они говорили мне быть терпеливым. Быть умным. Мстить с точностью и холодным расчетом. Спасти других от кровавой расправы семьи, которая отняла ее жизнь.

Передним колесом я коснулся кучи мусора, и Лебуа не отставал от меня ни на дюйм. Удерживая руки на ручках газа и сцепления, я выкинул вверх ногу и ударил ублюдка по шлему. От боли у меня перед глазами заплясали белые круги. Силы во мне не хватало на то, чтобы выбить его из сиденья, но удар пошатнул его байк, который прижало к стене, и, скрипя металлом о камень, замедлило достаточно, чтобы я мог вырваться вперед.

На скорости мою голову внезапно отклонило назад. Черт, под мусором все-таки был спрятан трамплин. Крутой гребаный трамплин.

Я скользнул ногами на педали. Добела сжал пальцы на руле. Выжал сцепление. Потянул на себя руль, поднимая байк на заднее колесо. Пульс гулом отдавался в ушах, когда мотоцикл отправился с свободный полет с трамплина.

Лебуа вильнул у меня на хвосте, когда я вырвался вперед. Четыреста фунтов (прим. перев. — 181 кг) полностью укомплектованного механизма поднялось в воздух, перелетая через железные шипы. Я вцепился в ручки газа и сцепления и прижал ноги к сидению, сдавливая его коленями, словно тисками, пока несколько секунд мотоцикл вертикально летел в воздухе. Адреналин ускорил дыхание, и кровь болезненно бурлила по венам. Господи, да у меня по венам бежал ток! Я приземлился, и от резкого соприкосновения шин с асфальтом боль от бедра послала молнии агонии в каждую клеточку моего тела.

У меня на хвосте Лебуа сделал такой же прыжок.

Черт возьми. Я почувствовал кровь на языке, и разжал челюсть, понимая, что неслабо прикусил щеку внутри. Бл*дь, нога нахрен отказывалась работать. Я откашлялся через сухое жжение в горле и прижал ноги к педалям.

— Тепловая камера.

На сенсоре дисплея вновь заиграли цвета, и я увидел мигающую линию финиша. Еще два квартала.

Я вырвался вперед, оставляя аллею позади, обгоняя грузовик впереди, и уже чувствовал запах победы, когда передо мной остался последний квартал. Не удивительно, что в десяти метрах позади меня Лебуа вертикально приземлился на асфальт, а потом громко опустился передним колесом на гравий с такой силой, что камни просто разлетелась в стороны.

И, бл*дь, боль уже сжимала мои яйца. Огонь разгорался вокруг раны, и за секунды обещал поглотить всю правую сторону моего тела.

Вдалеке завывали полицейские сирены. Впереди на холме мигали красные светофоры, и я уже увидел пролет, по обеим сторонам которого были выстроены мотоциклы со своими наездниками.

Десятки двигателей ревели и рычали с все возрастающим шумом, готовясь сорваться с места в любой момент, когда ситуация раскалится.

Я сфокусировался на красных мигающих огнях. Финиш.

Через двадцать метров я смогу закончить всю эту хрень, забрать победу себе, и уйти с деньгами. Но дыра в моей проколотой ноге царапала и пекла болью как адская тварь, которая пыталась выбраться наружу через эту дыру, окрашивая мой любимый кожаный костюм в кровавый цвет. Я закипал от ярости, которая грозила разорвать меня изнутри. Мама научила меня ездить на мотоцикле, научила не проигрывать, и, когда она умирала в луже своей крови, она научила меня ненавидеть. До финиша остался один квартал.

Я крутанул ручку тормоза и развернул байк, останавливаясь и встречаясь с Лебуа лицом к лицу. Он выровнялся на сидении, явно удивленный моим трюком, но не сбавил скорость. На двухполосной улице умный человек проехал бы под широкой аркой и потащил бы свою гребаную задницу к финишу.

Но Лебуа был придурком.

Он мчался навстречу слева, достаточно близко, чтоб ударить меня, и, скорее всего, это было намеренно. В последнюю секунду я наклонился на байке вправо, выдернул нож из моего бедра, и вернул его владельцу таким же образом. Мне всего лишь нужно было воткнуть его острым концом в Лебуа так, чтоб не получить вывих плеча, на скорости удерживая мотоцикл одной рукой. Скорость движения его байка сделала остальное. Я вонзил нож в область его груди. Это произошло так быстро, что он даже не понял, что именно я намеревался сделать. Заносчивость застала его врасплох. Шок окутал его после. Лезвие проткнуло ему плечо, отчего байк уклонился в сторону.

Он попытался вернуться на прежнюю линию, но байк потерял скорость, отказываясь выжимать сцепление. Наверное, Лебуа отпустил рукоять, чтоб закрыть рану на груди. Руль выскользнул из-под него, а скорость сделала остальное дело, отправив его тело волочиться по асфальту, пока головой в шлеме он не врезался в бордюр.

Дорожное движение было наименьшей его проблемой. Его руки и ноги больше не двигались, закрутившись под разными углами вокруг неподвижного тела. Абсолютно похер, жив он или мертв. Гангстеры, которые поставили на его победу, тщательно проследят за тем, чтоб он не съел больше ни единого круассана или лягушачьей лапки, или любого другого

дерьма, которое он когда-либо пихал в свой рот.

Сирены взвыли буквально в нескольких метрах от меня, и мой GPS издал тревожный сигнал. Копы были в четырех кварталах. Я выжал сцепление, подготавливая байк для последнего рывка на пути к линии финиша, и сорвался вперед со скоростью пули. Камера заднего вида показала мне, как несколько парней уволокли тело Лебуа с улицы и затолкали его в уже поджидавшую их машину. Пожалуй, это были те же дерьмоеды, что поставили шипованную полосу у стены, и кто помог ему пересечь границу в эту страну. Именно они теперь пришли по его душу.

В отличие от Лебуа, мне не нужна была команда, которую мне придется содержать за свой счет. У меня был самый инновационный шлем в истории развития технологии. Шлем с биноклярным полем обзора, функцией голосовой активации и голосового блютуз-контроля моего байка. Благодаря удаленному интернет-выходу, на дисплее перед глазами была реальная картинка окружающего меня мира, а каркас из 9-мм платины защищал мою голову. Армия США обкусала бы локти от зависти, если бы им в руки попало такое сокровище. О желании работать с моим инженером и воспользоваться тем, что я храню у себя дома, они бы подожгли себя заживо.

Как только я промчался под финишными огнями, дисплей на шлеме уведомил меня о том, что на один из счетов в офшорном банке пришла сумма моего выигрыша. Я сжал рану на бедре, поглубже вдыхая полной грудью. Я бы мог даже улыбнуться, если бы адская боль не сжимала мою челюсть.

Мысли о том, на что я тратил свои деньги, приносили такое же удовольствие, как глянцевики обложки с изображением плейбоя приносят удовольствие этому же плейбою. Я подпитывал слухи, приукрашивая замаскированную правду.

Разрушить Тренчент Медиа — самую влиятельную компанию целой нации — станет мсткой за смерть моей матери.

Смерть обеих семей, ответственных за весь конгломерат, будет на моих руках.

Пешеходы и мотоциклы заполняли дороги, разлетаясь в разные стороны под приближающиеся со всех сторон звуки полицейских сирен. Я с наслаждением смаковал этот хаос. Он удерживал мое сознание, концентрацию, искал для меня выход. Я направился в бегущую толпу, и меня сдерживали лишь мириады напуганных людей, выкрикивая мое имя, которое эхом отбивалось от стен зданий.

Неуловимый! Какое твое настоящее имя? Где ты научился ездить? Покажи нам свое лицо! Прокати меня, сладкий! Лебуа подрезал тебя?

Разве эти ублюдки не видели кровь, которая сочилась из моей раны? Девушка, чья кожа была покрыта тату, прижалась сиськами к моим рукам, умоляя усидеть ее ко мне на заднее сидение. Их блестящие глаза обещали десять минут дикого секса где-то в переулке или час грязной порки в сраном мотеле на оплётанных простынях.

Я стряхнул их руки с себя и выжал сцепление, направляясь через толпу. Если бы я хотел поймать такого, как я, врасплох, обмануть и выудить информацию о его личности, я бы стоял уже со спущенными до лодыжек трусиками. И да, я не трахал девушек, связанных с гонками. Моя паранойя запрещала мне это делать. А сейчас к ней присоединилась дыра в моей ноге.

Хотя это не помешало мне посмотреть на серебристый Ducati Testastretta. Она не всегда была здесь, но, когда я видел ее, она плелась по краю толпы, всегда одна, зловеще медленная и чрезвычайно наблюдательная. Разогнав толпу вокруг себя ревом байка, я высматривал ее

соблазнительные изгибы, которые она так изящно скрывала под костюмом из серебристой кожи.

Серьезно, кто надевает костюм под цвет своего байка?

Кто-то, у кого деньги текут рекой. Кто-то, кому здесь не место.

Толстозадые спонсоры этих гонок ни в жизни не втиснут свой зад на байк, и они явно не посещают гонки лично. Тогда кто она, мать вашу, такая?

Шлемы и головы продолжали мелькать перед глазами разными цветами. Может, я ее пропустил? Я затаил дыхание и направился не по маршруту, выискивая ее косу — знак из белых заплетенных волос, которые выбивались из-под ее шлема, обвивали шею, и, словно молочные змеи, спускались вниз к ее талии. Я свяжу запястья этой сучки ее же косой, когда буду насаживать на свой член.

Это было самой иррациональной гребаной мыслью за всю ночь. Думаю, адреналин все еще курсировал по моим венам.

Мне нужно было скрыться, найти кого-нибудь, кто добровольно согласится высосать из меня все до последней капли моей накопившейся энергии. Но сначала мне нужен был доктор.

В окнах окружающих домов уже отражались красно-синие огни полицейских машин, и пронзительные вопли сирен перекрывали рёв мотоциклов. Слишком поздно.

Я вдавил полный газ, и крутанул задним колесом по асфальту, удерживая рукоять тормоза. Самый быстрый способ разогнать народ. Я направился вперед, чтобы побыстрее убраться нахер из этого места. Тепловая камера превратила дисплей передо мной в красно-оранжевую картинку, как только я повернул в глухой угол. Я увернулся влево, чтоб не столкнуться с выехавшим навстречу байком, и замер.

Это был серебристый Дукати.

Сердце пропустило удар, а мышцы автоматически вывернули руль байка, заставляя меня выписать 180° поворот и погнаться за ней.

Заднее колесо ее байка лавировало между бегущими людьми, и она дернула подбородком в мою сторону. Змея из белой косы то и дело извивалась на ее спине. В следующую секунду я был впереди. Я замедлил ход, но не обернулся. Мне не нужно было. Камера заднего вида показала мне, что она отставала. Девушка приподняла голову, чтоб посмотреть, как я вырываюсь вперед.

Я не знал, что было более завораживающим: знать, что она была здесь *из-за меня*, или *не знать* причины, по которой она была здесь. Она оседала железного зверя, стоимость которого говорила мне о том, что она не была простым репортером или копом под прикрытием. Тюнингованные детали на ее байке стоили раз в пятьдесят больше, чем средний байк на сегодняшней гонке. Она не болтала с визжащими и готовыми на все девушками у финиша, на ней была дорогая одежда, и она никогда не выставляла свою грудь напоказ. Бл*дь, за девять месяцев, на протяжении которых я наблюдал за ней, она ни разу не сняла шлем.

Она выделялась на фоне других будто сверкающий брильянт среди помойной ямы отбросов — гангстеров и байкеров, которые обычно приезжали группами. Она приехала одна, наблюдала за финишем, сидя на спине своего дикого железного зверя. Ни номерных знаков. Ни видимого оружия. Она с таким же успехом могла повесить на себя табличку с надписью «Изнасилуй меня» или «Ограбь меня». Или она была последней идиоткой, или я упустил какую-то важную деталь. Оба эти варианта просто взрывали мне мозг.

Патрульная машина перекрыла мне ее вид, и воздух сотряс громкий мужской голос:
— Остановитесь и слезьте с мотоцикла!!

В одну из таких ночей, когда бы я не истекал кровью, или парни в голубых рубашках не сидели бы у меня на хвосте, я бы последовал за ней, загнал ее в угол и... что?

Мой член дернулся от этой мысли.

Вильнув на Стейт Стрит, я пролетел над асфальтом под таким острым углом, что мог с таким же успехом просто лечь на него. Через шесть кварталов яркие красно-синие огни превратились в отдаленное мелькание размытых пятен. Я помчался к пандусу, выдавил 290 миль/час (прим. перед. — 464 км/час), и отпустил сцепление.

Последнее, что мне было нужно, это интрижка с состоятельной фанаткой, которая ищет опасности на свою упругую попку. Она явно была скучающей домохозяйкой и искала жесткого секса, о котором с ее собственным мужем она может только мечтать. И вот появился я, горячий любовник, который флиртует с опасностью каждый раз, когда на моем хвосте появляется пара-тройка копов, но который надеется вновь увидеть *ее*.

Опасное отвлечение.

Смерть моей матери принесла в мою жизнь цель. Пока ярость курсировала по венам, оживляя воспоминания о ней, деньги от побед пополняли мои банковские счета ради ее цели. *Ради моей цели.*

Когда моя мать умерла, у нее не было денег, не было семьи, и она не смогла сказать ни слова на прощание своему сыну.

Вместо этого она оставила мне знание.

Опасное знание о похороненных скандалах, коррупционных корпорациях и продажных политиках вместе с именами жертв, которых они запугивали. Таких жертв, как она.

Я мчался в трафике межштатной дороги. Боль от раны в моей ноге расплзалась по всему телу, пока двигатель ревел во всю мощь. Но я был свободным и *живым*. Готовым встретить еще один рассвет и закончить то, что начала моя мать.

Глава 4.

Кэси

Кейтлин Бэскел пялилась на меня, сидя у противоположного конца директорского стола для переговоров. О, этот взгляд. Он был наполнен отвращением, будто я сидела в ободранных кроссовках после того, как целый день преследовала Колина, словно банковский охотник за головами из Аутер Драйв Бич. Я выпрямила спину, сидя в твердом кожаном кресле, и выдавила милейшую улыбку. Она не всегда смотрела на меня так, будто хотела отправить меня обратно в школу-интернат. Иногда взгляд ее темно-синих глаз становился теплым и одобряющим.

Так ведь?

Хотя кого я обманывала? Моя мать была расчетливой сукой.

Она пригладила свои выкрашенные в рыжий цвет волосы и, в очередной раз, от скуки стала водить своей подвеской по линии челюсти. Опустила пальцы на ручку кресла и начала барабанить по нему в нетерпении, надув щеки и выпустив воздух. Она сделала это еще раз, будто я стала причиной таких раздраженных выдохов.

— Хватит приносить проблемы, Кэси.

По моему затылку пробежал жар из-за напыщенного взгляда мужчины, которого я заметила боковым зрением. Я только что столкнулась с ним взглядом.

Сложила руки на столе.

— От меня нет проблем, *мама*. Я всего лишь констатирую факты, которые ты отказываешься признавать.

Ее губы сжались в тонкую бледную линию.

— Колин...

— Он не пытается оклеветать полицию Чикаго.

Она со злостью выпустила воздух через нос, но мышцы на ее ботоксном лице едва ли дернулись.

— Брать интервью у офицера со славой любителя покопаться в дерьме на *нашем* канале, это... — продолжила я.

— Дэниэл Вьятт уже двадцать лет на службе в полиции.

— ...самый простой способ поднять рейтинг, — перебила я, когда она откинулась назад и сжала челюсть. — Не упоминая уже о подъеме, который передача спровоцирует среди наших спонсоров.

Вот он — скрытый смысл этой встречи. Каких бы союзников наши родители ни завели на протяжении этих лет, они контролировали все в «Тренчент Медиа».

Я уставилась на женщину, сидящую напротив меня, чья хрупкая фигура была одета в брючный костюм из последней коллекции Шанель. Бриллиант на ее пальце стоил больше, чем она могла бы потратить за всю свою жизнь. Что, черт возьми, она получала от *спонсоров*? Особые поблажки? Популярность в своих вальяжных клубах? Влиятельность и внимание?

От нее несло жадностью и гнилым нутром. Проблема была в том, что я не могла доказать тот факт, что взятки, хищения или еще что-нибудь незаконное связывало ее с этими спонсорами. Они приказали мне привести в порядок документы под их бдительным присмотром, чтоб у них было правдоподобное оправдание. Их еле заметные манипуляции, типа смены направления шоу Колина или исчезновение цифр из финансовых отчетов, казались чем-то в рамках закона.

Это было законно, но в тоже время — беспорядочно и двусмысленно, будто куски одного большого секрета, в который меня не посвятили. Я чувствовала, что это неправильно, и, разумеется, я им не доверяла. Усталость давила на мои плечи. Боже, как же мне не хотелось вести с ней этот разговор в восемь утра.

Моя утренняя доза витаминов и кофе не подействовала нужным образом, и мне постоянно хотелось подавить зевок или желание просто распластаться на столе и уснуть. Интересно, маме бы это понравилось?

Когда прошлой ночью я залезла в свою постель после гонки, я так и не смогла уснуть. Мой мозг находился в постоянном встревоженном состоянии, а тело было натянуто, как струна, желая чего-то, к чему я так и не смогла прикоснуться. Я становилась такой жалкой. Прежде, чем я смогу поспать сегодня вечером, мне предстоит пережить пять встреч и один оценочный отчет.

Я поставила локти на стол и наклонилась вперед.

— Гости Колина, которых он приглашает на интервью, относятся к обеим сторонам медали. Только так он сможет сохранить честную репутацию передачи.

Еще одно фырканье с ее стороны. Он встала с места, хватая планшет и телефон.

— У меня нет на это времени.

Ну конечно, у нее нет времени. Миссис «мне нужно поцеловать еще несколько задниц и испортить еще несколько жизней». Откуда у нее время на владелицу сети, которая стоит миллионы? Она посмотрела на место во главе стола, где молчаливо сидел еще один участник нашей встречи.

— Трент.

Отец Колина поднял подбородок, но не отвел своих глаз от меня, отчего мое лицо онемело, будто по нему били.

— Дальше я сам разберусь, Кейтлин.

Все внутри меня превратилось в лед. Нахер все это. Я вскочила на ноги и собралась последовать за матерью.

— Сядь. На место.

Его команда прогремела по конференц-залу, отчего у меня подогнулись колени. Таким же тоном он кричал, когда застал своего сына в постели с женщиной.

Я опустилась назад в кресло, надеясь на чудо из всех чудес — на то, что какой-нибудь из инстинктов подаст искорку надежды в холодном сердце моей матери.

Она застыла в дверях, глядя на меня глазами цвета сапфира, которые были холодным отражением моих собственных. Ее взгляд спустился по легкому шерстяному платью, в которое я была одета, и уголки ее губ дрогнули.

— Если хочешь достичь в чем-нибудь успеха, начни с одежды.

Какого хера? Я пробежалась пальцами по вороту платья на ключицах, провела ладонью по ровной материи цвета индиго и потянула за край на коленях. На мне было скромное платье от Армани, и это классика, мать вашу!

Дверь закрылась за ней со щелчком автоматического замка, запирая меня с женщиной, который находится в самом конце списка тех, с кем бы я хотела остаться наедине.

Он встал, держа одну руку в кармане элегантных серых брюк, и стал приближаться с безразличием, от которого у меня немели плечи и замерзли уши. Трент скользнул пальцами по спинке стула, когда проходил мимо него, а острый взгляд его глаз орехового цвета был пристально сфокусирован на мне. Нервы были на пределе, и ногти впивались в ладони. Так стыдно было ощущать себя маленькой девочкой, у которой все валится из рук в его присутствии. Как, например, когда я разлила пунш на его белый ковер, или отколола Колину зуб теннисной ракеткой. Или когда вошла, пока Трент вдавливался своим членом в мою няню.

Когда он подошел ко мне сбоку, легкие распирало под ребрами от паники, хотя я ровно и размеренно дышала.

Он наклонился, словно хищник во время охоты, и развернул мое кресло к себе.

— Как обстоят дела с моим сыном? — Трент костяшками пальцев заскользил по моему колену. Я дернулась, и он схватил меня за бедро под краем юбки, впиваясь пальцами так сильно, что запросто мог оставить синяки. — Он... удовлетворяет тебя?

Мой желудок скрутило в узел от его насмешливого тона. Я схватила его запястье и дернула от себя, но наши силы были неравны. Он был отлично сложен, и очень молодо выглядел в свои шестьдесят пять, с густыми белыми волосами, гладкой кожей, и едва заметными морщинами в уголках его желтоватых глаз. Он, наверное, потратил целое состояние на пластические операции, слуховой аппарат и персональных тренеров.

Я хотела отвернуться от него, потому что от его вида меня тошнило. Но его взгляд

внушал такой страх, что я чувствовала себя беспомощной. Он считал, что заставил меня вступить в безвыходный брак с геем, и предполагал, что в этом отчаянии меня можно будет привлечь красивой внешностью.

Горло обжигало, словно кислотой. Я терпела его наглые прикосновения с тех пор, как у меня только начала появляться грудь, и мне нравилось думать, что мне удастся когда-нибудь отвадить его.

Но его настойчивость только увеличивала обороты, и он все чаще начал распускать руки. Походы на работу превратили меня в комок нервов и напряжения, и пробудили во мне страх перед этим офисом. Я еще сильнее дернула его руку, но он всего лишь пробрался пальцами выше по моей ноге. Он хотел борьбы, и я видела это в его блестящих глазах, но отказывалась играть по его правилам. Вот что было смешным: он придумал контракт, который запрещал мне изменять Колину, и сам же пытался заставить меня нарушить его.

Я отпустила его запястье. За годы работы здесь я избегала его, как только могла, но он был частью моей семьи, моим работодателем. Он был мстительным настолько, что, не моргнув глазом, мог причинить мне боль или даже убить, если бы я отказалась делать так, как он хотел.

И все же, у меня были свои пределы. Я бы никогда добровольно не раздвинула ноги перед этим мужчиной. Мой желудок сводило каждый раз, когда он приближался ко мне, как раз от того, что я не желала терпеть его рядом. Тысячи раз я угрожала ему тем, что подам на него в суд за домогательство, если он тронет меня хоть пальцем.

Но как долго это удержит его от меня? Остановит ли его что-нибудь? Мои родители уж точно нет.

Трент Андресон и «Тренчент Медиа» — вот чему они были и будут преданы. Они заключили брак между своими сыном и дочерью, будто принадлежали к эпохе феодализма, а это гарантирует им покровительство и защиту короля.

Как только его палец коснулся кожи между моими стиснутыми коленями, перед глазами всплыла картинка кастрации, отчего мне захотелось выпрямить спину и вздернуть подбородок.

— Если ты хочешь, чтобы Колин внес правки в сегодняшний эпизод, можешь сам ему об этом сказать.

— Это я приберегу для тебя, — второй палец присоединился к первому, и я почувствовала капельку пота между грудями.

— Если не уберешь свои руки, пожалеешь об этом.

Это была пустая угроза, но я не собиралась бороться с ним слезами и криками, которых он хотел.

— Наивная девчонка. Ты забываешь, кто я, и кто мои друзья.

В этом он ошибался. Я помнила. Его влиятельные друзья были причиной, по которой я не последовала за своим инстинктом и не воплотила в жизнь сцены убийства, которые представляла в своей голове. Хотя назвать его друзей влиятельными было громким заявлением. Я частенько подслушивала отрывки разговоров Трента и моего отца в гостиной после обеда. Втайне от всех, они с моим отцом заводили дружбу с известными директорами всемирных компаний, бывшими американскими президентами, нефтяными магнатами и членами королевских семей. Они все собиралась в тайных местах для хорошей выпивки, секса с рабынями в ошейниках и странных ритуалов, во время которых обсуждали планы на будущее мира. Слухи. Гребаные слухи без единого доказательства. Я знала, что лучше не

вмешиваться в это дерьмо.

Сделав глубокий вдох, я сжала и расслабила пальцы. Мои выступления против гребаного эго, которое живет в Тренте, не спасет Колина от тюрьмы. Но также не остановит наших родителей от манипуляций его передачей.

Я закрыла глаза, и выплюнула слова, которых он так ждал.

— Я поговорю с Колином о сегодняшнем эпизоде.

Его руки исчезли с моих бедер, поправляя на мне ткань платья.

— Знаю, что поговоришь.

Он выпрямился и стоял надо мной в своем костюме от Армани, как воплощение первобытной власти и таинства, рожденный обводить людей вокруг пальца.

— Есть еще одно дело, для которого мне нужна *ты*.

Я встретилась с его холодным взглядом, сохраняя на лице незаинтересованное выражение, хоть все внутри меня кричало от страха. Эти разговоры за закрытыми дверями побуждали меня сопротивляться, защищаться, делать что-то, что не заставит меня думать о том, что я соучастник. Но осознание последствий приковывало меня к моему креслу.

— Я хочу, чтобы ты занялась этой подпольной гонкой. Найди все, что сможешь о гонщиках, датах, картах каждой гонки, и доложи мне.

Что? Зачем ему... Боже, он знал о моем участии в них? Ноги так и зудели, чтобы убраться отсюда. Я сопротивлялась этому порыву, впиваясь каблуками в пол.

— Я... я не... — *хватит заикаться, тупица*. — Я даже не знаю, с чего начать.

Была ли ложь в этих словах? Я все также держала голову прямо и просто смотрела на него, медленно и естественно моргая.

Он развернулся и прошел вдоль стола.

— У тебя точно есть, кому приплатить. Воспользуйся своими ресурсами.

Я резко сглотнула и выровняла дыхание, пока он повернулся ко мне спиной.

— Кому есть дело до шайки безответственных байкеров?

Хватая свой телефон со стола, он развернулся ко мне лицом и провел пальцем по экрану. А потом еще раз. И еще раз.

Нажал на экран.

Трент уставился в свой телефон, и потом снова провел по нему пальцем.

Вот черт, ему уже надоело разговаривать? Я скрестила руки на груди, а затылок начал болеть от напряжения.

Его палец замер в движении.

— Начальнику полиции есть дело.

Скрытое подозрение закралось в мое сердце, хотя это и не впервые после всего того дерьма, что слетало с его уст.

Я прикусила внутреннюю часть щеки. Прямо сейчас я могла выложить ему все, что у меня было по гонкам, поведать ему всю информацию, потому что я уже была вовлечена в гонки под прикрытием. Когда он узнает все, лишь вопрос времени.

Мой желудок скрутило в узел от этой мысли. Глупая реакция, но к неизвестному байкеру я питала больше уважения, чем к своим собственным родителям.

— Почему ты просто не позвонишь одному из своих *друзей*, чтоб он нарыл что-нибудь для тебя? Уверена, что они являются vip-инвесторами всей сети.

Он не поднял головы, но его взгляд исподлобья теперь пронзал меня.

— Мои друзья не поддерживают примитивных интересов простых потребителей.

Он что, действительно это сказал? Я прикусила язык. Учитывая мой *примитивный интерес* к Неуловимому, пожалуй, мне стоит чувствовать себя оскорбленной. Но, бл*дь, если бы я крутилась в кругу таких, как Трент Андерсон, я бы сочла его комментарий комплиментом.

Он сунул телефон в карман.

— Если хочешь повышение, ты посмотришь в свой контракт, и сделаешь, как я сказал.

Он нажал кнопку под столом, чтобы открыть дверь. Трент легкой походкой прошел к двери, даже не обернувшись на меня.

Отпустил меня, словно я здесь уборщица.

Мужчина исчез за углом, и я с трудом выдохнула. Моя работа была далеко не низшего ранга. На следующей неделе я стану генеральным директором компании «Форчен 500». *Если* Колин и я продолжим плясать под их дудку, не разведёмся, и если я не изменю ему. Я вздохнула. *Если* нас не *поймают*. Боже, мне нужно было это повышение — титул, ради которого я пыхтела на этой работе все это время. Бакалавр в области управления и организационного развития в Йеле. Диплом бакалавра по аудиту и экономике в Джорджтауне. Двадцатичетырёхчасовой рабочий день и ни единого отпуска за пятнадцать лет. Мать вашу, я заслужила эту должность! На следующей неделе Трент передаст мне бразды правления в компании, и власть над всем конгломератом окажется у меня в руках. Превратить компанию, которую создали наши родители из саморазвивающейся компании в неподвзятый, внушающий доверие источник новостей, было моим самым большим вдохновением. Я могла это сделать, но настоящая причина моего желания этой власти была не в этом.

Что на самом деле управляло каждым моим вдохом, так это возможность лишить юридической силы контракт, который связывал нас с Колином. В каждом контракте была лазейка.

Видите ли, генеральный директор «Тренчент Медиа» может не только управлять советом директоров из своего кресла, но и назначать и увольнять членов этого совета директоров. Трент подумал об этом, и включил пункт об аннулировании данной возможность в наш с Колином брачный контракт на двадцать одну страницу.

Он, наверное, думал, что я законченная идиотка или слишком бесхребетная, чтобы попытаться обмануть его, потому что этот нахлобученный придурок никогда даже не удосуживался проверить последний параграф контракта. Он даже не знал, что мы слегка перефразировали так, чтобы этого было достаточно. Достаточно для того, чтобы при необходимости доказать несущественность этого пункта.

Мне нужно было кресло генерального директора, чтобы я могла назначить себя главой совета директоров. Чтобы могла убрать его с моего пути. Убрать всех их. Отнять у них права, как они украли их у меня. Без своей власти в «Тренчент Медиа» они не страшны нам с Колином, и, может мы получим назад нашу свободу. *Поженемся с теми, с кем хотели.*

Простая мысль об этом заставила мое сердце быстрее качать кровь.

Но до этого, мне придется играть по правилам Трента, и исполнять роль послушной невестки.

Я выудила телефон из сумочки, и набрала номер по пути в свой офис.

— Утро доброе, любовь моя, — голос Колина приласкал мой слух, словно шелк. — Все в порядке?

Его отец угрожал ему. Колин знал о том, что Трент выкупил улику, которая привязывала

его к нераскрытому делу об убийстве. У него не было алиби, не было доказательств, и не было защиты. Это все, что он знал из того, что я сделала для наших родителей, и что я собиралась сделать.

Я ненавидела хранить от него секреты, но не делала этого с целью предать его доверие. Если в «Тренчент Медиа» узнают о том, что компания вовлечена в аморальные методы ведения бизнеса, его незнание его защитит. Это то, что моя нечестность могла ему гарантировать. Безупречное незнание.

— Да, — я попыталась вложить улыбку в свой голос. — Все в порядке. Просто думала о твоём эпизоде сегодня, посвященном жестокости полиции. Помнишь Дэйва О'Нила?

— Леон, мать твою, что ты творишь? Кэси, погоди секунду, — из трубки послышался визг шин. — Почему ты не свернул туда? Мы сейчас в пробке застрянем!

Судя по внезапной тишине, он прикрыл динамик рукой, и прокричал что-то водителю лимузина. Я ухмыльнулась. Боже, из него был отвратительный пассажир. Из трубки снова послышался треск, и Колин произнес.

— Дэйв О'Нил? Коп, который прикрыл тебя, когда ты возвращалась с гонки пару месяцев назад?

В ту ночь меня остановил патруль. Я попыталась улететь с места происшествия на скорости 150 миль/час (прим. перев. — 241 км/час). Меня засек полицейский по имени Дэйв О'Нил, и мне пришлось дать взятку за то, чтобы он отпустил меня, не указывая моего имени в рапорте.

— Да. Я типа должна ему, и он хочет стать звездой твоей передачи «С точки зрения Андерсона».

— Ты хочешь, чтобы я взял интервью у него вместо Дэниэла Вьятта? — голос Колина стал ниже, а слова зазвучали, будто с предостережением.

— Я думаю, команда по гриму нарисует ему прекрасные усы, — я шагнула в своей офис, и заперла за собой дверь.

— Очень смешно, — вздохнул Колин. — Не знаю, Кэси. Я вообще ничего не знаю об этом парне, а у меня всего лишь несколько часов, чтобы написать сценарий.

Я разузнала все об офицере О'Ниле после ночи, когда он меня поймал. Пятеро детей, ни одного нарушения закона, ни одного выстрела в человека за все время работы в полиции. Такого паиньку полицейского с распростёртыми объятьями приняли бы в партию правых.

— Пять минут разговора с ним, и великий Колин Андерсон сможет определить даже какой зубной пастой он чистит зубы и какая его любимая спортивная команда.

Он простонал, но десять минут спустя я убедила его сменить интервьюера. Я положила трубку и опустилась в кресло перед своим столом. Все внутри меня казалось напряженным и ледяным. То, что было мне так чуждо, становилось все ближе и ближе. Я манипулировала своим лучшим другом. Снова.

Каждый раз, когда я это делала — обманывала его, помыкала им, или делала то, что говорили родители — что-то ломалось внутри меня. И еще один кусочек той меня, которая угасала, предупреждал о появлении чего-то, кого-то, кого я презирала.

Разница была в том, что я любила Колина. Тяжело поверить в то, что его собственные родители питали к нему такое же чувство. Какие родители отправят своего сына в тюрьму? Своего единственного сына? Наследника целой империи? И это те же самые люди, которые лелеяли его карьеру, гарантировали его знаменитость в компании и повысили его в должности для того, чтобы он продолжил эту карьеру.

Все основывалось на контроле. Они контролировали его также, как и меня.

Зазвонил рабочий телефон, и на экране высветилось «Ресепшн». Я нажала кнопку приема вызова.

— Дженна?

— Ваша встреча на девять часов вот-вот начнется.

Я выпустила весь воздух из легких.

— Сейчас буду на месте.

Прихватив ноутбук и телефон, зашагала к двери.

Тринадцать часов спустя я шла, волоча ноги, по лофту к своей спальне, и раздевалась на ходу. Обнаженная и истощенная, я распустила волосы и устала на пустую кровать.

Будто по щелчку пальцев, ощущение холода внутри меня вернулось. Мне было жутко оставаться одной, было жутко влюбиться в мужчину, в которого мне было не дозволено влюбляться. Мне было жутко полюбить того, кто мог бы полюбить меня, потому что я хотела этого больше, чем чего-либо на свете.

И, пялясь на кровать, шатаясь от усталости, я не могла сделать этого. Не могла забраться в пустоту и убедить себя, что все в порядке. Не сегодня. Мне нужно было что-то... настоящее. Объятия? Теплое тело?

Колин.

Я развернулась и быстрым шагом направилась в другую сторону лофта, ощущая холодный воздух на коже.

Он, наверное, спал. Я всего лишь проберусь к нему под одеяло, и обниму его. Может, переплету наши ноги. Ему нравилось спать одному, но он не прогонит меня. Колин никогда бы не отвернулся от меня.

Дверь была открыта, а его спальня едва освещена светом из окон. Я заползла на кровать, и замерла, пялясь в темноту.

Простыни прикрыли широкую фигуру по центру матраса. Две темноволосые головы покоились на подушке, а тела были прижаты друг к другу. Их груди двигались в такт дыхания друг друга.

Глаза начало жечь от слез. Откуда взялись эти е*анные слезы? Я смахнула их со щек и попятилась из комнаты. Замерла, ухватившись за ручку двери и ощущая, как дрожали колени.

В чем была моя проблема? Это что, шок? Он никогда раньше не позволял мужчинам оставаться с ним на ночь. Никто из нас не позволял. Но я сказала ему продолжить отношения, и я была за него рада. Правда, была. У моего лучшего друга был шанс на... что-то большее.

Тогда почему я чувствовала себя так, будто мне в грудь вцепились когтями, начиная раздирать плоть и драть меня на куски?

Я заставила себя выпрямиться, посмотреть на комнату и принять реальность, которую видела перед собой. Но когти все впивались, впивались и впивались в мою грудь, создавая жгучий комок в горле. Может быть, это была ревность? Не к Сэту или Колину, а к тому, что у него было? Мужчина, которого он мог обнять, к которому мог прижаться, и с которым мог проснуться утром.

Боже, я — не друг... Я — эгоистичная, никчемная мразь.

Глава 5.

Логан

Жар пробежал по позвоночнику, угрожая вот-вот высвободиться наружу.

Вздернутая круглая попка и ноги, обхватывающие корпус байка

Я гнался за ней. Яйца сжимались все сильнее с каждым моим движением.

Белая коса, намотанная на мой кулак.

Еще одно скольжение бедрами.

Твою мать!

Я взорвался оргазмом, от которого сжались все мышцы, заставив меня выгнуть спину. Член дернулся, извергнув сперму, и мои рывки замедлились. Из горла вырвался стон, пока дрожь проходила по всему телу. Член снова дернулся в моем кулаке. Я прислонился к стене в душевой кабине и потянулся к крану, чтобы отрегулировать температуру воды. Прохладная вода приласкала мое разгоряченное тело, посылая калейдоскоп ощущений, и пик удовольствия исчез так же быстро, как и появился.

Я хотел повторить. Черт, я хотел настоящую киску.

Прошло только два дня с тех пор, как я трахался. Хотя какая разница? Безликая женщина, которую встретил в баре, не была ею. Мое тело реагировало исключительно на обтянутые серебристой кожей изгибы на фигуре в форме песочных часов. Мой член не пропустит ее. По крайней мере, пока я не узнаю, кто она.

Пока я не трахну ее.

Это должно раздражать меня — такая чрезмерная концентрация, но мне было похер. Мне нужно было нахрен выбросить ее из своих мыслей, и Бог мне в помощь. Но у меня была еще уйма важных вещей, которые требовали моего внимания.

Я закончил принимать душ, осторожно промыв кожу возле раны на бедре, на которую только вчера наложили швы. Скользнул в джинсы, накинул рубашку и надел черные кеды. Я вышел из своего исполинского укрытия, которое было моим хранилищем, и дорожка яркого света указывала прямо в сторону кухонной зоны. Повседневная прохлада этого места коснулась моей кожи, пока я шел по длинному неприветливому проходу. Из-за красного кирпича стены казались безжизненными. Стальные балки подпирали потолок старого собора. Когда я превратил помещение столетней церкви в жилье, я сделал из него однокомнатный холл, поставив лишь кровать, диван, кухонную бытовую технику в углу и пристроив комнатку, которая служила ванной.

Я распланировал все так, чтобы места хватило для моих шестнадцати мотоциклов, *если бы* мне понадобилось поднять их из подвала.

Простые линии и строгие поверхности помещения были созданы для того, чтобы раз и навсегда уяснить здесь каждому — *»Не садись. Не чувствуй себя как дома. Нужно много чего сделать»*. Но отсутствие окон и соседей было главным фактором, почему я выбрал это место. Личное пространство в моем случае было разновидностью свободы.

Вдоль стены над кухонными столешницами были установлены горизонтальные панели из дуба. На фасаде пришлось сделать косметический ремонт. Я потянулся к кнопке над холодильником и нажал на нее. Панель возле холодильника разъехалась в разные стороны, открывая лифт, спрятанный за ней.

Я зашел в него, ввел код на цифровой панели, и спустился в подвал. Лифт остановился с характерным сигналом. Как только стальные двери открылись, меня оглушил настолько

сильный визг крутящихся колес байка, что ребра в груди задрожали, а стены завибрировали от шума.

— Бенни? — крикнул я через грохот, проскальзывая мимо экранов и кучи различного хлама, которая уже доходила мне до пояса. Микросхемы, мигающие мониторы компьютеров, самые разнообразные детали мотоциклов и инструменты в мазуте и масле валялись тут и там на полу подвала размером со спортзал. — Бенни!!!

Где, черт возьми, был мой легкомысленный инженер? Я прошел мимо игрового логова Бенни — безвкусного фиолетового диванчика и шести ТВ-мониторов на стене, но Бенни нигде не было.

Грохот двигателя доносился из закрытого гаража в дальнем конце подвала. Это не означало, что Бенни была там, но мне и правда не хотелось, как придурку, плестись туда, чтобы узнать это. Швы на ноге тянули и ныли с каждым шагом. Но я отказывался хромать. Отказывался показывать хоть намек на слабость даже у себя дома.

Направившись в дальний конец подвала, я схватил шлем с панели доработок — как раз тот, в котором я гоняю. Когда я повернул его, что-то коснулось носков моих кед, отскочило и покатило в другом направлении.

— Какого хера??! Это что, граната??!!!

Я тревожно наблюдал за тем, как она катилась по полу, но мое сердце, казалось, остановилось. Прежде, чем она столкнулась со стеной, я рванул через гараж, захлопнул стальную дверь за собой, и ожидал, пока она рванет.

Взрыва не последовало. Не то, чтобы я не услышал его из-за оглушительного рева двигателя, который все еще доносился из запертого гаража, в котором я теперь был. Грохот был настолько чертовски оглушительный, что зубы принялись стучать друг о друга и виски начало покалывать.

Хорошей вещью было то, что в этом гараже была комнатка на два этажа ниже уровня подвала, оборудованная высокотехнологичной звукоизоляцией.

Заткнув одно ухо пальцем, и держа шлем в другой руке, я вильнул между байками, которые стояли рядами в этом помещении, к ревущему мотоциклу.

Байк марки MTT Turbine Streetfighter — новый прототип, который я еще ни разу не объездил. Подвешенный на фут от пола трамплин на механических раскачивающихся роликах с движущейся резиновой дорожкой, на котором шины свободно вращались, а корпус байка ходил ходуном из стороны в сторону по мере изменения маневров водителя. Максимальный крутящий момент, и мотор ревел, словно зверь из преисподней, благодаря тому, что Бенни удерживала руку на сцеплении, полностью отпуская рукоять газа.

Мои ноздри горели от выхлопных газов, и глаза начали слезиться. Система вентиляции вообще работала?!

Бенни стояла на байке ногами, прогнувшись вперед, балансируя, как я на последней гонке, но, вероятно, с большей грацией. Ее коричневые берцы согнулись в носках, пока она стояла на сидении. Штаны цвета хаки плотно облегли ее худые ноги, на коленях натянуты желтые наколенники.

Она слегка отклонялась в сторону всем корпусом. Ладони на рукоятках руля, попка вздернута вверх. Хмурясь, я приблизился, чтобы рассмотреть кое-что.

Я выпустил воздух из лёгких. Слава богу. Игрушечный пистолет. Никогда не знаешь, чего ожидать. Как и в случае с гранатой, я чересчур бурно отреагировал, но за год я слишком часто попадал в ситуации, исход которых запросто мог быть связан с взрывом. Но что я знал

на 1000 процентов, так это то, что Бенни плюс заряженное оружие было равно апокалипсис в глобальном масштабе

Я отвел свои глаза от изгиба ее бедер.

Стоп, это...??

Снова посмотрел на ее ноги. Да, я четко увидел края ее трусиков под тканью штанов.

Обошел байк, чтобы встать перед ним, изучая кожаную куртку, которой я раньше на ней не видел. Она явно сшита по моему размеру, поэтому висит на ее хрупких плечах.

У нее на голове еще один прототип изобретения — шлем, который она разрабатывала уже несколько недель. Проводки различных цветов, торчащие из него, тянулись к квадратным лоскуткам, которыми были усеяны рукава пиджака.

Защитное тонированное стекло на шлеме изменило ракурс обзора, поравнявшись с моим лицом.

Я сузил глаза и беззвучно произнес одними губами:

— Что ты делаешь?

Механический трамплин с электрическим приводом качнул байк вправо, сотрясая массивный корпус и девушку сверху на нем. Она встала на ноги в полный рост и вытянула руки в стороны. Потом подняла ногу и, будто воинственная балерина, направила носок позади себя высоко над выхлопной трубой, и завопила, перекрикивая грохот мотора.

Посередине ее легкомысленного трюка, байк дернулся, и верхняя часть ее тела наклонилась вперед, чему поспособствовал еще и вес шлема. Я вытянул руку, чтоб поймать ее, но она оттолкнула ее. Ее спина выровнялась, кулаки просвистели в воздухе, и она снова подпрыгнула. Она или вые*ывалась, или тестировала новый план. С ней разве угадаешь? Я перестал делать это хрен знает сколько лет назад.

Я остановил байк и подвижной механический трамплин, и чуть ли не взмолился тишине, которая наступила в комнате. Она сняла шлем, который был ей великоват, вырывая провода, когда сбросила и его и куртку на стол возле нее.

Огненно-красные волосы так резко контрастировали с белыми локонами, которыми я бредил день назад. Из-за черной повязки на ее лбу они торчали в разные стороны после шлема.

Бенни запустила пальцы в локоны длиной до плеч, и убрала их назад.

— Че те надо?

— Скажи мне, что там была ненастоящая граната, которая тут же рванет, если ее пнуть? Зеленые глаза блеснули под светом флуоресцентной лампы.

— Ты ее пнул? — ее удивление переросло в смех. — Боже, видел бы ты свою харю, — она обнажила зубы и сморщила нос, громко шипя.

Ее шоу а-ля «я лютый опоссум» должно было стать отражением моего лица?

— И дааааа, если тебе еще раз попадет граната, — она прикусила губу. — Не пинай ее.

А это значило, что мне придется провести вечер, убирая каждую хрупкую, воспламеняющуюся, скоропортящуюся, взрывоопасную, химическую или потенциально опасную хрень на этом складе.

Она запрыгнула на стол, и принялась болтать ногами:

— Твоя проблема с разбалансировкой силы решена.

— А что с разбалансировкой силы?

На ее веках заблестели золотистые тени, ресницы задрожали. От уголков глаз к вискам

уходили стрелки черного карандаша.

— Мы не только имеем дело с силой гравитации, которая тянет нас вниз, но еще и с нормальной силой, которая толкает нас вверх, — ее голос повысился, и она вскинула руки вверх. — Если из двигателя выжать силу в 2000 Ньютонов...

И это был момент, когда я отключил свой слух. Когда в ней просыпался ботан-всезнайка, признаки существования которого были разбросаны по всему полу подвала, она забывала, что мы встретились с ней Массачусетском Технологическом Институте, и результаты моего теста были всего лишь на несколько баллов ниже, чем ее. Единственная причина, по которой я бросил физику и инженерию и перешел в школу бизнеса, так это то, что мне хотелось расширить свои знания. Потому что тогда я знал, что наилучший ботан-всезнайка МТИ станет частью моей команды.

— ... создает равновесие, и таким образом, приобретает характер движения, — ее черная майка была задрана до груди, скрывая сиськи нулевого размера, которые совершенно не приобретали «характер движения», пока она ерзала задом по столу и жестикулировала руками.

Я был почти уверен, что за гламурными берцами и ангельским сиянием этой девушки скрывался прыщавый подросток, который не в силах перестать жевать Читос (прим. перев. — Читос — марка чипсов).

Именно он хакнул новейшие технологии и переделал их под меня, наплевав на все рамки закона.

Но и именно он не знал, когда стоит заткнуться.

— Трение оказывает давление на силу, которая подается с правой стороны, когда байк кренится влево и...

— Бенни, — я потер лицо руками.

— ...нужно проанализировать данные, чтобы определить, будет ли сила воздействовать на...

— Бенни! — я указал рукой на разорванные провода за ней, которые ранее соединяли шлем и куртку. — Давай к сути!

Она сжала ладони в кулаки у себя на коленях.

— Ладно, придурок долбаный, — Бенни вздернула головой. — С тех пор, как тебе понравилось летать на своем байке на скорости 167 миль/час (прим. перев. — 268 км/час), я разработала систему балансировки. С помощью беспроводных сенсоров в рукаве куртки, в шлем будет подаваться сигнал, когда равновесие будет потеряно и откалибрует ускорение и векторы скорости твоего тела. Цифровой указатель даст тебе знать, когда, где и на сколько нужно отклониться. Доволен?

— Нет, — я сжал переносицу пальцами. Вот что мне не нужно было, так это еще больше вспышек и лампочек перед глазами во время езды. По меньшей мере, теперь я знал, как ей удавалось стоять на сидении байка на полном ходу — все благодаря ее хитроумному изобретению. — Я и так знаю, как наклонять байк.

Она устала на свои берцы и пробубнила.

— Придирчивый недотраханый зануда.

— Что-что?

Она фыркнула.

— Ничего.

Я взял шлем в руки.

— Нужно кое-что усовершенствовать для гонки в эту субботу.

Ее бледные щеки залились румянцем.

— Я же только что предоставила тебе наилучшее! Усовершенствование! В жизни!

Я крутанул шлем в руках, переворачивая его и глядя на ряд кнопочек на внутренней панели.

— Мне нужен... если это можно так назвать — рентгеновский сенсор на шлеме.

Она задвигала челюстью из стороны в сторону, скрипя зубами, отчего мои уши были готовы свернуться в трубочку.

— Типа радиолокационного детектора? Чтоб видеть через стены домов?

— Нет. Я бы сказал, видеть через выбранные объекты, но поменьше размером — как, например, серебристый шлем. — Так, будто они — прозрачные.

А если еще бы добавить в программу обеспечения функцию распознавания лиц, я бы смог узнать, насколько приятно мне будет трахнуть эту мордашку.

Она мгновение смотрела на меня своим озлобленным взглядом, понять который у меня не было шанса. Бенни наклонилась к коленям и прыснула безудержным глубоким смехом, ударяя по своим бедрам.

Я стиснул зубы. Что было таким чертовски смешным?

В конце-концов, она пришла в себя и вырвала шлем из моих рук.

— «Не продавай свою душу Большому Брату» — сказал он, — произнесла Бенни, соскальзывая со стола, она зажала шлем ладонями, и обошла меня. — «Давай за мной, и мы истребим зло и превзойдем светскую нравственность с помощью технологий» — сказал он. «У тебя будет достаточно свободы и денег, чтобы твое футуристическое сердце осталось в восторге» — обещал он.

Да ладно, она перефразировала мое предложение, которое получила от меня в магистратуре. Когда до нее добралось правительство страны — такое, которое предлагало тебе стать шпионом без имени и истории — я предложил ей нечто послаще. И что? Я ведь не обещал с три короба.

Я скрестил руки на груди.

— О чем ты говоришь? Ты хочешь больше денег? — бл*дь, ее зарплата составляла почти 2 млн. в год. Она застыла передо мной, а ее торчащие в разные стороны локоны почти касались моего подбородка. Запрокидывая голову назад, Бенни смотрела на меня, сощуриив глаза.

— Супермен использовал рентгеновское видение, чтобы увидеть, какие трусики носила Лоис Лейн?

Я напрягся. Уверен от того, какими широкими глазами я на нее смотрел, они могли выпасть.

— Нет. Не использовал, — Бенни помахала пальцем со стороны в сторону у меня перед лицом. — Он использовал свои силы, чтоб почтить кодекс чести и общественные нравы, — она толкнула меня в грудь шлемом.

Я поймал какой-то микрочип прежде, чем он коснулся бетонного пола, и положил его на стол.

— Ты вообще о чем?

— Не притворяйся дураком, Логан Флинт. Эта чушь с рентгеновским сенсором так и воняет мисс Серебристый Дукапти, — она вытащила пластиковый пистолет из ремешка на бедре и приставила его дуло к моему лбу. — Которая, как Лоис Лейн, просто сжимает твои

яйца в кулаке. Насмехается над скромными изгибами. Крадет славу...

Я прекращаю слушать. Боже Всемогуший, зачем я вообще рассказал Бенни о ней? Огромный ляп с моей стороны. Я выпрямил плечи, прижимаясь лбом к пистолету, и глядя на нее самым устрашающим взглядом.

— Хватит разговоров.

Уголок ее рта дернулся вверх.

— А, так вот где собака зарыта, — полноправная ухмылка появилась на ее лице. — Может, тебе нужно, чтоб тебя наконец-то взяли за яйца. Я знаю девчонку....

— Да уж, мы точно закончили.

Я зажал ее бессовестную ухмылку ладонью, и вздернул бровями, от чего дуло ее игрушечного пистолета вместились на мою переносицу.

Она нажала на курок, и бл*дь, но хлопок заставил меня дернуться. Черт возьми, у меня не было настроения на эту хрень. Я опустил руку и хмуро посмотрел на нее.

— Столько злости. Ты злая-презлая злока, — щелкая пальцем по предохранителю, она повертела пистолетом в воздухе.

Я откинул голову назад и закрыл глаза. Если бы она не была гребаным гением, я бы придушил ее голыми руками. Ну, был еще тот факт, что она была моим единственным другом, и единственной, кому я вообще доверял в этой жизни.

Она, кажется, абсолютно забыла о том, что у меня не было настроения, и все равно тыкала в меня пистолетом, понарошку «отстреливая» мне конечности. Когда ее взгляд встретился с моим, я выплюнул ей:

— Усовершенствуй его. Это то, за что я тебе плачу.

— Ты платишь мне за то, чтобы спасти человечество от «Тренчент Медиа», — она сдула воображаемый дым с дула пистолета, и сунула его обратно в ремень на бедре. — А это куда поэтичней, чем с помощью рентгена добраться до трусиков той цыпочки, — пропела она мелодичным голосом, не лишенным осуждения.

Я стиснул зубы, чувствуя, как от нетерпения участилось дыхание.

Она посмотрела на свои наручные часы.

— О, глянь-ка. Я уже опаздываю на свидание с Каменным Змеем.

Каменным Змеем? Наверное, поэтому она так одета. Она называет это «косплей». Я называю это бредом.

Она встала в стойку. Одна рука — на пистолете на ее попке, и второй она делала выбросы кулаками в воздухе между нами.

— Я похожа на рыжую Мерил Сильвербург (прим. перев. — воинственная девушка-командир в компьютерной игре Rat Patrol Team 01), так ведь?

— Ну да, — я понятия не имел. — Так я полагаю, что с рентгеновским сенсором ты не справишься? Не твой уровень?

— Пффф. Мечтай!

Он прошла ко второму лифту в дальней стороне гаража и подняла металлическую решетку. Единственный запасной выход из подземного склада был широким настолько, что через него могли проехать шесть байков одновременно.

Она опустила ее за собой и уставилась на меня из-за решетки. Несмотря на ее ребяческий внешний вид, то, что я видел в этих глазах, было зрелым и мудрым, хоть иногда она выходит за рамки или вообще скрывает это ото всех. Но это только прибавляло оригинальности ее духу, и, несмотря на мое раздражение, я любил ее.

Я завидовал ее беззаботной натуре, тому, как она могла плавно вливаться в мир анимационных ошибок и самых крутых инноваций. Способность Бенни блокировать проблемы и болтаться просто так без дела была причиной, по которой я хотел свободы, но не мог получить ее.

Она отвернулась лицом к стене и добавила тихим голосом.

— Ты всегда можешь найти любую другую мисс Дукапти, если тебе нужно отвлечение, Неуловимый. Но если хочешь мести, знай, что поиск отвлечения всегда означает изменение в душе.

Тачпад пропищал, и лифт поехал вверх. Как только он тронулся, она опустилась задницей на пол, и обхватила лодыжки руками. Уголки ее губ были опущены вниз, когда она пошевелила двумя пальцами перед собой, словно они были щупальцами, и произнесла.

— Киска.

Я стоял там пару мгновений, в раздражении и с желанием защититься, и не было рядом никого, с кем можно было поспорить, от чего язык просто чесался. Я развернулся, прошагал через гараж и остановился возле угольной печи в стене, которая была заклеена вырезками из газет.

Фото моей матери было приколото кнопкой, и на этом фото она сидела на своем байке марки Honda CB750. Голубые глаза сияли, каштановые волосы были завязаны сзади в пушистый хвост. Она улыбалась с гордостью и желанием жить в сердце.

Сейчас мне было уже тридцать два года, так что статья была напечатана...19 лет назад. Как же, бл*дь много времени прошло без нее.

То утро — единственное мое живое воспоминание. Я был вне кадра, сбитый с толку и ослепленный вспышками камер. Мой взгляд спустился на текст под фото, и воспоминание обожгло мне горло, когда я мысленно прочел эти слова в миллионный раз.

Жительница ЛА, Маура Флинт, была принята в члены Байкерского Зала Славы благодаря ее гениальным высотам как профессионального гонщика на супербайках, каскадера по байкерским трюкам в Голливуде, слава которой могла посоперничать со славой Ивела Книвела (прим. перев. — Роберт Крейг «Ивел» Книвел — исполнитель трюков, получивший мировую известность благодаря своим рискованным трюкам на мотоцикле).

Мои ладони сжались в кулаки по бокам. В ту ночь она была убита в номере отеля, пока я прятался под кроватью. В ту ночь мои мечты тринадцатилетнего парня об участии в Чемпионате Мира за Кубок Гран-При канули во мрак, окутанный чувством мести.

Но если хочешь мести, знай, что поиск отвлечения всегда означает изменение в душе.

Бенни не знала, что такое месть. Она не вцеплялась ей в сердце когтями и не посылая по ночам сны, от которых ее бы бросало в пот.

Но она знала *меня*, и она подписалась под тем, чтобы вернуть имя моей семье. Это была не только моя семья, но и ее тоже.

Мы работали бок о бок в гараже с тех самых пор, как окончили МТИ восемь лет назад. Она разрабатывала свои идеи и совершенствовала мои.

Я следовал подсказкам моей матери и... мстил.

Моей первой жертвой стал тот, кто перерезал горло моей матери. Пять лет понадобилось, чтобы выследить его, и тридцать секунд, чтоб вскрыть его глотку так же, как он это сделал с моей матерью.

Я уперся рукой в дверцу печи и позволил жару пропитать мою ладонь. К нему в могиле присоединилось еще восьмеро. Я убивал киллеров, насильников, рецидивистов, и имена всех

их я находил в дневнике своей матери. Все они были связаны с «Тренчент Медиа». И я еще не закончил. Но нам нужны были деньги. Особенно, когда мой единственный работник пытался изнасиловать мой кошелек.

Ухмылка коснулась моих губ. Бенни была достойна каждого пенни. Чтобы профинансировать мои начинания и получать свои деньги, она создала целую подпольную сеть для гоночных ставок и технологию, которую невозможно выследить, защищающую целое секретное сообщество любителей азарта, давая таким образом Неуловимому фору.

Конечно, никто не знал, кто разработал и запустил эту сеть, но из-за того, что победитель всегда проходил в следующую гонку, а я никогда не проигрывал, Неуловимый стал идолом поклонения.

Спросите, что будет, если я проиграю? Ну, помимо того, что мне придется бежать от секир, которыми спонсоры захотят отрубить мне голову, я потеряю свой доход, своего высокооплачиваемого работника и ресурсы, которые мне необходимы для того, чтобы закончить то, что я начал.

Мое внимание вновь привлекла газетная вырезка. Я не искал отвлечения, и я был чертовски уверен, что мои намерения не изменились.

Мечь не была эмоцией. Она была моим наследием, действующей силой, которая жила в моей крови и поддерживала во мне жизнь. Она была моим равновесием.

Мечь.

Я участвовал в гонках, чтобы получить деньги на ее осуществление.

Не давая себя поймать, я защищал ее.

Убивал, чтобы достигнуть ее.

Я все спланировал.

Как только Трент Андерсон будет готов назначить своего преемника генеральным директором «Тренчент Медиа», я буду там, одетый в пиджак и брюки. Буду смотреть в его глаза, и, с улыбкой на губах, приму это предложение. А после я выпотрошу его и всех их до последней капли крови.

Глава 6.

Кэси

Прошло шесть долгих дней. Если я не спала, то находилась в офисе, и мне приходилось заставлять себя хоть немного прилечь. В конце концов, мне пришлось снять каблуки, выбросить из головы пальцы Трента на моем теле и отдохнуть хотя бы одну ночь.

Я вильнула на Дукагги между рядами байкеров. Тело разгорячилось под упругой кожей моего костюма. Сотни людей собрались возле финишной линии, а от вибрации и грохота выхлопных труб вокруг дрожала даже кровь в моих венах. Группа парней с короткими стрижками развалилась на своих Эндуро, Бус и Зук (прим. перев. Enduro, Busa, Zook — марки мотоциклов, спортивных и супербайков). Разнообразие красок на корпусах их байков и кожаных куртках поражало цветовыми сочетаниями. Эти ребята всегда хотели участвовать в гонках, но, пожалуй, так и не найдут свои яйца для того, чтобы выступить против Неуловимого.

На другой стороне улицы татуированные бородатые дикари и их девушки-хищницы сидели верхом на Чопперах и Крузерах (прим. перев. — Chopper, Cruiser — марки байков.

Для лучшего представления спросите названия в Гугл). Когда я проехала, их издевательский свист и несдержанные шутки послали холод по моей спине.

Звуки сирен на расстоянии, поблескивание ножей и пистолетов за поясами парней, общая паранойя, генерировали скопление преступников, из-за которых атмосфера пропитывалась опасностью. Именно в этом месте худшие из худших встречали себе подобных.

В руках бутылки, двигатели ревели, губы сжимали сигареты, пальцы теребили отвороты курток — именно в этом отморозки находили свое веселье. Это была противоположная сторона политкорректного общества, в котором я проводила унылую жизнь, подавляя приступы скуки.

Мне должно было быть до жути страшно. Возможно, так и было. Страх, подпитанный адреналином, был частью гонок, но в итоге мое тело пульсировало от смеси возбуждения и тайны.

По иронии, здесь я чувствовала себя безопаснее всего. Здесь — в мире, где опасность разгуливала вокруг с татуировками и оружием в руках. В отличие от офисной жизни, где опасность скрывалась за просчитанными улыбками и роскошными благотворительными мероприятиями.

Мои эмоции были слегка на взводе. Я маневрировала между людьми на краю общей толпы, пока не наткнулась на пустынную улочку в двух кварталах от линии финиша. Неуловимый разорвет финишную ленту в любой момент. Я не смогу увидеть его, если буду здесь, в двух кварталах от него, но я обещала Колину, что не стану высовывать свой нос.

Вздыхая с сожалением, я отъехала от толпы. У меня за поясом торчал Спрингфилд 40-го калибра, и его успокаивающая сталь согревала мне сердце. Несколько миль назад я спрятала номер своего байка.

Но я никогда не снимала свой шлем, никогда не позволяла кому-либо увидеть свое лицо за визором (прим. ред. — визор — ветрозащитный экран в мотошлеме). Даже с такими мерами предосторожности, мне приходилось отшивать байкеров столько раз, что я сбилась со счета.

Не то, чтобы я не могла позволить себе нанять охрану. Разве это было бы не круто? Но вооруженные парни могли испортить все дело, которое подразумевало минимум внимания, пока я живу этой независимой жизнью.

Аллея, по которой я ехала, скрывала множество теней и находилась неподалеку от толпы. Отсюда я могла лучше видеть финишную линию. Будет ли здесь безопасней, чем ниже по улице? Возможно, и нет, но, бл*дь, я приехала сюда не просто так. Мне нужно было сбежать от работы. Сбежать от Трента, который охотился за моей задницей и е*ал мне мозг. Сбежать от пустоты в своей постели. Я приехала сюда за тем, что воплотить свою фантазию в реальность.

К черту Колина и унижительное обещание ему. Я не буду стоять перед финишной линией, но и ни в коем случае не выпущу ее из поля зрения.

Попятившись на байке назад в нишу, я выставила подножку и заглушила двигатель. В тишине и в укрытии. Отсвет фар в толпе дал мне понять, что на меня никто не смотрел, все смотрели на трассу или на друг друга. Стальные сваи моста неподалеку задрожали над головами от проходящего по нему поезда, посылая вибрацию в мой позвоночник. Но отсюда я в идеале могла увидеть, как он вырвется из толпы, его плечи будут напряжены от агрессии, а тело так близко будет прижато к байку, что я могла бы подумать, что под ним девушка,

которую он трахает. Господи, этот мужчина был бесстрашным ублюдком на кожаном сидении своего байка, от которого промокали трусики.

Одичавшие крики и рев двигателей возрос в разы, после чего раздался отчетливый рев его BMW со знаменитым 4-х цилиндровым двигателем 999 cc.

Бедрами я сжала корпус своего байка и выпрямила спину, ища в просвете между толпой его хромированный корпус и кожаное сидение.

Что-то задвигалось в поле моего бокового зрения. Волосы на затылке стали дыбом, и я дернула головой. Из-за спины вынырнула рука и схватила меня за горло. Огромные пальцы с мозолями впились в мое горло, угрожая перекрыть воздух.

Пульс подскочил до бешеного ритма, когда я схватилась за чужую ладонь и дернулась в сторону. Но рука удерживала меня неподвижно, сжимая. Я ухватила воздух ртом, впиваясь в эти пальцы. Бл*дь, этого не должно было случиться. Шок превратил мою кровь в лед, когда глазами я метнулась к ключам в зажигании. Я потянулась к ним.

— Не двигайся, — произнес мужской голос такой же тяжелый, как и хватка на моем горле.

Не нервничай. Оставайся спокойной.

Моя грудь поднималась и опускалась от тяжелых вдохов. Мне было до охерения страшно.

— Чего ты хочешь? — проскрипела я.

Его рука усилила хватку, и он стал передо мной. Его лысый череп был усеян мелкими складками. Кожаный жилет без рукавов, дырявые джинсы и выцветшее тату на шее и руках — он был одет как раз для этой сцены.

Его исполинский рост и широкие плечи закрывали мне все действие на финишной прямой. Его коварная улыбка прогнала всю кровь от моего лица, оставляя на щеках лишь покалывающий холод.

Пистолет у меня за поясом стал весить почти тонну. Смогу ли я вытащить его за мгновение и отвести от себя опасность прежде, чем он обезоружит меня? Я прижала кулак к бедру и сглотнула, пытаясь разжать его пальцы.

— Отпусти меня.

Его пристальный взгляд метнулся к Дукайти, моим ногам в коже, а потом к моему визору. Мужчина прищурился, будто пытался увидеть меня через черное стекло.

— Классный байк. Титановые детали, программируемая электронная сиквентальная коробка передач, (прим. ред. — сиквентальная коробка передач — коробка передач, допускающая только последовательное переключение передач. Чаще всего используется на спортивных авто и мотоциклах) карбоновый бак? Черт, откуда это? На все эти обновления пришлось бы убить несколько штук.

Значит, он хотел меня ограбить. Мне на самом деле полегчало, учитывая перспективы.

*Если ты это переживешь, купи себе дешевый e*анный байк, и оденься уголовницей.*

Мои мышцы дрожали на рукояти байка, но ярость в кулаке на бедре вызывала во мне желание потянуться к пистолету.

Он так сильно сжал мое горло, что мне стало больно. Ослепляющая агония расплзлась по моему горлу, обжигая легкие. Я схватила его руку обоими ладонями, пытаясь расцепить пальцы, но перчатки помешали мне уцепиться. Он поднял свободную руку и провел по щетине грязным лезвием.

Боже, я была по уши в дерьме.

— Помогите! — выкрикнула я, и звук мог бы пронестись над моей головой, но я не услышала ничего. Лишь дыхание, которое покинуло мои легкие. Время замедлилось, и я сфокусировалась на моем усиленном сердцебиении и отчаянной необходимости в глотке воздуха. Естественно, он не убьет меня. Я не могла умереть вот здесь, в скрытом месте позади толпы из сотни людей.

Но мое укрытие было так глубоко в аллее, замаскировано мраком.

Насколько же это глупо, Кэси.

Толпа была вовлечена в гонку, крича и радуясь, стоя к нам спинами. Они бы даже не услышали меня из-за сотни возгласов, рева двигателей и проходящих над нами поездов. Перед глазами заплясали черные точки. Шлем становился тяжелым, сдавливал, и ноги едва касались асфальта.

Он обернулся через плечо, а потом снова посмотрел на меня. Морщины на его лысой голове лишь стали глубже.

— Кричи сколько хочешь. Тебя все равно никто не услышит.

Он ослабил свою хватку, но не отпустил.

Я резко вдохнула. Легкие болели, а пальцы впивались в его руку. Я произнесла, давась словами:

— Я слезу с байка.

И возьмусь за пистолет.

— Ключи в зажигании. Забирай.

Чтоб я могла всадить пулю в твой череп, ублюдок.

Мужчина отступил назад, предоставив мне пространство, но, когда я соскользнула с сидения, он не отпустил горло, а вместо этого прижал меня спиной к стене здания.

— Что такая богатая сучка, как ты, вообще делает в таком месте в одиночку?

Сирены звучали все громче и ближе, и от этого мой пульс рос с бешеным темпом.

— Копы на подходе, — я зарядила ногой в его лодыжку.

Он зарычал, и в одно мгновение мы превратились в клубок из рук и ног, которые ударяли и пинали друг друга. Я дернула за пальцы на своем горле, и потянулась за пистолетом за поясом. Он прижал меня всем своим телом, и моя рука осталась зажатой между спиной и стеной.

Я резко боднула шлемом вперед, и врезала ему по носу. Он проревел и впечатался ногой в мое бедро, заставляя меня расставить ноги. Я была прижата к стене — одна рука зажата высоко между спиной и стеной, а к горлу приставлено холодное лезвие его ножа.

Свободной рукой я обхватила его запястье, пытаюсь удержать оружие, которое было в миллиметре от моей гортани. Сирены полицейских машин звучали примерно в двух кварталах от нас.

— Твое время вышло, Череп.

Он прыснул со смеху.

— У копов и так есть, с чем разбираться, — он кивнул в сторону улицы. — Это задержит их на некоторое время.

Бл*дь, он был прав. Скоро они станут преследовать байки по всему городу. Сколько времени пройдет прежде, чем хоть одна полицейская машина осветит фарами эту аллею?

Слишком много. Я бесполезно дралась, вырывалась из-под него, крича и тяжело дыша через нос.

Господи, успокойся.

Я ослабила свою хватку на его запястье и отпустила пальцы.

Глубокий вдох.

Выдох.

— Мы пройдем в эту дверь, — он дернул подбородком в сторону аллеи.

Дверь? Мой мозг понял первым, и лишь потом понимание озарило каждую клеточку в моем теле.

Он был здесь не ради моего байка.

Страх сковал горло, и я чувствовала чрезвычайно сильный порыв зарыдать. Плохо, плохо, это, бл*дь, очень плохо.

Рев от проезжавших мимо аллеи байков рикошетил от стен здания, но я не могла повернуть голову и посмотреть на трассу. Гонка, скорее всего, закончилась. Все разлетались в разные стороны.

Из-за моих горячих и частых выдохов экран шлема запотел.

— Что это за дверь? В переполненный народом бар? В логово байкеров?

Пожалуйста, пусть это будет бар.

Он толкнулся в меня своим бедрами, а его эрекция взорвала мой пульс до невероятных высот.

— В гараж. К моей машине. Двигайся.

Мои руки тряслись. Одной я сжимала его запястье, вторая была прижата к спине, в дюймах от пистолета. Если он обезоружит меня, и я сяду в его машину, я — покойница. Я дернулась в его хватке, и лезвие зацарапало кожу на горле.

Близко, очень близко прозвучал рев еще одного проносащегося мимо байка, но я все равно не могла повернуть голову. Жжение от стали горело на выемке под подбородком, когда мои глаза начали слезиться, и я стиснула зубы.

Костяшками пальцев я уже касалась пистолета. Вонзит ли он лезвие в меня, если я двину рукой? Мне стоило сделать это молниеносно. Так что я дернула рукой.

Слева от Черепа в воздухе просвистел кулак, впечатавшись в его челюсть, от чего нож выпал из хватки. Я потянулась рукой к своему горлу, а другой схватилась за пистолет, пока он распластался на земле, держась за нос. Кровь хлестала между его пальцев, а широко распахнутые глаза уставились на тень, которая возвышалась над ним. Длинная, худая тень. Воплощение мужественности.

Владелец безошибочно точного кулака, который со смертельной свирепостью впечатывался в Черепа. Черная кожа обтягивала твердые линии его тела.

Тела, которое я узнаю везде.

Глава 7.

Кэси

Я не моргала, не дышала, боясь пропустить черный шлем, черные ботинки и молниеноснодвигающийся кулак, который в данный момент выбивал дерьмо из Черепа. Мне снился сон, и, мой милый Бог, какой же сладкий это был сон.

Проснись.

Я стряхнула парализующий ступор, вытащила из-за пояса свой сорокакалиберный, гарантирующий мне безопасность, и шагнула к дерущимся телам. Машины с сиренами

пронеслись мимо аллеи, рев мотоциклов сотряс землю под ногами, оглушая.

Череп лежал на спине, ударяя Неуловимого в живот, по ребрам и в горло.

Стук сердца эхом отдавался у меня в ушах, а пистолет стал дрожать в ладонях. Я сфокусировалась на траектории и прицелилась в лицо Черепа.

— Положи руки за голову, — проскрипела я, потому что на самом деле знала, как спустить курок. Мы с Колином стреляли по мишеням на ранчо несколько лет назад. И, бл*дь, я *хотела* применить свои умения на практике.

Череп поднял руки и скрестил пальцы за затылком. Видно, он уже делал это прежде.

Неуловимый опустился над ним на колени, и его силу можно было увидеть в линиях спины и плеч под курткой. Он дернул шлемом вверх, и теперь смотрел на меня.

— Я бы разобрался.

О. Мой. Бог. Его голос. Ладно, он явно был обработан компьютерной программой. Я могла понять это по дрожанию тембра, который исказил электронный динамик, но он был таким глубоким и мрачным, и таким чертовски сексуальным.

Соберись, Кэси.

Он был гораздо опасней, чем мужчина, который на меня напал.

— Убирайся отсюда, — я кивнула на улицу позади него, и, будто по подсказке, еще одна полицейская машина проехала, завывая. — Я задержу его, пока ты не оторвешься от них.

Что я несла? Я не хотела, чтобы он уезжал. Мне показалось, что я слышала его смешок, но не могла сказать со стопроцентной уверенностью, потому что вой сирен заглушал все вокруг. Он посмотрел на Черепа, занес руку и вырубил его окончательно. Черт. Ладно, это тоже поможет.

Я опустила пистолет.

— Ты выиграл гонку?

— Естественно, — он выпрямился и сократил расстояние между нами за три шага.

Каждый мой нерв содрогнулся от перенапряжения и возбуждения. Боже мой, он стоял просто передо мной, нагревая воздух вокруг меня, пялясь на меня. Что ему было нужно? Я открыла рот, чтобы сказать ему *»спасибо»*.

Он вырвал пистолет у меня из рук.

Какого хера?

— Отдай наз...

Он приподнял мой подбородок и коснулся перчатками кожи на моей шее. Каждое его движение раздражало царапины от ножа, но я не хотела, чтобы он останавливался. Он поднял палец перед визором моего шлема, и я увидела на нем кровь.

— Ты усвоила урок?

Его голос прокатился через мое тело, отчего я почувствовала слабость в коленках. Несмотря на электронное искажение, я могла расслышать ярость в его голосе.

Сердце оглушающе стучало в груди, пульсация между ног усиливалась, обжигала и затапливала желанием. И все из-за синтетически искаженного свирепого голоса? Я могла сейчас подавиться своим самоуважением, но не могла сопротивляться ему. Сейчас мое тело хотело лишь одного, и это вибрировало во мне, пытаясь разорвать. Пусть меня сошлют в ад, но мышцы моей киски сжимались от одной мысли о нем.

Я коснулась горла, отчего почувствовала укол боли.

— Всего лишь царапина.

Отражение моего шлема в его визоре размылось, когда он покачал головой из стороны в

сторону. Он пристально посмотрел на меня, будто... замышляя что-то? Господи, как бы я хотела увидеть его лицо, его глаза. Его палец вернулся на мое горло, проследовал по дорожке под моим подбородком, приподнял его и придержал за шлем. Он слегка дернул его, будто, как и я, хотел сбросить его и увидеть мои глаза под визором.

— Садись на свой байк, куколка.

Он щелкнул предохранителем пистолета и сжал плечи, развернув меня лицом к байку. К двум байкам. Его мотоцикл стоял рядом с моим.

О, я уже любила этот вид.

Его пальцы коснулись моего бедра, проскользнув под куртку и приласкав кусочек голой кожи. Я задрожала от прикосновения его перчатки, и он заговорил.

— Это твой последний выезд.

Температура в моем шлеме поднялась на десять градусов, а щеки воспалились. Я посмотрела на него через плечо.

— Что, прости?

Шлепок.

Жалящий удар пришелся на мою задницу, отчего я пошатнулась вперед. Он, бл*дь, ударил меня по заду! Я придержалась руками за сидение байка, и на губах заплескала улыбка. Черт, он шлепнул меня.

Его руки вернулись на мои бедра. После он приподнял куртку, засунув пистолет мне за пояс.

— Выдвигаемся.

Больше звуков сирен заполнило улицы. Дерьмо. Я поспешила на байк и завела двигатель. Он оседлал свой BMW S1000RR рядом со мной и завел его.

Я выехала вперед по аллее и оглянулась. Он не сдвинулся с места. Под шлемом он смотрел на меня, спина прямая и неподвижная. Моя грудь напряглась. Я не была готова попрощаться с ним. Что, если это наша первая и последняя встреча?

— Ты едешь? — я пыталась перекричать сирены. Мысль о том, как он кончает, превратила мои губы в незрелую, полную надежды, возможно, дурацкую ухмылку. Хорошо, что он не мог увидеть ее. Он мгновение изучал меня из-под своего шлема, а потом оттолкнулся ногами от земли, и прокричал:

— За тобой. Можешь не сомневаться.

Мое лицо озарила настолько широкая улыбка, что мне стало больно. Я увидела в зеркале его фигуру, крутанула газ и со скрипом шин вырвалась на трассу.

Изобилие голубых и красных огней меня просто ослепило. В основном, копы задерживали байкеров, но несколько машин были распределены по периметру. Как и та, которая только что остановилась за нами.

Я прибавила газу и вырвалась вперед, зная, что Неуловимый у меня на хвосте. Максимальная скорость Дукагти была выше, чем у его BMW, но у меня не хватало смелости выжать свыше 320 км/час. И даже сейчас, когда мы гнали на скорости 257 км/час, душа уходила в пятки от страха. Я ожидала, что он пронесется мимо меня, но огни позади нас исчезли, а я по-прежнему лидировала.

Адреналин курсировал по венам, когда мы промчались на красный и полетели по улице с односторонним движением, виляя между машинами, которые оставили нам лишь узкий пролет между собой и бордюром. Нарушение всех правил разорвало бы мне сердце, если бы я была одна, но, когда со мной был он, готовый прикрыть мне спину, я чувствовала

воодушевление свободы.

Я даже надеялась, что он попытается обогнать меня, чтобы я могла показать ему максимум, который может выжать мой байк. Спустя несколько минут, мы выехали на автостраду. Так было проще избегать ловушек в центре города.

Но куда мчаться теперь? Последует ли он за мной? Надежда теплилась у меня в животе, а конечности покалывало. Я не знала, на что именно надеялась. Увидеть его лицо? Раскатала губу. Снова услышать его голос? Да, пожалуйста. Трахнуть его, не снимая наших шлемов? Странно, но я бы рискнула.

Наблюдая за его габаритами в зеркало заднего вида, я придерживалась курса по шоссе 290, пока передо мной не появилась Эшлэнд Авеню, и я свернула в Юнион Парк. Массы бейсбольных мячей, теннисные корты, темные углы игровых площадок. Именно, темные углы.

Клянусь, я не улыбалась так много с тех пор, как Колин тайно заснял на камеру Донни МакНайта, любовь моих школьных лет, пока он принимал душ в своей раздевалке. Черт, у этого парня была упругая задница. Когда я достигла Юнион Парка, притормозила на пустой парковке сбоку от баскетбольной площадки.

Неуловимый въехал вслед за мной, и я попыталась утихомирить свое дыхание.

Его длинные ноги были прижаты к корпусу байка, а руки в перчатках покоились на коленях. Он не говорил, просто наблюдал за мной на расстоянии вытянутой руки. Близость с ним напоминала мне картину из сюрреализма. Сколько людей видело его вне гонок? Кто скрывался под этой черной кожей на сидении такого байка? И самый главный вопрос, который не давал спать всем женщинам Чикаго. Было ли его лицо таким же сексуальным, как и тело?

Он размял шею и плечи, а после сжал кулаки, хрустнув пальцами.

— Есть имя?

Боже, этот голос. Я прикусила кончик языка, когда жар устремился между ног.

— Да. А у тебя?

— Парочка будет, — он поставил ногу на слайдер корпуса, и облокотился на колено.

Это движение приблизило его шлем ко мне.

— Почему ты здесь, богачка? В одиночку с криминалом города? Чего ты хочешь?

Лучше спросить, почему такой, как он, преследовал меня? Чего он хотел? Я должна прочувствовать его, сыграть роль наглой девицы, с которыми, я уверена, он имел дело.

Я наклонилась вперед и выставила локти на бак своего байка, вытянув свое тело перед его взглядом.

— Думала, ты сначала трахаешься, а потом задаешь вопросы.

Его низкий, искаженный электроникой смешок воспламенил мою киску, когда он откинул голову назад, открывая моему взору темную щетину на волевом подбородке. Когда его шлем вернулся на место, он вытянул руку и провел пальцами вдоль моего бедра, по изгибу моей задницы, до талии, а потом повторил весь путь снова мучительно медленно.

Угол его шлема следовал за изгибами моего тела и движением пальцев. Его исследование поджигало во мне каждую клеточку. Ему нравилось то, что он видел? Мое дыхание ускорилося. Хотел ли он увидеть больше? Он наклонился ближе, поддев пальцем ремешок моего шлема, и притянул меня за шлем к себе.

— Покажи мне свое лицо.

Я содрогнулась от просьбы этого глубокого электронного голоса.

— Ты первый.

Как тот, кого преследовали так долго, у него должно быть намного больше опыта езды в образе инкогнито, чем у меня. *Если* он хочет открыть мне свою личность — и слово «если» здесь ключевое — я сделаю то же самое. Он не знал, где я жила, и возможно, не узнал бы моего лица.

Но, а если *узнал* бы? Видя, как он избегал репортеров и учитывая тот факт, что моя семья владела самым крупным медиа конгломератом в мире... Да, эти детали не принесут мне победу в скачках на его члене.

Он отпустил ремешок, и на какую-то секунду я подумала, что он потянется к своему шлему. Но он дернул головой вперед, выровняв спину. Через несколько долгих секунд тишину вокруг нас нарушил вой полицейской сирены.

Е*анные ублюдки. Я схватилась за руль, готовая вдавить газ, но он схватил меня за бедро и сжал. Он смотрел прямо перед собой, а жар от его ладони просачивался мне под кожу. Чего мы ждали? Когда он отпустил мою ногу, он на одном дыхании выпалил, по каким улицам стоит ехать, каких избегать, и какие обходные пути использовать, чтоб вернуться на автостраду 60.

— Не отклоняйся. Не сбавляй газ, — он слегка хлопнул по затылку шлема. — Вперед!

— А ты? — господи, в моем голосе звучало отчаяние.

— Сразу за тобой, — обещание сгладило его резкий тон.

Я сорвалась с места, вильнув между двумя патрульными машинами и последовав его указаниям. Свет его габаритов отражался в моих боковых зеркалах, но через несколько кварталов он исчез. Мое сердце гулко стучало в груди, а разочарование сдавливало горло. Он следовал за мной до автострады, но через несколько километров я потеряла его в трафике.

Отказ болезненно тянул мой желудок вниз. Я не хотела признавать этого. Просто то, что я не могла увидеть его, не означало, что он исчез.

Патрульные машины заполнили автостраду, перекрывая мне путь с двух сторон и мигая огнями. Черт возьми, я забыла вернуть номерные знаки назад. Я припала ближе к байку и выжала почти максимум.

С каждым километром, оставленным позади, я все меньше и меньше смотрела в зеркала. Тугой узел в груди говорил мне, что его там нет и уже давно.

Так было лучше. Я могла отправиться домой, спрятаться в своей комнате и подумать, как я буду объяснять порезы на шее Колину. Мне нужно было сопоставить все «могла бы» и «сделала бы» по поводу нападения в аллее. Мне нужно было встретиться с возможностью того, что сегодня был мой последний выезд.

Но не из-за Неуловимого, который шлепнул меня по заду, и раздавал приказы.

Волна жара снова поднялась по моим бедрам.

Ладно, это было абсолютно непонятно.

Я сделала глубокий вдох. Я не *собиралась* ехать домой и умирать от одержимости им. Он спросил меня, чего я хотела. Я бы ответила *«его»*. Но всего лишь на одну ночь? А что насчет завтра? Послезавтра?

Боль кольнула в груди. Я не могла иметь то, чего хотела. Жена известного комментатора трахается с известным преступником? Представляю, какой скандал можно раздуть вокруг этого.

Пятнадцать минут спустя, когда я успела проехать несколько кругов вокруг башни Трампа, я убедилась, что за мной никого нет. Я со злостью вбила код безопасности в панель

на входе на стоянку и припарковала байк на два этажа ниже уровня стоянки.

Волоча ноги к лифту, я стянула перчатки, сунула их в карманы и потянулась к ремешку своего шлема.

Издали донеслось гудение, приближаясь и становясь громче. Бетон подо мной задрожал от вибрации. Я знала этот звук, могла разобрать знакомый рев, который отдавался в каждой клетке моего тела.

Время вокруг меня замедлило свой ход, когда черный лакированный S1000RR показался наверху помоста и остановился. Двигатель лениво рычал, мое сердце пропускало удары. Его черные ботинки коснулись бетонного пола подземной парковки. Припав к байку грудью, втянув плечи, он повернул рукояти вперед. Воздух вокруг него наэлектризовался, возбуждая ожиданием, пока его черный шлем был направлен в мою сторону.

Мое дыхание сбилось окончательно. Все, что я чувствовала, это — возбуждение и жар.

Он последовал за мной.

Я перестала дышать. *Бл*дь, он последовал за мной.*

Как? Черт, как он прошел через систему охраны двери на парковку? Позвоночник сковало холодной дрожью. Теперь он знал, где я живу.

Боже, что я наделала?

Глава 8.

Кэси

Рев его мотоцикла рассек воздух. Звук, похожий на гортанное рычание, заставил меня остановиться на месте. Его эхо разорвало пустынное пространство парковки, а нерешительность сковала мои мышцы. Будоражающая мысль о том, что он здесь, покалывала лицо, пока страх несся по венам вместе с кровью.

Бежать? Мудрое решение. Он не знал мое имя, не знал, на каком этаже я живу. Лишь десяток ступенек, и я смогла бы улизнуть в лифт прежде, чем он достигнет меня.

Но я приклеилась к бетону, пока из-под шлема он сверлил меня взглядом, заставляя мои глаза следить за ним. Я стояла на перекрестке уровней парковки, и была рада, что вообще стояла, учитывая, как сейчас дрожали мои ноги.

Из всех красивых женщин в Чикаго... почему я? Зачем ему преследовать безликую женщину? Я имею в виду — конечно, я держала тело в форме, и знала, как рассекать улицы на Дукагги, но такому таинственному парню, как он... зачем ему быть здесь? Может, у него на хвосте были копы?

Широко расставив ноги, я вздернула подбородок, чтоб встретить его взгляд. Я хотела, чтобы он увидел, что я могла выдержать его. Хотела, чтобы он выжал газ и сократил расстояние между нами. Хотела, чтобы он преследовал меня по всем иррациональным, опасным причинам, которые заставили бы меня вытащить свой пистолет.

Пистолет, который смелые, соблазнительные пальцы сунули мне за пояс.

Какой мужчина последует за вооруженной женщиной и вломится на частную парковку?

Тот, кто трахался так же опасно, как и жил.

Я содрогнулась, и теплая пульсация вернулась к местечку между ног. Очевидно, что мое самосохранение пало с громким треском. Снова раздался рев его двигателя, и мотоцикл

завибрировал, спускаясь вниз. Внезапное движение байка послало импульс моим ногам. Я попятилась в сторону лифта.

Он припарковался возле Дукаитти, и заглушил двигатель, когда я столкнулась спиной с дверью лифта. Я потянулась рукой к стене, отчаянно пытаюсь нащупать кнопку лифта.

Охрана следила через камеры наблюдения. В любой момент могли проехать резиденты дома. Может быть, они узнали бы его по черной кожаной одежде. А может, и нет. Ему, казалось, плевать.

Он приближался ко мне беззвучными шагами. Можно было бросать поиски кнопки вызова лифта. Меня даже отвлекло то, как кожаная куртка на нем скрипела от каждого его шага и обтягивала мужественную выпуклость в области паха. То, как он стянул перчатки, палец за пальцем, и сунул их в карман куртки. То, как его шлем все время был направлен на меня. Его обычная походка воплощала контроль, своего рода непринужденную силу, которая исходила от уверенных мужчин. Атмосфера вокруг него была могущественной и всепоглощающей, очевидно, потому что у меня было дохера времени, чтоб насладиться ее эффектом.

Ему осталось сделать лишь пару шагов, когда я услышала его голос:

— ... не собираюсь обсуждать. Уже один метр. У тебя есть РЧИД?

Что такое РЧИД? Я потрясла головой:

— О чем ты говоришь?

Сделав последний шаг ко мне, он заговорил так низко, что мне пришлось собрать всю свою концентрацию, чтоб расслышать сказанное.

— Опустить камеры.

Мой взгляд метнулся к потолку. Да, там были камеры, но какого хера? У него не было телефона. Он говорил сам с собой?

Он положил тоненький фонарик себе в карман. Откуда он взялся?

Я бросила поиски кнопки на стене. Подняться наверх больше не было вариантом, особенно если он собирался составить мне компанию.

— С кем ты разговариваешь? — спросила я, но слова прозвучали как команда.

Он не остановился, пока его грудь не коснулась моего шлема, вжимая меня спиной в дверь лифта.

— Хорошо. Будь на связи.

Он потянулся вверх к шлему и нажал кнопку.

Я прищурила глаза. Его шлем был напичкан приборами, как костюм Джеймса Бонда? Такая технология вообще существовала?

— Что ты только что сделал? — я потянулась к его шлему. Его рука тут же перехватила мою, кожа к коже, и он нажал моим пальцем кнопку вызова лифта. Дергаться было бесполезно. Под стеной в темной аллее я могла драться и кричать, но этот мужчина спас меня. Он был нарушителем закона, но я не думаю, что он приставит лезвие к моему горлу.

Когда наши пальцы коснулись края кнопки, затылком шлема я коснулась двери.

— Что ты делаешь?

— Поднимаюсь.

— Нет, не выйдет.

По многим причинам. Первая — он был преступником. Вторая — он узнал бы Колина. Если факт, что я связана с медиа не заставит его бежать, то встреча с моим мужем явно сделает свое дело.

Третья — ну, не помню, какая третья причина, но четвертая — *он был преступником.*

Я ровно вдохнула, чтоб рассеять туман в своей опьяненной голове. Он мог зайти в лифт, но у него не было ключ-карты, с помощью которой он бы заставил его ехать вверх. Моя была в кармане куртки рядом с телефоном.

Кожа куртки закричала, когда он ступил ближе, и, твою ж мать, его тело было чертовски сильным. В местах, где его твердые бедра касались моих ног, где его огромная рука сжимала мои пальцы, и где его грудь прижимала мой шлем к двери, прошел заряд электричества.

Черт возьми, Колин был в чем-то прав. Сила, исходящая от этого мужчины, казалась сверхъестественной. Заряженные точки соприкосновения соединяли нас вне физического уровня.

Они уходили глубоко, будили чувства, которые, я надеялась, всегда существовали, но я никогда их не испытывала.

Глухой стук моего сердца тащил меня под поверхность прилива чего-то, что в данный момент охватывало меня с головой.

Может его сердце находилось на таком же распутье, как и мое? Я хотела снять свой шлем, прижаться щекой к его груди и выяснить.

Это было притяжение. И все. Длительное, сдерживаемое сексуальное притяжение.

День.

Дверь лифта распахнулась, но прежде, чем я упала, он обернул руку вокруг моей талии и толкнул спиной вперед. Я не сопротивлялась — мне было до боли интересно, что он сделает дальше. Это было глупо. Мне стоило подумать об этом раньше.

В лифте гаража никогда не было людей. Он и сейчас был пуст. Дверь закрылась, оставляя нас в четырех стенах, от чего мой пульс подскочил до небес. Боже, здесь было так мало места, а он был далеко не низкого роста, втискиваясь в маленькое помещение и накаляя собой воздух.

Он не выглядел таким огромным на своем байке. Не то, чтобы он был огромным, как бодибилдер, но его плечи накрывали мои, а от вида его торса у меня затмевало рассудок. Чересчур сильная хватка его пальцев на моей талии. Я была готова взорваться.

Лучше бы я взобралась на его высокое, темное и смертельно опасное тело, и оседлала бы его как дикое животное. Я прикусила губу.

Реальная классика, Кэси.

Моя мать мной бы гордилась.

Он отпустил мою талию и достал металлическую карточку из своего кармана. Даже если его руки больше не было на мне, я все еще чувствовала напряжение, зажатая в углу лифта одним его присутствием. Пожалуй, настало время проверить, не сплю ли я.

Я закрыла глаза, представляя свою обычную поездку в лифте. Холодные, пустые, незаполненные путешествия в никуда.

Когда я посмотрела вверх, мужчина, которого я мысленно трахала на протяжении девяти месяцев, все еще стоял здесь, во плоти, пялясь на меня сверху вниз.

Темный и несокрушимый. Чертовски пугающий.

Мне было тяжело дышать.

Грудь сжимало тисками.

Сильнее и сильнее с каждой секундой.

Мне нужен был воздух.

Черт.

— Зачем ты последовал за мной? — Боже праведный, это вырвалось на одном дыхании.

— Мы не закончили, — он повернул голову к панели с кнопками.

Ого. Ладно, это прозвучало восхитительно, многообещающе, и в то же время не говорило ничего. И что он делал с этой металлической картой? Подождите. Сначала самый важный вопрос.

— Ты гей? — потому что, на самом деле странности никогда не обходили меня стороной.

— А ты лесбиянка? — он снова повернулся ко мне. — Если у твоей подружки такая же попка, как у тебя, я бы справился с обеими.

Какой изысканный прямолинейный ответ. Мое безрассудное сердце возрадовалось дважды.

— Женат?

Его тело замерло от плеч до кончиков пальцев.

Нихера себе.

— Если бы я был женат, — выплюнув, он снова отвернулся к панели, — я был бы дома, трахая свою жену.

Я нахмурилась. Господи, его это *обидело*. То, как он сказал это — *трахая свою жену* — послало знакомую боль по моим ребрам, и эта боль обожгла меня чувством агрессивной, защитной и свирепой самоотверженности. *Сексуальным притяжением*. К черту его.

— Ну, а ты? — спросил он. — Замужем?

— Нет, — если говорить о плотском смысле этого слова, я не врала, а ведь его волновало лишь это. Это не тот случай, когда наша встреча приведет к свиданиям в опере или Рождественским ужинам в кругу семьи.

Скрипучий голос донесся из его шлема.

— Какое тебе дело до гонок? Трахаешься с байкерами, которые нападают на тебя в темных переулках?

Мне не нравилось обвинение в его тоне, так что я не стала сдерживать себя.

— Нет уж! Это просто усложнение, которое объясняется моим выбором одежды, — я указала на мой шлем и кожаный костюм.

Его шлем был направлен на панель, и я заметила открытый кусочек загорелой кожи на затылке. Взглядом я проследила за точеной линией его шеи и небольшим участком волос, которые выглядывали из-под его шлема. Оттенок был смесью светло-каштанового и песочного цветов, а кончики были едва тронуты бронзовым. Я беззвучно потянулась пальцами к его волосам, но прежде, чем мне удалось коснуться их, визор на его шлеме уже был направлен на меня.

Любопытно.

Слегка наклоняясь в сторону, я увидел, что он вставил и вынул металлическую карточку из панели.

— Не знаю, что ты пытаешься сделать, но это здание оборудовано лучшей охранной системой.

Он может заблокировать лифт этой штуковиной? Чтобы нас не прервали? Или он пытается подняться наверх? Для этого ему бы понадобилась моя ключ-карта.

В животе зарождался глупый трепет. Он последовал за мной. Он точно делал что-то с

лифтом. Почему я оставалась к этому равнодушной?

Его бедра сместились, и кожа со скрипом обтянула его задницу, подчеркивая подтянутые ягодицы. Мне не стоило пялиться. Это было грубо, но в то же время завораживающе. Мне нравилось, как его штаны обтягивали его зад, воплощая в жизнь каждую мою фантазию. Он всего лишь стоял здесь, спиной ко мне, мускулистый и наглый, зная, что у меня есть пистолет.

Мне так нравилось смотреть на него, что я не могла отвести от него глаз. Пальцы начало покалывать.

— Ты пялишься на мой зад?

Боже, у него на затылке глаза?

— А на что еще мне смотреть?

Оставляя карточку в панели, он повернулся и оперся спиной о стену лифта. Расслабленный торс. Широкие плечи. Узкие бедра. Кожа штанов обтянула рельефную поверхность его члена, головка которого касалась его бедра.

Мозг кричал мне отвернуться, пока мое тело и расплавленное сердце таяли, превращаясь в лужицу. Он протянул руку и подцепил пальцем воротник моей куртки, привлекая мое внимание. Когда он прижался твердым и толстым членом к моему бедру, я почувствовала возбуждение в каждой точке моего тела.

У него были длинные ноги, но и я не промах. Он прикасался ко мне бедрами, сообщая мне об обоюдном желании, которое проявлялось нашим дыханием. В моем теле не осталось ни единой клеточки, которая бы не содрогнулась от трепетного желания.

Лифт не двигался, а становился все меньше. Стены сжимались вокруг меня и этого мистического и соблазнительного мужчины. Воздух покидал легкие горячими и ускоренными выдохами, когда его руки сжались на моей заднице.

Он невероятно близко прижал мое тело к своему и отвесил один тяжелый громкий шлепок по моей ягодице.

Его хватка не была ни нежной, ни робкой. Он удерживал меня возле своего тела, которое словно было вылитое из стали, будто я не могла воспротивиться тому, что должно было произойти далее. Удерживая одну руку на моей ягодице и бедре, другой он ухватил меня за затылок. Доминирование сочилось из каждого его движения, порождая жаркое покалывание в моем клиторе. Он чертовски эротичный. Уверенный. Безжалостный. Безупречный.

— Скажи мне, мисс Дукатти, — его голос зародил дрожь глубоко в моем теле. — Твоя киска такая же тугая, как я и представлял?

Глава 9.

Кэси

Я сжала его плечи пальцами, пытаюсь взять контроль над собой и над невыносимым желанием у меня между ног. Он хотел знать, насколько тугой была моя киска?

Будучи загнанной в ловушку его крепкими бедрами, пока он прижимался спиной к стене, стиснув мой затылок рукой, а другую удерживая на моей заднице, я не могла пошевелиться. Его стальная хватка перекрывала мне все пути к отступлению, но я и не хотела отступать.

Верх моего шлема касался его подбородка, пока кожа его штанов терлась о мою. Чувственное круговое движение его бедер и вращение моих превратило его пах в самую крупную выпуклость, которую я только видела. Флуоресцентный свет отбивался от его шлема, затемняя его визор. Я понятия не имела, кто находится под ним. Может быть, это была часть приманки. Соблазнительная тайна.

Я скользнула руками к его груди, ощутив на удивление мягкую и приятную кожу его куртки. На ощупь грудь напоминала мне кирпич, покрытый бархатом. Я пробежалась по его ребрам и мышцам живота — каждая словно высечена из камня, из-за него мои пальцы покалывало от перевозбуждения.

— Если ты собираешься трахнуть меня, — рука на моем затылке скользнула выше по волосам и жестко потянула. — Сними куртку. Так будет честно.

Так соблазнительно. На мне была лишь майка с лифом с пуш-ап эффектом. Я взглянула на панель, интересуясь, вызовет ли кто-нибудь лифт. Я надеялась, что нет.

— Лифт никуда не поедет.

Он что-то с ним сделал. Заметит ли охрана, что в системе что-то заклинило и спустятся ли искать причину?

— Как...?

— Пригласи меня наверх.

Он дернул молнией моей куртки вниз от горла к талии, и его бедра замерли.

От внезапной прохлады соски под тканью превратились в горошины. Изгибы моей груди отражались в его защитном экране.

Его сжал пальцы у меня на ребрах, а его глаза... Хорошо, что я не могла их видеть, потому что я, наверное, сгорела бы под их расплавляющим взглядом.

Начиная таять рядом с ним, я почувствовала, как горела моя рука, когда я потянулась к кнопке 88. Пригласить его наверх? А если он узнает Колина, узнает, что я замужем, как он отреагирует? Он поймет или использует это против меня? Или я могла бы написать Колину и попросить его исчезнуть, чтоб я могла провести Неуловимого в свою комнату?

Ха! Я коснулась его груди лбом шлема. Как за несколько минут из зрелой женщины я превратилась в безрассудного подростка?

— Я не могу.

Его руки заскользили от моих ребер к пистолету у меня за поясом. Я окаменела, дыхание застряло в горле, пока он не сунул пистолет мне в карман.

— Ты не пригласишь меня наверх. Не скажешь свое имя. Не снимешь шлем. Что ты прячешь?

— То же, что и ты.

— Сомневаюсь, — он провел кончиком пальца по линии моей талии, цепляясь за пуговицу спереди. Разочаровывающее ожидание. Но это самый лучший вид разочарования. — Кто ты?

О, я всего лишь исполнительный директор самого крупного медиа конгломерата в мире. Как думаешь, сгодится для первой страницы газет?

— Ты имеешь в виду, откуда у меня деньги?

— Естественно.

Я прижалась спиной к стене, и его руки на моей талии последовали за мной, прижимая меня бедрами к его ногам.

Потянулась к застежке его молнии и медленно потащила вниз.

— Я заманиваю неисправимых мужчин в лифты и трахаю их до потери пульса, чтоб после я могла украсть их одежду и продать на Ебау.

— И все? — несмотря на искаженное дрожание электроникой, его голос превратился в гортанную вибрацию.

— Ммм... Сколько на аукционе дадут за эту куртку? — я спускала молнию ниже и ниже... Боже, на нем не было рубашки, не было волос на груди, и я все равно спускалась ниже. Я добралась до его пояса и распахнула куртку, открывая длинный голый торс. Такой твёрдый и гладкий... Господи, как я жила раньше, не прикасаясь к ней и не вдыхая ее запах?

— На рукаве может быть пятно от крови, — он поднял руку. Конечно же, засохшее пятно темнелось на манжете.

— Это увеличит цену, не так ли?

Напоминание о том, что его ранили, калечили и часто пытались убить во время гонок. *Это* был именно тот мужчина, с которым я состязалась на прошлой неделе. Но в этом сексуальном, как сам дьявол, теле был заключен соблазн. Я не могла уйти, но и не могла сопротивляться. Он был единственным, кто возбуждал меня и пугал меня до смерти в одно и то же время. Единственный, от которого мой пульс ускорялся настолько, что я чувствовала себя одурманенной.

— Это *твоя* кровь?

— Драго Каррэры.

Итальянский гонщик, которого он сегодня одолел. Я проследовала пальцами от его ребер к спине. Прагматическая часть меня искала пистолет или армейский нож, но та часть, присутствие которой во мне заполняло меня влагой между ног, наслаждалась каждой его мышцей на ощупь.

— Ты прячешь оружие?

Он сжал мою руку, дернул на себя и с силой прижал меня к противоположной стене. Господи, он сжал моей и своей рукой свой член.

— Прячу?

У меня не было слов. Нет, я находилась в тумане похоти. Он оставил в покое пуговицу на моих штанах, проследовал пальцами вверх по ребрам, и прежде, чем я поняла его намерение, он разорвал мою майку от груди до талии.

Грудь вырвалась на свободу, соски затвердели под «взглядом» его визора. И после его руки были везде — бешеная ласка кожи к коже, жар и желание. Он сжимал и гладил мою грудь, исследуя каждый изгиб, терся членом о мою ладонь, пока воздух резкими выдохами покидал его легкие.

Каждое прикосновение, каждый толчок его бедер пробуждал во мне еще больше голода. Мой разум завлакивало дурманом. Я терялась в потребности его тела.

Кончики его пальцев оставляли на мне ожоги, и температура в лифте поднялась от высокой до атомной. Я бы не хотела, чтоб этот момент заканчивался. Как далеко мы могли зайти? У меня не было с собой презервативов, и я сомневалась, что он брал их с собой на гонку.

Но это не остановило мой мозг от скачки в желаемом направлении.

— Ты ничем не болен?

— Раздумываем, чем это может закончиться, да?

Я провела рукой по его выпуклости, впиваясь пальцами в невероятно крепкие яйца.

— Прямо сейчас у меня в руках настоящее доказательство, Неуловимый.

Его руки сомкнулись у меня на шее, и он скользнул большими пальцами по моим порезам. Он держал меня так, будто хотел поцеловать. Так, будто этот поцелуй мог бы длиться часы, сопровождаемый непрерывной дрожью.

Поцелуй, который открыл бы его глаза. Они были серыми или зелеными? Темно синими или как у меня? Что более важно, так это открыл бы он свое лицо? Мужчина, который рискнул своей задницей, чтобы спасти мою. Я сглотнула под его пальцами в отчаянной жажде поцелуя.

— Хочу поблагодарить тебя за помощь в аллее.

Я потянулась к ремешку шлема у него под подбородком. Он перехватил руку, и зажал между нашими телами, пока его вторая рука все еще сжимала мою шею.

— Можешь поблагодарить, пригласив меня наверх.

Мог ли он почувствовать пульс на моем горле? Я чувствовала его везде. Он грохотал в моих артериях и отдавался болью в клиторе. Да помогут мне небеса, я так хотела трахнуть этот электронный голос. Я помотала головой.

Его тело напряглось, а тон снизился еще на октаву.

— Наверху кто-то ждет?

Колин наверняка уже был по яйца в заднице Сэта. И явно не ждал.

— Нет.

Он расслабился.

— Хорошо, — его палец ласкал выемку у меня на шее. — У нас обоих есть секреты. Пригласи меня наверх. Мы не будем включать свет. Черт, мы можем даже не снимать шлемы.

Этот мужчина... в моей постели... в темноте? Я бы позволила ему завязать мне глаза, если бы он только снял свой шлем. Моими глазами были бы мои руки. Они бы изучали его лицо, его рот, каждый манящий кусочек его точеного тела. Я распластала руки на его груди, скользя пальцами вверх к его ключицам.

Он расправил плечи под моими прикосновениями, кожа на его мышцах была такой горячей. Столько силы в его кистях, его скульптурно исполненной груди и сильных руках. Все это я видела на фото, но оно было скрыто под кожаной одеждой.

Этому мужчине женщины не говорили «нет». То, как он подавал себя, то, как он дрался. Тело воина. Он знал, как манипулировать крутящим моментом и своим членом. Он знал, что мог справиться с ними обоими, его инстинкты убийцы и быстрые рефлексy, его гибкий силуэт и угроза, когда он садился на свой байк — все сейчас твердой выпуклостью упиралось в меня. Неуловимый знал, как получить то, чего хотел.

— Давай поднимемся, — молниеносным движением он отстегнул ремешок у меня под подбородком.

Черт. Я хлопнула рукой по верху своего шлема, чтобы оставить его на мне.

— Конечно, мистер Безрассудство. Считаю я уже дала тебе код от системы безопасности своей квартиры, чтобы ты забрался туда и наблюдал, как я сплю. Звучит очень безопасно.

Его рука сместилась вниз по моему горлу, миновала солнечное сплетение, и сжала грудь.

— А ты не будешь спать!

Он ущипнул мой сосок достаточно сильно, чтобы у меня заслезились глаза, а бедра задрожали.

— Думаешь, здесь безопасней чем в твоём лофте?

— Нет. Поэтому такие инновации как тупые камеры — простая трата денег, — придерживая шлем руками, я указала на потолок.

— Значит, мы сделаем это здесь.

— Это? — то есть, я знала, что он подразумевал под «это». Я представляла это месяцами, но лифт явно не был местом для плотских утех.

— Это.

Он сместился в сторону, блокируя любые мои движения и становясь так, что его сапоги находились по обе стороны от моих.

Визг, вырвавшийся из моего горла, превратился в глубокий стон, когда он принялся водить вокруг пирсинга в моем клиторе, который торчал через ткань штанов.

Я толкнулась бедрами на его руку, и мое тело подожгли миллиарды электрических зарядов.

Я хотела этого. До боли отчаянно хотела его. Его могущественные плечи, широкую грудь, ускоренные вдохи, агрессивные движения его бедер, бронзовый оттенок его волос. Тайный гонщик, полный неожиданностей и секретов, теперь стоял передо мной во всей красе. Я могла справиться с этим просто сейчас. Только...

— Камеры.

— Они оффлайн.

— Это... — я помотала головой. Мозг вращался от невозможности происходящего. Он врал? Кто мог бы войти в Башню Трампа и выключить систему безопасности?

Это было слишком. Он словно супер-хакер, которых правительство вербовало ради своих целей. Сейчас я знала лишь, что в его шлеме была сверхновая технология. Это означало, что он работал не один, хоть и добавляло сексуальности его неисправимой заднице.

— Ты разговаривал с кем-то на парковке? О камерах? — я предполагала, что на улице стоял фургон с командой и кучкой ботанов с аппаратурой на головах и в очках с утолщенной оправой, которые чертовски хорошо разбирались в киберпреступлениях. — Кто это был?

— Откуда у тебя доступ к гоночной сети?

Мое горло сжалось. Дерьмо, я не ожидала этого вопроса. Будучи исполнительным директором в «Тренчент», я знала слишком много о гонках. Я могла рассказать о деталях, ставках, времени гонок, обо всем, и вывести весь синдикат на чистую воду. Сколько людей попробуют убить меня до того, как я сделаю это? Откуда мне было знать, что среди людей, работающих на меня, не было членов синдиката? Наблюдатели. Покровители.

Если Неуловимый раскроет, кто я такая, сбежит ли он от меня в свою подземную сеть? Насколько он преданный?

Боже, я звучала, как помешанная на теории заговора идиотка, но лучше уж быть параноиком, чем покойником.

Вообще-то, просто сейчас я могла бы кончить потому, что его пальцы потирали мой клитор с такой умелой ловкостью, что лишали меня способности думать.

— Мне, пожалуй, не стоит говорить тебе этого, но я — твой следующий соперник. Гонщик, которого ты еще не победил. Испугался?

Смешок завибрировал в его груди, а вибрирующий сигнал добавил ему оттенка опасности.

— Нет никого, кого бы я не победил. Но если ты будешь участвовать без одежды, пожалуй, у тебя может быть шанс.

Я беззвучно выдохнула, мысленно благодаря его за то, что он не стал докапываться до правды. Ему, похоже, и правда нравилось наличие у меня секретов. Пальцы скользнули под мою ладонь на шлеме.

— Скажи, что твое лицо настолько опьяняюще красивое, как и твое тело.

Он обхватил мою челюсть руками, пробравшись большими пальцы внутрь и коснувшись моих губ.

— Сколько тебе... двадцать пять?

Не в силах ответить, я подняла плечи, удерживая шлем. Восторг и согревал, и беспокоил одновременно. Двадцать пять мне исполнилось двенадцать лет назад, но сейчас мне не очень хотелось, чтоб он знал мой возраст.

— Полные губы, — промурлыкал он, толкнувшись пальцем сквозь них, коснувшись зубов и скользнув на язык. Это был доминирующий собственнический жест, но никакой угрозы. Ему так чертовски это шло.

Это было так эротично.

Как и скрип его кожи.

Я не понимала, что удерживала свой шлем, но, боже, я чувствовала себя так... правильно. Со сколькими мужчинами я была за последние двадцать лет? Со слишком многими. Но никто не прикасался ко мне, никто не возбуждал меня, и никто не имел надо мной такого контроля.

И он делал это лишь давлением своего большого пальца на мой язык. Солонуватый привкус его кожи с запахом кожаных перчаток, которые он только что снял. Он двигал им внутрь и назад из моего рта, подражая движению бедер.

Я сосала его палец, обворачивая его языком и дразнила сладкими стонами из глубины груди. Желание разрасталось в животе, ползло к позвоночнику, завязывалось в узел, опускалось ниже и ниже, пока моя киска не начала пульсировать краткими импульсами.

С этой секунды мне стало насрать, врал ли он по поводу камер. Меня волновали лишь его пальцы и то, куда он двинется ими дальше.

— Е*анный ад, этот рот, — он переместил руки, сжимая их на моем затылке.

— Что ты собираешься со мной сделать?

Я проследила за V-образным спуском мышц к его паху.

— Нечто, что даже в сравнение не идет к тому, что хочу на самом деле.

Неуловимый не остановил мои пальцы на пуговице его штанов, не остановил мою хватку на его ширинке. Его пальцы были заняты тем же, сдергивая штаны с моих бедер, чтобы обнаружить еще один клочок ткани.

В спешке он шлепнул меня по руке на его ширинке и продолжил возиться с моими леггинсами, кожа которых неохотно сползала с моих бедер. Казалось, он сдался в попытке снять их, и его пальцы просто скользнули под кожаную ткань, а благодаря отсутствию нижнего белья, прямо к клитору и стальному колечку в нем.

— Бл*дь, ты серьезно? — его искаженный стон проник в мою грудь, пока он работал пальцами. — Думал, ты Степфордская женушка, которая раз за разом выскальзывает из скучной постели мужа. Но это? — он ущипнул меня за пирсинг, пока настойчиво описывал круги возле клитора. — Ты не из богатеньких девочек, которые сидят дома и пекут печенье?

Я подавила порыв скривиться.

— Ого, точно нет, — что-то в том, что он сказал, больно проехалось по моему самолюбию. — Ты — последний придурок, если подумал об этом.

Он прыснул со смеху, и комплекс усиленных вибрированием звуков прошелся через мое тело. Ноги превратились в резину. Я провозилась с его ширинкой, схватив его эрекцию, и заставив его дернуть бедрами в мою сторону.

Он оперся рукой о стену, а шлем наклонился ко мне, стукнувшись об мой. Мы оба стонали от отчаяния.

Я нырнула рукой в его штаны, коснувшись волос тыльной стороной ладони. Я закрыла глаза и вдохнула через нос.

Без белья. Конечно, он был без белья.

— Так и не снимешь шлем?

Я опустила молнию до предела, глотая свой следующий вдох, когда его длина уперлась в мою руку.

— Бл*дь. — Он наклонился ближе, загоня меня в ловушку и скользя пальцами в меня. — Ты первая.

Его прикосновение ураганом пронеслось по моим складкам. Сначала это были медленные движения пальцев по внутренним стенкам. После он ускорил свои движения, превращая их в свирепые толчки его пальцев в мою плоть. Упорно, интенсивно, почти с яростью.

Я так глубоко почувствовала его пальцы в себе. Волны удовольствия накатывали на меня одна за одной, дикость от этого просачивалась через его кожу и дыхание. Порочность толчков его пальцев прижимала меня к стене, пробуждая высвобождение. Его исполинская фигура возвышалась надо мной, а упорная сила все быстрее приближала мое высвобождение, потом снова удерживала, начиная сначала. Мое возбуждение текло по его руке и по моим бедрам. Спина выгибалась дугой, и я закрыла глаза, фокусируясь лишь на том, чтобы не рухнуть на пол. Его пальцы подвели меня к краю забытья снова и снова, рисуя в воображении картинку меня на коленях с его пальцами на моем горле, пока его бедра держат меня в ловушке и под контролем.

Мурашки поползли по моей груди, и от скорости, с которой кровь неслась по венам, зарождался трепет, закипая внутри меня. Был ли это страх? Голод? Или столкновение и того, и другого?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ответ был там, когда я подняла глаза. Я чувствовала, как он скользит по моему телу. Все сто восемьдесят два сантиметра и невероятная длина — воплощение темной тайны и сексуальной уверенности. Страсть, пламя, что-то *большее*, для чего я сделала бы все.

Он убрал руку от моих штанов, и я рухнула на колени, упираясь взглядом в его эрекцию. Его длинный и массивный член была таким же невероятным, как и опасным. Широкая головка с обрезанной кожей манила меня ближе, провоцируя обильное выделение слюны. Я поместила руку на визоре шлема, и пошло все на хер, но я была готова стащить его с себя.

Если я нагну голову вниз и распушу волосы, увидит ли он мое лицо? Если бы он увидел меня, может, он бы меня узнал. Мы с Колином известны, и, если только Неуловимый не следил за политическими новостями, он не догадается, кто я такая. Это было рискованно, с учетом моего подписанного договора о неразглашении. Он мог шантажировать меня или слить нашу интрижку прессе или моим родителям. Сделает ли он это?

Его пальцы сомкнулись под моим подбородком. Если я вскоре не сниму шлем, он, вероятно, сделает это за меня.

Он использовал свою хватку, чтоб удержать меня в миллиметре от своего члена.

— Ты собираешься пилить на него или сосать?

Я придержала шлем.

— Не знаю.

Я прекрасно знала ответ на этот вопрос, но не могла придумать как это сделать.

— Я... Мне нужно защищать свою карьеру.

— Карьеру, значит? Продажа краденой одежды на аукционе — это еще не все? — его голова дернулась в сторону металлической карты в панели, и в следующий миг каждая кнопка на ней засветилась.

Кровь отхлынула от лица.

— Как ты... — о, Боже... У него был доступ к каждому этажу. — Вот так ты попал на парковку?

— Мне повезло. Проскользнул за каким-то «Бентли».

Да, но от этого мне безопасней не становилось. Я начала пониматься с колен, но он опустил свою руку на мою, оставляя меня на месте. Мое сердце грохотало в груди.

— Что ты собираешься делать?

Длинным пальцем он коснулся подбородка своего шлема так быстро, что я подумала, мне показалось.

— Да.

— Да? Это не ответ. С кем ты разговариваешь, мать твою?

Его теплая рука сжала мою, и Неуловимый нажал на шлем, прижав меня к стене.

— Хочешь обернуть свой язычок вокруг моего члена?

Тяжелый массивный член между нами коснулся моей голой шеи, вырывая из легких весь воздух.

— Да.

— Хочешь, чтобы я не увидел твое лицо?

— Да.

Он посмотрел на панель, а его руки удерживали любое движение шлема на мне. Я уперлась коленями в пол, и мои нервы находились на границе между возбуждением и беспокойством. Казалось, он чего-то ждал, и с каждой секундой беспокойство во мне побеждало.

— Чего мы...

Свет над нашими головами потух, как и кнопки на панели. Мы остались в черной дыре, в которую превратился лифт. Я моргнула от шока, который сковал мои конечности, прерывисто дыша в крошечной темноте.

— Это решает нашу проблему? — его голос пронесся эхом по моему телу, будоража во мне каждую клетку.

— Да.

— Да. Ответ на все жизненные вопросы.

Несмотря на мою хватку, он сорвал с меня шлем и бросил его мне на колени.

Прохладный воздух покалывал щеки, когда я дернула подбородком вниз, втягивая голову в плечи.

Он не смог бы увидеть меня в такой тьме, как и я не могла бы увидеть его, но Боже праведный, я могла почувствовать его запах. Кожа, слабый аромат мыла и естественный запах его собственной кожи, который манил меня к его члену.

Все еще держа голову вниз, схватила его задницу пальцами и потёрлась щекой об его

член. Пульсирующий жар собрался у меня между ног, пока щекой и губами я изучала сталь его эрекции под теплой бархатистой кожей.

Его ладони с хлопком опустились на стальную поверхность стены надо мной, его длина стала больше и горячее возле моего рта. Облизывая его с безмерным желанием, я обвернула язык вокруг головки, размазывая соленую каплю предсемени по своим губам.

Он застонал, низко и гортанно, а его ноги задрожали под моей хваткой.

— Посмотри на меня.

Откуда он знал, куда я смотрела? И какая ему была разница? Чтобы он снова мог включить свет в лифте? Или сам мог посветить?

Черт! Разве не фонарик он сунул себе в карман на парковке?

Опусти голову. Не смотри вверх.

Я сжала пальцами его длину и взяла его в рот. После нескольких дразнящих посасываний, покусываний и ласки его тяжелых яиц, я впилась ногтями в его мошонку.

Он вскрикнул, но это был грубый звук возбуждения, который превратился в стон, когда я до основания взяла его член в рот. Когда он коснулся задней стенки моего горла, я сжала в кулак левую руку, до боли загибая большой палец. Трюк, способный подавить рвотный рефлекс. Когда в последний раз я делала это без презерватива? Мне было плевать. Черт, я хотела пройтись языком по каждому миллиметру его твёрдой плоти. Я работала головой вперед и назад, врезаясь его членом в свое горло.

По его телу пробежала дрожь, а мышцы его задницы расслабились под моими пальцами. Я, бл*дь, любила это, любила то, что могла повлиять на него таким же образом, как и он влиял на меня.

Господи, его член был таким массивным, что его толщина перекрывала мне воздух, заставляя глаза слезиться. Горло пыталось сжаться, но я напрягала кулак, немного расслабляясь и ловя воздух ртом.

Меня окружали звуки его резких, неровных вдохов. Я сосала сильнее, быстрее, позволяя слюне стекать, чтоб я могла размазать ее по его стволу кулаком, крепко сжимая его плоть и щелкая языком по головке.

— Будь ты проклята... Я не могу... Бл*дь!!! — его слова превратились в неразборчивую ругань, неслышную из-за моего дыхания.

Он схватил меня за волосы, скользнул рукой к кожаной резинке, намотав косу на свое запястье. Волосы начали неметь на корнях, а когда он отпустил косу, ухватился руками за голову.

Двигая бедрами, Неуловимый раскачивал свои движения. Я возобновила свои попытки, с силой прижимая его член к нёбу и высасывая из него его желание, подводя ближе и ближе к концу, но не позволяя ему кончить. Не сейчас...

Он дернул мою голову назад за косу. Член выскользнул изо рта, и я уставилась во тьму надо мной.

Его дыхание затихло. Тело окаменело.

Тишина оглушала.

В моем теле царил страх. Я не могла объяснить этого, но что-то было не так.

Он отпустил мою косу, в спешке с болью разматывая ее со своего запястья.

— Надень шлем.

Его едкий тон уколол меня в самое сердце.

— Что не так? Что случилось?

Звук его ширинки разослал боль практически по всему моему телу. В горле появился комок, когда я поспешила надеть шлем и встала на ноги, поправив штаны. Я сделала что-то, что вывело его из себя? Может, он услышал кого-то с той стороны двери?

Пока я прокручивала в голове последние несколько секунд, над нами загорелся свет и дверь открылась.

На парковке никого не было. Он достал металлическую карточку из панели с таким рывком, будто бы это помогло ему побыстрее убраться из лифта.

Ни объяснения или прощания. Нет даже взгляда через плечо или напутственного «пошла ты».

Я застегнула куртку. Подбородок дрожал от шока и отказа. Может, я не была готова столкнуться с эмоциями, которые обжигали мои щеки, но все же потянулась к кнопке, чтобы задержать дверь.

Это был тот момент, когда я увидела, что горела лишь одна кнопка.

88.

Моя квартира.

Мое лицо обдало огнем, а кулаки сжались. Все это время у него был доступ к моему лофту? Не только знал, где я живу, но у него, бл*дь, был даже ключ.

Мое сердце остановилось, воздух душил. Если он знал, где я живу, была ли вероятность того, что он так же знал, кто я?

Я сделала лишь одну вещь, которую могла. Я побежала за ним.

Глава 10.

Логан

Если бы Бенни вмонтировала рентгеновский визор в мой шлем, как я и просил, я бы уже в аллее узнал, что передо мной была Кэси Бэскел. Я бы не поехал за ней, и мне бы не понадобилось прибегать к активации режима ночного видения *после* того, как мой член побывал на ее языке. Бл*дь!

Злость подпитывала мои шаги, а кулаки горели от желания разбить что-нибудь. О чем, мать вашу, я вообще думал? Я был грубым, беспечным, а теперь... Зубы скрипели. Я был чертовки тверд. Мой член пульсировал в своей кожаной ловушке, болел от жажды наказывать ее лживый рот, пока она не подавится, вколачиваться в ее зад, пока она не сможет ходить.

Ты теряешь контроль, придурок. Соберись, щенок!

— Включить микрофон, — моя тихая команда оживила сотовое соединение с Бенни. Это было гораздо удобнее, чем каждый раз нажимать кнопку на нижней стенке шлема.

— Нужно обновление.

— Для начала, — прорычала она в динамик. — Я не закончила конфигурацию настроек первичного ключа (прим. перев. — первичный ключ — тот, который подходит ко всем замкам, включая и панель в лифте), когда ты вытащил его из панели.

Мои кулаки сжались. Да, я понял свою ошибку, как только вытащил его, и кнопка с номером «88» осталась единственной, которая светилась. Бенни предупреждала меня об этом, поскольку устройство считывало информацию с ближайшего к нему ключа, но я не мог думать трезво. До сих пор не могу.

От напряжения болело лицо, стягивая кожу на челюсти. Черт возьми, я не хотел, чтобы мисс Дукатти знала, что у меня был доступ к ее жилью, по крайней мере, пока я не узнаю, кто она такая, и тем более не сейчас, когда я знаю, что она — Кэси Бэскел. Я так не хотел знать, *почему именно я собирался нарушить закон.*

— Что еще?

— Система защиты Трампа только что обнаружила мой взлом по засекреченному пути, — простонала она. — Дерьмо, камеры снова работают.

Черт. Бенни была сильна в криптографии (прим. перев. — методы шифрования информации с целью невозможности их прочтения), но даже лучших хакеров можно переплюнуть. Она была лишь человеком, работала в одиночку, так что полагалась на технологии, которые уже были придуманы, взламывая и имитируя их.

Как поддельные документы или фальшивый номерной знак. Казино используют такое дерьмо годами. Она всего лишь одолжила идею. Точно так же, как и одолжила коды РЧИД ключ-карты Кэси Бэскел.

Твою ж мать, во всем этом был смысл. Причина, по которой она не хотела показывать свое лицо, называть мне свое имя или приглашать меня наверх. Слава богу, я выключал звук динамиков Бенни в лифте. Она не могла слышать или видеть, как близок я был к тому, чтобы отыметь Кэси.

Я зашагал большими шагами, застегивая куртку и вытаскивая фонарик из кармана.

— Логан, ты вот-вот появишься на...

— Я, бл*дь, знаю, где находятся эти е*анные камеры!

Я направил фонарик на камеру на потолке, линза которой отразила яркий свет. Мощный луч света засветит сенсор камеры, пока я не пройду. Шлем скрывал мое лицо, но мою одежду можно было узнать. Мне не нужен был видеоролик о том, что Неуловимый прогулялся по зданию Башни Трампа. И теперь, когда я знал, кто здесь жил, я тем более не хотел, чтобы Неуловимого ассоциировали с «Тренцент».

Желудок скрутило в болезненный узел. Она больше не была загадочной мисс Дукатти, которую я видел на каждой гонке. Она была одной из них. Исполнительным директором. Дочерью убийц. *Женой* моего врага.

Яд тек в моем теле вместо крови. Он закипал, а легкие пытались втянуть больше воздуха. Ничего подобного я прежде не чувствовал. Это был всепоглощающий порыв эмоций, но его невозможно было отрицать. Он был грешен и чертовски жесток, пока нападал на меня.

Она позволила мне сунуть свои пальцы в ее киску, а мой гребаный член в ее рот, принадлежа другому мужчине. Я чувствовал, как пот стекает под курткой, увлажняя руки.

Не просто мужчине.

Колин Андерсон — сын могущественной семьи. Означало ли это, что он был таким же подлым, как и его родители? Как он мог быть не связанным с их продажностью?

У меня не было доказательств его вины или его невиновности, что злило меня так же сильно, как и тот факт, что ночью он скользнет к ней в кровать, пока она все еще будет возбуждена другим мужчиной.

Мной.

— Серьезно, Логан, — пробурчала Бенни. — О чем ты думал?

— Отвали, — выплюнул я, перемещая луч фонарика на следующую камеру. Голова все еще была в тумане, а челюсть — сжата. Все, что я мог видеть, — это густая коса белокурых

волос, яркие глаза и неземное лицо. Лицо, которое угрожало поставить меня на колени прямо в лифте. Мне не нужно было смотреть на фото, которое появилось на сенсоре моего визора, не нужно было читать ее имя в программе распознавания лиц.

В момент, когда, благодаря системе ночного видения, я увидел очертания ее скул, мягкую линию носа, сердцевидную форму губ, я знал. Я знал каждую грациозную линию и изгибы, которые обрамляли черты ее лица и больших разрушающих глаз. Глаз, которые горели изумрудным огнем из-за инфракрасного визора, но при нормальном свете они были ярко-синими, как элегантные сапфиры. На протяжении восьми лет я отслеживал все ее публичные появления, наблюдал за ее синими глазами годами, видел, как они темнели от секретов и грустили от лжи. Ее волосы всегда были зачесаны назад вычурными завитками на голове, а изгибы ее тела были спрятаны под дорогими костюмами с высокими воротниками. Пример сексуального неприкосновенного богатства.

Фото, которые я рассматривал онлайн, не шли ни в какое сравнение с тем, что я видел в лифте. Даже с ее руками на моей заднице и губами на моем члене, в ней было все то королевское обаяние, которое никогда не удастся передать на страницах газет или на экранах ТВ. Когда она уставилась на меня снизу, ее коса превратилась в соблазняющий растрёпанный беспорядок, а естественная красота заставила меня потерять дар речи.

Головная боль ослепляла. Я прошел мимо еще одной камеры и повернул фонарик под углом, когда голос Бенни снова прозвучал из динамика.

— Скажи мне, что не сунул свой член в...

— *Мой член — мое гребаное дело!!!*

Злоба в моем голосе прорезала пространство в гараже, но я не собирался терпеть ее гребаный вынос мозга или уколы правды.

Я не был готов сожалеть об абсолютном блаженстве, имя которому было Кэси Бэскел. Ее острый ум, тяжелый вес ее сисек, тугость ее киски — все составляющие ее соблазнения, которые заставляли меня потребовать приглашения в ее постель. Я бы трахал ее, сняв свой шлем, сомкнув свой рот на ее губах, погрузив свой член глубоко в нее, переплетясь с ней в темноте.

Зная ее связи, это было глупой идеей, но я все еще до боли хотел трахнуть ее. И вот об этом я бы пожалел. Я бы никогда не смог забыть, кем она была.

Мой пульс зашкаливал, а уши горели, когда я услышал, как белокурый источник моего гнева громко зашагал по бетонному полу гаража в трех метрах позади меня. Мне нужно было воздвигнуть гребаные стены, чтобы отдалиться от нее к тому времени, как она достигнет меня и вытянет на поверхность все дерьмо прежде, чем я уберусь отсюда.

Удерживая луч фонарика на последней камере, я встал между байками и вытащил из кармана устройство слежения размером с пуговицу. Такое же, какое я прицепил на ее шлем в парке. И то же самое, что я отцепил от ее шлема, когда она сняла его в лифте. Я не хотел потерять ее, когда мы убирались из парка, и не хочу потерять теперь, хоть причины и поменялись.

Перемещаясь так, чтобы она не смогла увидеть моих рук, я прицепил устройство на Дукагги между стеклом и панелью. И убрал руку за спину как раз в тот момент, когда она прошла мимо меня.

Она резко остановилась с другой стороны своего байка и наклонилась вперед, скорее всего проверяя, не испортил ли я его случаем. Кожа на ней натянулась, молния была застегнута, но я знал, что было под ней. Порванный спортивный топ. Затвердевшие соски.

Влажные трусики. Бл*дь.

Ее визор поравнялся с моим, и под ним явно был взгляд такой же строгий, как и ее поза.

— Что ты только что сделал?

Что-то, что стоило сделать несколько лет назад.

Я никогда не думал следить за ней, всегда был сосредоточен на ее родителях. Она была вторым пунктом моего плана. Частью, в которой я войду в «Тренчент Медиа», заставлю их нанять меня и назвать новым преемником генерального директора. Все для того, чтоб пересмотреть ее деятельность, так же, как и другие грязные связи в «Тренчент Медиа».

Мне было насрать на работу, но доступ высшего уровня облегчит задачу в соединении всех концов. До этого я не знал, входила ли Кэси в мои планы по уничтожению «Тренчент». Не то, чтобы я специально намеревался уничтожить ее, но я не мог отделить ее от всех них.

Держа фонарик в одной руке, я оседлал мотоцикл.

Она передвинулась к моей стороне, сжав кулаки на бедрах. Шлем дернулся вверх по направлению луча фонарика.

— Что ты этим делаешь?

— Игнорируй ее, — рявкнула Бенни.

Удерживая фонарик, я сунул ключ в зажигание, пытаясь не заговорить с ней, но губы все равно не подчинились.

— Свет ослепляет камеры.

— Хорошо, — Кэси расслабила руки и кивнула. — Это хорошо.

Да, мне бы не хотелось, чтобы ее муж выяснил, что она — лживая шлюха. Я завел байк, и между нами раздался рев двигателя.

— Подожди, — она протянула руку ладонью вверх. — Мне нужна эта металлическая хреновина.

— Пора ехать, Логан, — нетерпеливо произнесла Бенни. — Охрана спустится проверить лифт в любую минуту.

Я не ответил. Не хотел, чтоб Кэси *снова* спросила, с кем я говорил.

— Я не знаю, что там произошло, — Кэси слегка отодвинула руку от моей груди. — Или почему ты сбежал, но ты не можешь иметь доступ в мой лофт, — она взмахнула рукой передо мной: — Что бы это ни было, отдай мне.

Этой *хреновиной* был РЧИД ридер, и на расстоянии трех метров он считывал всю информацию на ее карте и передавал Бенни. Коды, которые Бенни хакнула, чтобы получить доступ к управлению лифта. Эта бешеная женщина выжила из ума, если думала, что могла требовать что-то от меня.

— Нет.

Я поднял подножку и слегка откатил байк назад.

Она сделала шаг ко мне, протянув руку и ухватив меня за бицепс.

— Почему?

Ее голос был мягким, пожалуй, слишком мягким, чтобы я мог услышать его из-за рева байка, но я приложил все усилия, чтобы расслышать ее слова.

— Логан, — крикнула Бенни. — Стукни сучку и вали нахрен оттуда!

Я стиснул зубы и остановил байк. Я забыл, что Бенни могла слышать наш разговор.

Удерживая фонарик одной рукой, я потянулся к кнопке на шлеме и вырубил связь. После я обратился к Кэси.

— Я ни хера не собираюсь тебе давать.

Ее хватка сжалась на моей руке.

— Я имела в виду, почему ты ведешь себя так? Что я сделала?

Серьезно? Я сжал кулак на рукоятке. Ей стоит задать этот вопрос своему мужу.

Конечно, она не знала, что я знал о ее замужестве. Черт, может, ей было плевать.

Преданность — не то качество, которое течет в крови этой семьи. Она выровняла спину, становясь выше возле меня. Ее шлем опустился вниз, густая коса спадала на грудь, дразня меня.

Мне нужно было заткнуть ее и просто ударить, что заставило бы ее забыть о Неуловимом.

— Плохо работаешь с головкой.

Она отдернула руку и сжала ее у себя на животе.

— Вранье!

Господи, боль в ее голосе сжала мою грудь. Мне стоило сказать ей, чтобы она оте*алась и убедить ее этим, что я отъявленный ублюдок.

Которым я и был. Потому что ее рот почти уничтожил ее. Она не только знала, как правильно отсосать, она, бл*дь, завладела моим членом.

И она знала это.

Вот чего она *не* знала на протяжении того темного горячего момента в лифте, так это того, что я видел ее лицо. Я знал, кто она, кто ее семья, и все их маленькие грязные секреты.

Без предупреждения, ее рука дернулась вперед, и она схватила мои яйца, нажимая на упругий член в качестве доказательства.

— Вот — правда, Неуловимый.

Грустное отчаяние в ее тоне смешалось со злостью в ее пальцах.

— Убери свою гребаную руку.

Сожми меня. Дерни сильнее.

Она усилила хватку, посылая прилив жара в мой член. Она держала меня за яйца, и хоть это был явный момент безумия, я любил его.

Я ненавидел ее за это. За то, что она заставляла меня хотеть ее, отчего во мне воспламенялось желание унижить ее, назвать шлюхой, сказать ей, что я знал, что она была неверной женой. Она заслужила все, до последней капли ярости от каждой обжигающей мысли, от каждого момента запрещенного удовольствия, которое она пробуждала.

Но, по ее мнению, Неуловимый не знал, кем она была, и это так и останется. Я не хотел, чтобы сейчас она спрашивала, как я это узнал, или что-то о технологии, которую я использовал. Мне нужно было, чтобы она забыла все о Неуловимом.

Я схватил ее запястье и оттолкнул назад.

— Охрана уже спускается.

Когда она обернулась на пустой гараж, я откатился назад, выжал газ, и рванул на максимум.

Помчавшись вперед, я вылетел вверх по склону, чувствуя, как рев от байка смешивался с моей яростью.

В зеркало заднего вида я увидел, как она притопнула ногой на месте, отчего ее грудь подпрыгнула под курткой, а кулаки прижались к бедрам. После она подняла одну руку, и показала мне средний палец.

Нахер ее злость. Она не имела права злиться. Я ударил кулаком по панели.

Гребаная шлюха.

Двое охранников подняли головы, когда я завернул за угол. Я направил фонарик в их сторону, что само по себе было абсурдом. Они увидели меня. По крайней мере, им не удастся заснять меня на камеру.

Дверь гаража поднялась из-за РЧИД ридера, с которым я приближался. Я проскользнул под ней и вынырнул в поток траффика, чувствуя, как отвратительный укол сожаления разрывает меня изнутри. Руки тряслись. Пульс стучал, как бешеный.

От воспоминания ее тела под кожаной курткой.

От осознания того, что я прикасался к жене другого мужчины. Я поерзал на сидении, пытаясь унять дискомфорт между ног.

Скоро мы встретимся снова. Я бы сказал, очень скоро. Но это будет не так, как было сегодня. В следующий раз не будет никаких шлемов, но она так и не узнает меня. Она даже не узнает мой голос.

На самом деле, я понятия не имел, как пройдет наша следующая встреча. Я собрал достаточно улик против ее семьи. И, возможно, у меня было достаточно денег, чтобы бороться с командой их заумных адвокатов и посадить их за решетку.

Только они не заслуживали законного правосудия.

Но что делать с ней? Какая ее роль в этом?

Ее доступ к гоночной системе стал необычайно тревожным сюрпризом. Что она от этого получала? Она знала, кто я такой, и как был связан с ней?

Невозможно. Очень мало людей знали о том, что у Мауры Флинт был сын. Этого не знал даже Трент Андерсон. Но он узнает.

Через пять дней мы встретимся впервые в жизни.

Он ожидает встречи с Логаном Смитом — кандидатом на должность вице-президента с подделанным резюме.

Но он получит Логана Флинта — призрака из его прошлого, с полным мешком компромата на его семью.

Глава 11.

Логан

Бездушное.

— Не то, чтобы здание было способно вызвать глубокое чувство, но все в этом месте — от холодного мрамора и вычурных светильников на потолке до тканевых подушек под моей задницей, было создано, чтобы впечатлять, но терпело крах.

Современный дизайн роскоши замораживал воздух, а строгие и безжизненные работники сновали по коридорам, словно куклы. Весь этаж исполнительных директоров, казалось, ожидал моего следующего вдоха, и это высасывало из меня всю влагу, все запахи и все проклятое волнение.

Даже симпатичная ассистентка Трента Андерсона, Алисия Мерфи, нервно поглядывала в мою сторону. Не было ни единого изъяна на ее накрашенных губах или прямых каштановых волосах. Она сидела за массивным деревянным столом, который блестел от лоска также, как она. Такого лоска, под которым пытались скрыть все изъяны.

Показывал ли этот притворный дизайн настоящую натуру Кэси Бэскел? Скучные, предсказуемые линии под стать ее светлых волос, туго собранных на затылке, и строгим

костюмам, облегаяющим ее тело?

Вот поэтому я и был здесь. Разрушить могущественные стены «Тренчент» и выяснить, какую роль она играла во всем этом. Для этого я был готов притвориться отталкивающим ублюдком, чтобы сыграть наивысшую заинтересованность в делах компании. Это не означало, что мне это нравилось.

Безопасный маршрут, по которому мне пришлось идти издалека, чтоб вывести всю семью, включая Кэси и Колина, на чистую воду. Но если они были чисты? Я опустил руки. Разрушение невинных жизней превратит меня в такое же зло, что и те ублюдки, убившие мою мать.

Я откинулся на спинку кресла и расслабил руки на бедрах. Но что мне на самом деле хотелось сделать, так это развязать галстук и расстегнуть несколько пуговиц на рубашке, которая душила меня.

Не встреча с Трентом нервировала меня и заставляла ладони потеть. Это была возможность увидеть *ее*, вдохнуть ее аромат, и с головой окунуться в воспоминание сладкого запаха ее киски на моих пальцах, бархатистого тембра ее голоса через визор шлема, все томительные ощущения от внезапной встречи, которые преследовали мои мысли пять предыдущих дней.

Каждая деталь той ночи была неожиданной. Кэси была шальной картой, и это до чертиков пугало меня.

Я медленно набрал воздух в легкие, вспоминая слова моей матери, когда я впервые сломал руку. Когда я плакал как слюнтяй и требовал, чтобы она продала мой спортивный байк. Когда я грозился больше никогда не садиться на мотоцикл.

Она схватила мой шлем, сломанная рука нездорово свисала сбоку, и прорычала сквозь стиснутые зубы:

— Если каждое утро ты не просыпаешься со страхом в своей голове, значит, ты недостаточно усердно работаешь. Ты не борешься, и не *живешь*. Ты *сядешь* на байк.

И она была права. На руку наложили гипс, и я сидел на байке на следующий день, и каждый день после, приветствуя страх с каждым новым восходом солнца.

Телефон на столе завибрировал. Алисия взяла его с подставки раньше, чем завершился первый сигнал рингтона.

— Да, мистер Андерсон.

Ее глаза вспыхнули, а любопытное выражение лица сменилось вальяжным похотливым взглядом, который она бросала на меня последние десять минут.

— Нет. Перед ланчем встреч больше нет. Он уже ожидает, — пауза. — Спасибо, сэр.

Вернув телефон на его законное место, она подняла глаза на меня.

— Мистер Андерсон готов принять вас прямо сейчас.

Я неспешно повесил сумку на плечо и встал, надеясь и боясь, что встречу Кэси по пути в его офис.

Алисия наблюдала за моими движениями, ее взгляд стал строгим, когда она заметила, что на мне кеды.

К черту ее. Я отказался от пары лоферов, не в силах втиснуть свои ноги во что-то настолько вычурное. Костюм и так был чересчур.

Когда она подняла глаза, я подмигнул ей. Девушка перестала дышать, а ее осуждение превратилось в румянец на щеках.

— Следуйте за мной, мистер Смит.

Она развернулась на шпильках с ремешками и направилась вглубь по коридору. Умеренное раскачивание ее бедер было спектаклем чисто для меня. Возможно, я бы полюбовался на ее попку при других обстоятельствах, но она работала на Трента, и, зная кое-что о его сотрудниках, я подозревал, что ее попка служила ему большее количество раз, чем я готов был представить.

Коридор позади стола Алисии вел дальше в крыло Трента. Кэси, скорее всего, занимала крыло в другой стороне здания. Но если у нее была встреча с Трентом, наши пути могли пересечься.

В конце главного холла я проследовал за Алисией через массивную двойную дверь. Кэси здесь не было. Я отказывался понимать, почему моя грудь сжалась от разочарования.

Табличка с именем исполинских размеров висела на стене, покрытая блестящим лаком. Она, казалось, гнила от высокомерия. Так же, как и экстравагантное помещение, которое называлось офисом Трента, с открытым видом на город за окном размером во всю стену, кожаными кушетками и мужчиной, сидящим за огромным столом.

Сегодня-завтра этот офис станет моим, и я ненавижу его. Ненавижу Трента.

Он не потрудился встать, а всего лишь махнул рукой на кресло перед ним, не отводя взгляда от дисплея телефона.

— Присаживайтесь.

Я опустился в кресло и разгладил костюм, пока Алисия положила перед ним папку.

— Мистер Андерсон, — промурлыкала она, выставляя перед ним бедро. — Это — Логан Смит. Кандидат на должность старшего вице-президента в отдел технологии, — она постучала пальцем по папке. — Это — его резюме, сэр.

Он стрельнул в нее взглядом, дёрнув бровью.

— Я не провожу собеседований, мисс Мерфи. Что это?

Бенни была права в том, что Трент абсолютно не готовится к встречам. Очевидно, он даже не смотрел свой график.

— Это... эта встреча в вашем графике, — ее подбородок поник, и она начала теревить подол юбки пальцами. — Мне стоило сверить ее с вами, сэр. Прошу прощения за ошибку.

Встреча со мной была в его расписании, потому что Бенни записала ее туда.

Я прочистил горло, надежно завладевая их вниманием.

— Мисс Мерфи, пожалуйста, соберите остальных членов совета директоров. У нас есть кое-какое семейное дело, которое необходимо обсудить.

Ее глаза распахнулись от моей смелости, а плечи Трента окаменели. Кожа вокруг его тонких губ натянулась, и он опустил телефон на стол.

Сидя, мы были с ним одного роста, но ему все равно удавалось смотреть на меня свысока своими глазами орехового цвета, которые щурились поверх линии его аристократического носа.

— Напомните мне ваше имя?

Ни капли признания в его пристальном взгляде. Не то, чтобы я его ожидал. Но он знал, что что-то не так. Возможно, я был не первым, кто приходит к нему в офис кое с чем на уме. Я откинулся в кресле и забросил лодыжку на колени.

— Логан, — я провел указательным пальцем по губе. Медленно. Размеренно. — Флинт.

Он не перестал дышать. Не моргнул и глазом. Стоило отдать ему должное за сохранение каменного выражения на лице. Могу поспорить, его желудок скручивало от серьезного отрицания где-то под этим строгим фасадом.

— Флинт, — повторил он сучающим голосом, который не выражал ничего.

— А-га, — я разделил слово на слоги, автоматически потирая подбородок. — Флинт, как молодая обворожительная женщина, Маура Флинт, — я вскинул голову. — Она очень много о вас говорила. Рассказывала, что вы были самым ярым ее фанатом.

Даже палец не дрогнул на его руке. Ни скрипа стула. Ничего, что выдало бы дискомфорт. Он всего лишь дернул подбородком в сторону Алисии и произнес деловым тоном:

— Сзовите других членов, мисс Мерфи. Организуйте встречу в конференц-зале.

И все? Вот так вот, без угрозы? Ни тебе разговоров о том и о сем, чтобы убедить его, что у меня серьезные намерения? Не то, чтобы мне нужно было больше доказательств, но это было признанием вины. Он думал, я знал, что он убил мою мать. Был бы он удивлен, когда я притворился бы, что не знал?

Шаги Алисии затихли, после чего последовал щелчок замка на двери.

Между нами повисла тяжелая тишина. Он рассматривал меня, пока я изучал его. Его тщательно причесанные белые волосы, жесткая кожа вокруг глаз, напряженность в теле — все это замерло в молчании.

Если он попытается угрожать мне, это не сработает. Он ничего не знал обо мне, но я знал его и его секреты. Козырь был у меня.

Кожа его кресла скрипнула, разрывая напряжение между нами. Он закинул ногу на ногу.

— Вы здесь не для собеседования.

Но уйду я отсюда, явно занимая должность. Я улыбнулся ему своей самой очаровательной улыбкой.

Он сжал губы.

— Как вы связаны с Маурой Флинт?

Я выдержал его твердый взгляд таким же ответным.

— Мы еще дойдем до этого.

На его скулах заиграли желваки.

— Я — деловой человек, мистер Флинт. У меня нет времени на игры.

На его лице было совсем немного морщин, не было также и седого волоска. Он выглядел лет на сорок вместо шестидесяти пяти. Возможно, своей ассистентке он и нравился, но его рот был слишком маленьким, а лоб слишком большим, и, чем больше он пялился на меня, тем больше его глаза казались впалыми на его лице.

Я с вызовом выдержал еще один его взгляд, а потом потянулся за папкой, которая была спрятана в моей сумке. Первые восемь файлов были заполнены вырезками из газет. Восемь убийств.

Раскладывая их по столу перед ним, я наблюдал за его бесстрастной реакцией. Этот сценарий мог развернуться несколькими способами. Большинство из них закончились бы моим убийством или киллером у меня на хвосте, как только я вышел бы из этого здания.

Я был готов к этому.

Он посмотрел на каждую из статей, мельком и беспристрастно, и, откинувшись назад, встретился со мной взглядом. Умный ублюдок. Когда скрываешь вину, выдержка должна быть лучшим оружием.

Но я всего лишь разогревался.

— Мы оба знаем, что это не весь перечень ваших преступлений. Всего лишь примеры,

которые я связал с «Тренцент».

Он переплел пальцы на животе и облизал свои тонкие губы, глядя на меня из-под полуприкрытых век.

— Мистер Флинт, большинству из этих статей больше двадцати лет. Вы тратите мое время.

Я не был настолько успешен в раскапывании преступлений, как моя мать. Большая часть из того, что у меня было на него, я нашел в ее записях. В миллионный раз мне стало интересно, за каким хером она накопила то, что накопила.

Наклоняясь вперед в кресле, я положил перед ним стенограмму телефонного разговора поверх статьи об убитой в Иллинойсе женщины.

— Келли Нельсон. Ассистент, которую вы изнасиловали пять лет назад. Она грозилась выдвинуть обвинения против вас. Вы убили ее.

Никакой реакции. Он даже глазом не моргнул.

— Сколько вы заплатили сестре, чтобы она уничтожила телефонную запись? — я указал на стенограмму — телефонный разговор между Келли и ее сестрой в ночь, когда Келли была убита. Речь в нем шла об изнасиловании Келли и о страхе перед Трентом.

В самых разоблачительных подробностях она описала своей сестре, откуда она знала, что он собирался убить ее. Факт того, что она записала разговор, подтверждал это. И хоть стенограмма могла не помочь в суде, она явно не останется незамеченной при даче свидетельских показаний.

Он вздохнул.

— У вас все?

— Вы еще не чувствуете? Не переживайте. Осталось недолго.

Каждая из восьми статей подкреплялась документами, к которым в ФБР явно не останутся равнодушными.

Бухгалтер «Тренцент», который обнаружил следы отмывания денег советом директоров. Был заколот ножом. Репортер, который был хорош в своей работе настолько, что раскрыл переговоры между своим сотрудником и самой преступной семьей в Чикаго. Был застрелен в голову. И охранник, который оказался не в том месте и услышал не тот разговор. Задушен в собственной кровати, пока его жена спала рядом.

Было убито еще четыре ассистента, и каждый раз убийство было изощренней предыдущего, и каждый раз убитые были свидетелями, которые могли подтвердить связь женщины с Трентом. Связь, которая была оборвана, когда его ассистентка начала его раздражать.

Я купил запись телефонного разговора у сестры Келли Нельсон. А Бенни хакнула немереное количество компьютеров продажных полицейских. Копов, которые получили взятку за то, что спрятали улики. Множество улик было уничтожено, но кое-что осталось на жестких дисках. Может, стоит отдать должное перестраховке полиции?

Пока он водил глазами по документам, не прикасаясь к ним, я желал, чтобы смерть моей матери тоже была среди этих статей вместе с письменным признанием ее убийцы. Просто, чтобы увидеть реакцию Трента. Но я не мог достать этот козырь, не мог открыть истинную цель — месть, ради которой я здесь сидел.

Сердце больно билось о ребра, а лицо леденело от невыносимого ожидания. Я так отчаянно хотел мести. Он сидел передо мной, а нож под слаксами, наточенный лишь для одной цели, казался так близко.

Внутренняя борьба с тем фактом, что это было бы слишком легкое убийство, причиняла гребаную боль. Я хотел, чтобы он истек кровью в агонии. Его кровь за мои воспоминания. Боже, это будет так чертовски хорошо. Взмахнуть лезвием. Вонзить его в глотку. Наблюдать за тем, как жизнь вытекает из него. Умопомрачительная вибрация от его горла, в котором клокочет кровь.

Но Трент работал не один. Я хотел прикончить их всех.

Я сполз немного вниз по спинке кресла и раскинул ноги.

— Пять мертвых ассистентов, Трент? — и это лишь те, о которых я знал. — У тебя есть могущественные связи, чтобы заставить ряд серийных убийств просто кануть в лету.

Он ухмыльнулся.

— Вы знаете, почему теории заговоров документируются, исследуются и возникают?

Я не заморачивался с ответом. Мы оба знали, что не подписаны на *теорию*.

Поставив локти на разложенные документы, он наклонился вперед.

— Потому что они не подкреплены свидетелями. Заговор — как религия, мальчик. Когда ты сталкиваешься с тем, чего не понимаешь, ты укрепляешься на всемогуществе... — он засмеялся, — а потом ты копаешь и становишься одержимым, бездумно повторяешь какую-то хорошо известную цитату из Интернета, и втюхиваешь свою историю голодным приверженцам, которые присоединяются к твоему пути. Почему? Потому что это заставляет тебя чувствовать себя менее помешанным, подвергнутым идеологической обработке, или намеренно не осознавшим.

— Мм. Это все очень познавательно, Трент, но я не заинтересован во втюхивании своей истории. Я хочу быть частью ее.

Его плечи дернулись.

Наконец-то пустая оболочка дала трещину.

— Тебе пора на пенсию, старик. Ты можешь передать свое правление мне или сейчас, или при всей своей семье. Так или иначе, и выйду из этого здания генеральным директором «Тренцент Медиа».

Его щеки стали пунцовыми, а глаза вспыхнули.

— Ты, наверное, выжил из своего гребаного ума. Ты же, мать твою, никто. Психопат с улицы.

Я подвинул к нему оранжевый конверт с засекреченной информацией — последний гвоздь в крышку его гроба. Подождал, пока он открыл его, и мое тело подрагивало, пока он читал документы.

Когда он наконец-то поднял на меня глаза, я увидел в них шок и страх. Трент открыл свой рот, а потом закрыл его. Кошка язык украла? Он явно был ошарашен.

В моей груди поселилась тяжесть. Я ожидал почувствовать...пламя, но, отдав ему документы, которые хранил девятнадцать лет, это не изменило ни одной гребаной вещи во мне.

— Теперь вы знаете.

Теперь он знал мои секреты. Ну, все, кроме двух. Он не знал, что я был в курсе того, кто убил мою мать.

И у него ничего не было о том, что связывало меня с Неуловимым и подпольным гоночным синдикатом.

Телефон на его столе засветился. Он нажал на кнопку разговора, и раздался голос Алисии.

— Сэр, миссис Андерсон и мистер и миссис Бэскел ожидают в конференц-зале.

Супер. Пора встретиться с семьей. На них у меня тоже есть папки. Если Кэси и Колин были с ними, возможно, я получу ответы на свои вопросы.

— Пять минут, — он отключился, а его взгляд все еще был сфокусирован на мне. — А если я не пойду на ваши требования?

— У меня есть цифровые копии. Всего этого, и всего того, что вы похоронили на протяжении своих карьер, — кое-что из этого собрала моя мать, остальное хакнула, вытащила или купила Бенни. — Записанные разговоры, отчеты патологоанатомов, доказательства ДНК, показания свидетелей.

Кровь схлынула с его лица. Да, такая утечка информации не будет похожа на теорию заговора или скандал. Его ожидало будущее в камере шесть на восемь с соседом по кличке Бульдог.

Он поднял страницу из оранжевого конверта и повернул так, чтобы я видел ее.

— Подразумеваю, что это и есть ваше настоящее резюме? Диплом с отличием Массачусетского Технологического Института?

Я включил его, чтобы доказать, что был более, чем квалифицирован, чтобы справиться с юридическими аспектами работы. Я кивнул.

— Вы понимаете, что, если со мной что-то случится, мне нужно будет отправить лишь *сообщения*, чтоб получатель снаружи спустил курок. Вы не представляете, насколько длинный список таких «получателей».

Бенни передаст каждый кусочек улики на него конкурентам «Тренчент Медиа», местным властям, ФБР, и семьям убитых. Ни Трент, ни я этого не хотели. Конечно, он не знал, что вместо этого я планировал его убить, так что я хотел, чтобы он чертовски хорошо понял мою притворную мотивацию.

— Мне нужно то же, что и вам. Власть. Деньги. Женщины. Но больше всего мне нужна безопасность, — между его бровей появились вертикальные складки. — Я хочу защиту, которая идет в комплекте со связями могущественной семьи, — я поставил локоть на подлокотник кресла и оперся подбородком на кулак, полностью расслабленно и буднично. — На вас или на членов вашей семьи когда-нибудь покушались?

— Никто бы не посмел, — он изучал меня, но что-то изменилось в его прищуренных глазах. Он вспомнил, как организовал смерть моей матери? Или он корил себя за то, что не знал о ее сыне? Честно говоря, она скрывала его от всего мира, но, если бы Трент поискал повнимательней, он был нашел меня.

Он все так же изучал меня своим расчетливым взглядом.

— Какие ваши условия?

— Я здесь, — я размял руки, вытянув их перед собой. — Чтобы воспользоваться преимуществами вашего богатства, ваших связей, репутации, которую вы создали, и уважением вашего персонала. Но, что самое важное, мне нужна ваша защита, — бла, бла, бла, тому подобное дерьмо. Я пустил руки, надевая маску строгости. — Никто и никогда не причинит боль тем, кого я люблю.

И вот теперь я поведал ему свою поддельную мотивацию.

По лицу этого осла расплылась ухмылка.

— Ярость. Мне это нравится.

Погоди немного, ублюдок. Ты еще не видел ярости!

— Мне интересно, — он собрал бумаги назад в конверт. — Кто этот кто-то, которого вы

любите?

Конечно, он хотел знать, кого любил его шантажист, и как он мог бы использовать это против него. Я сделаю все, что возможно, чтобы не впутать в это Бенни. А что касается другого *кого-то*, правда была безобидной.

— Кто-то, кого я еще не нашел. Но, когда найду, не потеряю, как потерял свою мать.

Он держал конверт, наполненный секретами.

— И поэтому вы выбрали «Тренчент» для своей *защиты*? Почему вы выбрали меня?

Я надеялся, что содержимое конверта заставит его поверить в мою мотивацию, заставит его *поверить* мне. Но я знал, что, как только выйду отсюда, он начнет мои поиски, начнет копать на меня все, что сможет использовать против. Я также знал, что он ничего не найдет.

Я улыбнулся.

— Мы понимаем друг друга.

И близко нет.

Трент наклонился и швырнул конверт мне на колени в то время, как его взгляд тщательно изучал меня, анализируя мою игру.

— В вашем предложении есть маленькая проблемка.

Я спокойно вернул конверт в сумку.

— Должность генерального директора по контракту обещана моей невестке.

Мой желудок ухнул вниз. *Кэси Бэскел*.

— Значит, по контракту и *лишите* ее этого. Натравите своих адвокатов. Это не моя проблема.

Его ухмылка стала шире.

— Будучи генеральным директором, *все* станет вашей проблемой. И она хочет эту работу. *Страстно*. Настолько, что готова бороться за нее. Она горячими углями выложит вам дорогу в суд.

Я стиснул зубы. Бл*дь, я не предвидел этого. Последнее, что мне было нужно, это публичный правовой спор.

Как далеко Трент пойдет, чтобы избежать этого? Несмотря на мои угрозы, Трент, казалось, хотел взвесить возможность правления нового генерального директора без опыта управления медиа корпорацией и передачи должности члену семьи, который с самого детства был кандидатом на нее. Он встал и собрал оставшиеся бумаги.

— В контракте есть раздел о лояльности.

Мое горло начало пульсировать.

— И что?

— Контракт считается недействительным, если она изменит моему сыну.

Глава 12.

Логан

Вернувшись в похожее на морг лобби на исполнительном этаже, я сел в жесткое кресло, ожидая, пока меня пригласят в зал переговоров. Интерьер здесь состоял из стальных стеллажей возле стен, оформленных одноцветными предметами искусства, и безжизненной личности в лице Алисии, которая сидела за своим столом в трех метрах от меня. Мои ладони разгорячились, челюсти крепко сжимались, а по венам мчалась неутомимая энергия.

Ублюдок заставлял меня ждать.

Когда Трент провел меня в лобби, я отдал ему последнюю из моих папок. Документы, в которых содержалась вся мерзкая информация против его жены — Николы — так же, как и против Далтона и Кейтлин Бэскел. Выхватив их у меня, он приказал мне подождать, как проклятой собаке, и зашагал в зал переговоров.

Меня еще больше взбесило то, что несколько мгновений спустя ко мне приставили няньку. Дюжий мужик с кобурой на бедре, со скрещенными руками на груди, в черном костюме — он удерживал меня у стены лифта. На протяжении двадцати минут его поза а-ля «грубый парень» и проницательные глаза говорили: *»Только попытайся пройти через меня».*

Какая, нахер, разница? Я сказал, что не уйду без должности генерального директора, и если совет директоров желал обсудить это за закрытой дверью, так тому и быть. В итоге, они предложат ее мне.

Прямо сейчас они пролистывали каждый свою личную папку, выискивая краткое, но детализированное изложение их криминальной истории. Скупка акций, отмывание денег, торговля внутренней информацией, взяточничество в сфере коммерции, хищение денег, домогательства...убийства. Это снова вернуло мои мысли назад, к Кэси Бэскел и Колину Андерсону. Как далеко от яблони упали эти яблоки?

Их причастность к криминалу пока основывается лишь на моих теориях, а их деятельность скрыта за стенами «Тренчент». У меня не было портфолио на них, потому что мне не удалось накопать на них ничего, кроме парочки подозрительных денежных переводов. Были ли они простыми решками? Или следующим поколением продажности «Тренчент»? Или их держали в неведении? Мне хотелось думать, что они были невиновными, основываясь на отсутствии доказательств, но я не доверял сыщику во мне. Большинство из дерьма на их родителей мне передала мать, и я знал, что это была лишь крупница из списка их преступлений. Сколько еще я упускал?

Контракт считается недействительным, если она изменит моему сыну.

Воспоминание накрыло моё тело, как наводнение — ее губы на моем члене, ее киска, сжимающаяся вокруг моих пальцев, ее дерзкие ответы, ее команда, когда она потребовала РЧИД ридер. Я не мог решить, что было горячее — когда она таяла в моих руках, или когда преследовала меня, железно схватив за яйца.

Пульс ускорился, и в паху появилось давление. Девять месяцев подготовки и наблюдений за мисс Дукагти издали привели к лавине из желания и опустошения. Горячее, безрассудное соблазнение с привкусом сожаления.

Сожаления о возможности не закончить то, что мы начали.

Сожаления о том, что придется обмануть ее так же, как она обманула меня. Сожаление о том, что она была замужем.

Порыв голода испарился, и на его месте сию же секунду появилась злость. Ее киска была настолько общей, что они «связали» ее ноги контрактом? Почему? Что заставило ее изменить? Генетика? Какова мать, такова и дочь? Тошнота перевернула мой желудок, и во рту появился кислый привкус. Гребаный контакт уже был недействительным.

Кэси, мать ее, изменила своему мужу со мной.

Придется забыть. Она изменила с Неуловимым. *Меня* она еще не встретила.

Я пялился на Алисию, пока она не оторвала свой взгляд от моих губ и не подняла его на мои глаза.

— Где сегодня Кэси Бэскел?

Ее любопытный взгляд прошелся по моему лицу, спустился к груди, и она отвернулась. Слишком любопытная, как по мне. Ей, несомненно, было интересно, что происходило. Скоро она это выяснит.

Она принялась стучать пальцами по клавиатуре.

— На внеофисной встрече до полудня. Вы хотели оставить ей сообщение?

О, у меня было для нее сообщение.

Ты была права. Я солгал. Ты сосешь член, как профессионал. Хреново, что ты — предательская шлюха. Кстати, повышения ты не получишь. Как твой босс, я пересмотрю твои обязанности. Каждое твоё задание теперь будет начинаться строчкой «На коленях...».

В моем желудке плескалась кислота и возбуждение. Я покачал головой.

— Никаких сообщений.

Бл*дь, может, я не был справедлив. Измена — это одно, но эта горечь было чем-то новым. Я долго судил Кэси Бэскел за преступления ее родителей.

Меня грызла новость о наличии контракта. Зачем ей договариваться о чем-то? Это была ее идея, чтобы получить свое повышение? Какая им разница? Черт, измена была мелкой шалостью по сравнению с преступлениями ее семьи. Если бы она была членом их грязного клуба, должность генерального директора оказалась бы ее без промедления. Нет, это была неправда. Она была наследником не по собственной воле, и они могли использовать контракт как средство контроля под предлогом верности.

Алисия встала, виляя бедрами, пока шла мимо стола.

— Они готовы принять вас.

Короткая фраза — и я уже держал свой пустой несессер в руках, шагая рядом с ней по лабиринту коридоров в просторный зал. Оказавшись внутри, поставил свою сумку на столик в стороне и встал перед советом директоров «Тренчент» в первый раз. Позади меня закрылась дверь, оставляя меня наедине с четырьмя парами каменных глаз. Плечом к плечу, они сидели в своих креслах, и нас разделял лишь стол. Сжатые губы, сутулящиеся спины и рассеянное внимание — и все это в ряду из дизайнерских костюмов. Все сделано так, чтобы я почувствовал себя, как у стены для расстрела.

Как мало они знали — ведь выстою лишь я один.

Месть не была моим единственным вдохновением в жизни, но, если бы она стала единственной вещью, которую я закончил, если бы освободила мой родной город от убийц моей матери, этого было бы достаточно.

Я был всего лишь одним из многих, кто хотел убрать этих людей. В их гонке за властью, они оставили так много жертв после себя. Жертв, у которых были семьи. Те, кто остался, может и не знали, кто убивал их мужей, дочерей, сестер, но я бы дал им эту информацию, так же, как и доказательства того, что наказание будет понесено.

Справедливость. Желание просыпаться каждое утро, зная, что я избавил Чикаго от его самой мерзкой преступной семьи белых воротничков. Желание засыпать каждую ночь, зная, что изнасилуют на одного ассистента меньше, и в канаве найдут одним стукачом меньше. Желание наполнить легкие умиротворением, зная, что я отомстил за свою мать.

Я страстно этого желал. Одна мысль об этом воспламеняла мою кровь.

— Прежде, чем мы начнем, — произнес Трент, привлекая мое внимание. — Я разыскал Мауру Флинт, пока вы ожидали. Жаль слышать о ее смерти. Я был журналистом несколько лет назад. Так я ее и встретил. Я брал у нее интервью на тему *«Гонки до полуночи»*.

Часть про интервью была правдой. То видео стало ее дебютом в качестве дублера каскадера. Это было за год до моего рождения.

Я проглотил злость и скорбь, которые карабкались по моему горлу. Ему неизвестно, что я знал правду, и мне нужно было сохранить это в секрете, чтобы подобраться ближе к нему.

Я кивнул.

— У нее было несколько безумных фанатов. Они говорили, что ее убийца преследовал ее некоторое время.

Каким-то образом Тренту удалось списать убийство моей матери на Эдварда Картиля, который позже отсидел за серию убийств. Я дернул плечом.

— Он умер в тюрьме пару лет назад.

Не моргнув и глазом, он изучал мое выражение лица, несомненно пытаясь убедиться, поверил ли я в чушь о Картиле.

— Но я здесь не поэтому, — я прошагал вдоль зала переговоров и остановился за креслом Далтона Бэскела — отца Кэси.

Очки в проволочной оправе нацеплены на нос, а каштановые волосы тронуты сединой на висках.

— Логан Флинт, — синий галстук-бабочка дернулся на его шее, когда он сглотнул. — Я — Далт...

— Давайте пропустим формальности, — я оперся рукой о спинку его кресла. — Уверен, Трент уже передал вам папки, которые я принес?

— Да, но... — рука Далтона сжалась на столе. — Я...

— Специалист по техническим вопросам в «Тречент Медиа»? Я понимаю, что вы сделали из этой типографии инновационного лидера в сфере цифровых мультимедиа.

Уголок его рта дернулся. Я покачал головой.

— Как жаль, что вы не можете похлопать себя по груди за эти свои величайшие инновации.

Далтон открыл рот, чтобы перебить, но я успел раньше:

— Компьютерный взлом, фальсификация улик, хакерство, распространение негативной информации в сети. Мое любимое — ложный блог, который создан от аккаунта сенатора Роланда в твиттере. Помните такого? Разрушительное заявление, которое обвинило корпорацию «Ньюзвайд» в клевете?

На его лице появилась гримаса.

— Мистер Флинт...

— Двоих зайцев одних махом, да? Либеральный сенатор взлетит в рейтингах, и ваши самые крупные соперники страдают от потери четырех миллиардов долларов в «S&P 500» (прим. — фондовый индекс, в корзину которого включено 500 избранных акционерных компаний США, имеющих наибольшую капитализацию. Список принадлежит компании Standard & Poor's и ею же составляется).

Кейтлин Бэскел ударила кулаком по столу — ее выкрашенные в рыжий цвет волосы и острый подбородок свидетельствовали о том, что перед вами — ведьма.

— Кем вы себя возомнили?

Картина того, какими взвинченными они все были, наполняло меня удовлетворением. Я скользнул руками в передние карманы и переместился, встав прямо перед ней.

— Ну, Кейтлин. Поскольку внешний вид — ваша слабость. Что вы видите? — я пожал плечами и блеснул своей самой очаровательной улыбкой. — Генерального директора

«Тренчент»? Я подхожу под имидж?

Ее голубые глаза метали молнии — единственная черта, которую она делила с Кэси. Но под злостью было понимание — она скользнула взглядом по моему телу, которое я создавал, не покладая рук. Она впиалась взглядом в мою грудь, мои плечи, и остановилась на губах.

Я подошел к ней, расправив плечи, чтобы предстать перед ней во весь рост, излучая внушительную уверенность.

— Каждый в этой комнате знает, что ты любишь красивые мордашки. И крупный банковский счет. Благотворительные вечера. Дружбу с богатыми и сексапильными. Это делает тебя мокрой, не так ли, Кейтлин?

Ее пальцы ринулись к горлу, и рот скривился, когда она сглотнула. Далтон посерел, будто у него был запор.

— Эй, я не осуждаю, — это была абсолютная ложь. За годы, пока я следил за ней, она переспала с множеством миллиардеров до и после того, как они делали пожертвование, и всё во имя филантропии для организаций, которые не увидели ни пенни.

— Это — чушь, Трент.

Шипящий шепот донесся со стороны женщины, которая до сих пор не произнесла ни слова. У меня в голове вспыхнула лампочка. Мать Колина — Никола Андерсон — была похожа на предмет искусства. Ее завораживающие итальянские черты почти не скрывали мерзкое мстительное существо внутри. Она, может, и не убивала мою мать, но она была голосом в голове Трента. Мне не нужны были веские доказательства, чтобы подтвердить это. У меня был дневник моей матери, список бывших любовниц Трента и их личные счета, в которые Никола крепко вцепилась своими когтями.

Я нагнулся, чтобы встретиться с ней глазами.

— Ты — легкомысленная, Никола. Я могу учуять тебя за милю, а ревность пахнет почти так же, как и страх.

Она ухватилась за край стола, наклонившись вперед и выставив перед собой локти.

— Пошел нахер, — выплюнула она, и пара капель слюны буквально вылетело из ее рта. Слава богу, они не достали до моей стороны стола.

— Боже мой, Никола, — скривилась Кейтлин. — Возьми себя в руки.

Трент опустил руку на плечо своей жены.

— Поздравляю, мальчик. Ты удачно уничтожил любой шанс на выигрыш в нашем сотрудничестве, — небрежная поза и пассивный взгляд выдали легкий подвох в его голосе. Я слегка толкнул стул напротив него носком своих кед, и он заскользил от меня к нему.

— Никто из вас не спросил, откуда я знаю то, что знаю, — я посмотрел на отца Кэси. — Может, Далтон уже понял это?

Он поправил очки на носу.

— Хакерство. Мы сделали звонок, пока вы ожидали, проверили ваш уровень. Диплом по специализации Компьютерные Науки.

— И я всего лишь один из тысячи хакеров. Тысяч, которые могут отслеживать вас прямо сейчас.

Усевшись на край стола, я сцепил руки на согнутом колене, касаясь пола лишь одной ногой.

— Я пришел сюда не наживать себе врагов. Мои намерения — показать свое восхищение перед поступками «Тренчент», на которые так же приятно смотреть, как и на свисающий с живота жир толстозадого жердяя. Я видел все ваши отталкивающие стороны,

кучу грязи, которую вы так тщательно скрываете от любопытных глаз. Вы не просто разыскиваете Америку (прим. — идет ссылка на американское телешоу «America's most wanted» — шоу, связанное с поиском и задержанием беглецов, разыскиваемых за тяжкие преступления, включая убийства, изнасилования, похищения, растление малолетних, преступность белых воротничков, организованную преступность, вооруженный разбой, бандитизм и терроризм, а также многие из которых находятся в списке десяти «Самых разыскиваемых» ФБР преступников, скрывающихся от правосудия). Вы самый. *Скрываемый. Секрет. Америки.*

Черт, теперь атмосфера накалилась, сжимаясь каждую секунду и сдавливая мою кожу. Но если бы я вошел в этот кабинет, ожидая, что у них из задниц польется радуга, они бы тут же прожевали меня и выплюнули.

Ублюдки уважали ублюдков.

Я подавил улыбку.

— Мне плевать, чем вы занимаетесь. Я просто хочу получить от этого выгоду, — ложь скатывалась с моего языка, но сейчас я говорил им правду. — Я не распивал кофе с ФБР. Я не набивался в друзья генеральному директору «Ньюзвайд».

Обстановка накалилась, воздух уплотнился, сдержанное дыхание вот-вот было готово вырваться.

— Вместо это я здесь, чтобы принять должность...

Кейтлин подпрыгнула на ноги, и из ее глаз почти посыпались искры.

— Мы не собираемся...

— ...которую вы мне *предложите*, — я наклонился вперед. — Потому что вы не захотите иметь врага с таким набором способностей. Врага, который знает то, что знаю я. Я *нужен* вам на вашей стороне, — я пронизывал ее взглядом, пока она не закрыла свой поганый рот и не опустилась назад в кресло.

В голове стучала острая боль. Меня накручивало это дерьмо? Я дышал этой гнилью? Мне нужно было нахрен убраться подальше от этих людей.

Как Кэси добровольно могла здесь работать? Из-за того, что они были ее семьей? Тяжело поверить в то, что это и есть причина.

Она где угодно могла найти работу исполнительным директором. В этом не было смысла. Она должна была быть вовлечена. Но мне нужно убедиться. Допуск к секретным материалам генеральных директоров — уровень защиты, который Бенни не смогла хакнуть — дал бы безграничный доступ к внутренней сети «Тренчент Медиа», личным файлам, электронной почте, каждому клику мышкой, сделанному каждым сотрудником, если бы я захотел об этом узнать.

Единственная причина, по которой я не поделился доказательствами со всем миром, была в том, что я не знал, играла ли Кэси Бэскел в их игру. А Колин Андерсон? Кто бы ни был еще — они вместе пойдут на дно.

— Я жду предложения.

Они обменялись взглядами, общаясь на немом языке, который использовали такие больные твари. Потом три головы повернулись к Тренту.

Поскольку все эти люди были хорошо знакомы с риском, они, возможно, заставят меня подождать день или два, пока не решат, может ли моя угроза навредить им. Так что я поднял ставки.

— Если кто-нибудь, связанный с доказательствами, умрет — свидетель, коп, которому

вы дали взятку, родственник жертвы, я — документы будут распространены автоматически.

Трент постукивал пальцем по столу, наблюдая за своим движением с отсутствующей миной на лице.

Не поднимая глаз, он ответил:

— Будет организован подготовительный пресс-релиз, сделано объявление для всех подразделений компании, выпущен краткий список компенсаций и льгот отделу кадрового обслуживания. Получение вами доступа к секретным материалам займет некоторое время.

— Вы забываете одну проблему, — произнес Далтон со вздохом.

Моя шея непроизвольно напряглась.

— Контракт вашей невестки.

Трент стрельнул в меня глазами.

— С этим мы разберемся.

Что, черт возьми, это вообще значило? Понадобилась вся моя сила воли, чтобы удержаться на краю стола. Боже, если она станет жертвой этого, если они убьют ее...

— Она вне игры? Или вы посвятили ее в *семейный бизнес*?

Улыбка промелькнула на лице Трента.

— Она наша маленькая милая ученица. Она делает то, что ей сказано. Вам не стоит переживать из-за нее.

Милая ученица? Господи, ее слова действительно становятся гнусными. Она стремится быть, как они? Я бросил взгляд на ее родителей, и их ухмылки перевернули мой желудок.

Мой голос звучит из самой глубины:

— Теперь я — ее босс. Я должен знать, с чем имею дело.

Трент прищурился.

— В ней полно рвения, но она наивная. Держите ее на коротком поводке.

Боже, я никогда не был в таком тупике по поводу ее вовлечения. Было ясно, что брак между ней и Колином создал целый бренд для правых приспешников «Тренчент Медиа», но...

— Наивная? Вы имеете в виду, она до сих пор учится, как... — *изменять? Красть? Убивать?* — не быть уличенной?

Я ожидал, что меня кто-нибудь поправит. Этого никто не сделал. Возможно, я рассказал слишком много, раскрыв факт, что мое расследование касательно их детей зашло в тупик. Но нехватка доказательств могла быть связана с тем, что ни у Кэси, ни у Колина не было за плечами двадцати или тридцатилетней уголовной истории. Такой, как у их родителей.

Я посмотрел на женщину, которая больше всех питала слабость к внешности мужчин.

— Контракт гарантирует, что она не сделает какую-нибудь глупость и не приведет «Тренчент» к скандалу?

Кейтлин кивнула.

— Именно.

Взамен он обещал Кэси должность генерального директора — обещание, которое не будет исполнено. Кража работы у нее из-под носа не казалась правильной вещью, но это чувство подпитывалось моим сильным желанием обнаружить, что она — невиновна, *пока* я буду убирать ее семью.

Я принял серьезный вид. Расслабил пальцы. Голос зазвучал решительно.

— Ладно, выходит, вы собираетесь заманить ее в ловушку и подставить. А если она не клюнет?

Трент сложил бумаги перед собой и спрятал их в папку.

— Она клюнет. Сегодня я отправлю ее в «Дозор» по заданию, и сам увижу, что проблема решена.

Насколько же дерьмово. Он спланировал разрушение брака собственного сына, сомневаясь меньше, чем при выборе блюда в ресторане. И он нарочно упомянул название клуба, в котором она будет, чтобы я — что?

Вызвался стать приманкой?

Мне хотелось закрыть глаза и подумать о том, что здесь происходило. Но, если бы я сделал это, я бы представлял ее с другим мужчиной. Нет, я бы представлял ее со мной потому что, представляя ее со своим мужем или с незнакомцем, разжигал огонь внутри моей груди.

Слишком ли обнадеживающе было думать, что ее связь с Неуловимым была... однократным случаем? Что она была хорошим человеком, и измена не входила в список ее повседневных дел?

Достань свою голову из задницы. Тебе нужно аннулировать этот контракт.

Но я мог сделать за них их работу — сам стать приманкой, искусителем. *Другим мужчиной.*

Бл*дь, мне нужно было утрясти это что-то, от чего мое сердце несло галопом. Она никогда не была моей, и никогда не будет. Все, что меня беспокоило — это то, что распутная мисс Дукатти может катиться туда, где не была ни одна шлюха. Если она была слишком слабой, чтоб изменить своему мужу, черт с ней.

— Беря во внимание то, что контракт больше не является проблемой, — я встал. — Когда мне начинать?

Трент тоже встал, и стал подходить ко мне. Трое остальных последовали его примеру.

Он протянул свою руку, и, когда я пожал ее, кожу закололо от прикосновения его пальцев.

— Вы приступаете сейчас, — его хватка окрепла, и тон стал ледяным. — Добро пожаловать в «Тренцент».

Глава 13.

Кэси

Меня окружал гул голосов, разбавленный звоном бокалов с шампанским и глубокими, одинокими нотами саксофона. Акустика в «Дозоре» была наполнена всеми тональностями: от едва уловимых, ласкающих слух, до нахальных характерных звуков, манящих переплестись душой со всем миром.

Я провела пальцем по краю бокала с мартини. Аромат алкоголя щекотал нос, и смех рядом стоящей пары ласкал слух. Может, я бы тоже смеялась, будь Колин здесь, но он по-прежнему находился в студии. Как и обычно, приказ Трента не подлежал обсуждению.

Ровно в восемь часов. Жди у бара. Прими приглашение. Не задавай вопросов.

Типичное теневое дерьмо. Чего вообще ожидать в это время? Конверта от анонима? Флэшку? Сообщение, которое кто-то нашепчет мне на зашифрованном языке?

Иногда мне казалось, что он придумывал это дерьмо просто, чтобы проверить меня, увидеть, как я выкручусь из заданий типа «я мог бы сказать тебе, но предпочитаю убить»,

будто это какой-то извращенный обряд, который мне нужно пройти. А иногда задания кажутся настолько оригинальными, что убивают любое недоверие.

Что, если мне предстоит встретиться с мафиози? Пособником преступлений? Я не знала природу сделок Трента.

Но, черт, я готовилась занять место генерального директора через пару недель. Это означало, что я могла уволить членов совета директоров, почистить компанию, и больше никогда не участвовать в теневом дерьме вроде этого. Я набрала в легкие побольше воздуха.

До этого момента у меня не было выбора. Либо я следую его указаниям, либо Колин отправляется в тюрьму. Так что, я сидела на крайнем стуле возле L-образного бара и пыталась получить удовольствие. Одному Богу известно, как необходимо мне было распустить волосы. Буквально. Густые пряди спадали, согревая спину и щекоча локти. Остальные мои чувства вливались в ретро-окружение.

Мне понравилось в «Дозоре» в самый первый раз, когда мы пришли сюда с Колином. Живой джаз, официантки в чулках в мелкую сетку, мебель, существовавшая еще во времена до сухого закона, энергетика, эксцентрика — привлекало все. Этот ночной клуб был, самым что ни на есть, сексуальным.

Низкий треск послышался со стороны сцены. Щелк. Щелк. Щелк. Умеренный, терпеливый. Пальцы, щелкая, выбивали ритм.

Шепот утих. Головы повернулись к сцене. Тела выгнулись. Нога пожилого мужчины рядом со мной постукивала в такт. Потом к щелчкам присоединился саксофон, вселяя в каждый одинокий щелчок живую душу. Медленно люди в зале начали разворачиваться к сцене, вслушиваясь, качаясь, теряясь.

Я тоже его почувствовала. Глубокий, наполненный, и губительно смелый. Как и глаза мужчины на другой стороне барной стойки. Он был всего лишь силуэтом в поле моего бокового зрения, но мне и не нужно было смотреть. Я могла почувствовать его взгляд на себе. Он бродил по моему лицу и обжигал щеки, требуя, чтобы я молча ответила ему на приглашение. Я была чересчур нервной, чтобы флиртовать или общаться.

Жди у бара. Прими приглашение.

Курьер должен подойти ко мне, в отличие от мужчины с нервирующим взглядом.

Бармен скользил от стойки к стойке, принимая заказы и смешивая напитки. Поймав его взгляд, я перекинула остатки мартини себе в горло.

Еще один.

Боже, этот испепеляющий взгляд.

Заставь его остановиться.

Мои вдохи участились, и ладони вспотели. Я заставляла себя не встречаться с его глазами, боялась, что, если встречу, не смогу оторваться. И тогда что?

Это слишком рискованно.

Я продолжала наблюдать за барменом, который продолжал сновать у стойки в своем поношенном жилете, подтяжках и фетровой шляпе. Как будто он наливал выпивку в простые стаканы где-то в задней комнатухе местечка, в котором запрещено продавать спиртное, как во время правления Вудро Вильсона (прим. — один из президентов США, который был против сухого закона). Его внешний вид, тусклое освещение, черные бархатные шторы и глубокие оттенки красного — все наталкивало на мысли о винтажной атмосфере.

Моим собственным напоминанием о прошлой эре было кроваво-красное приталенное платье с юбкой-клевш и чулки с черными подвязками. Вид, который вызывал сотни

комплиментов всего лишь, когда я входила, заставлявший эту тридцатисемилетнюю даму чувствовать себя как дома среди молоденьких красавиц в коротких платьях на высоченных каблуках. Окинув взглядом с иголочки одетый народ, я была уверена в том, что каждый джентльмен Чикаго со страстью к кабаре был сейчас в этой комнате.

Неуловимый мог быть одним из них, носить подтяжки и попивать ликер с девочкой на руках. Он не знал меня в лицо. Я не знала его. Грудь сжимало. Это на самом деле было драматично, но я отказывалась позволять этой херне рушить мои фантазии о нем.

Моя единственная ночь с ним могла напрочь выбить почву из-под ног, но она также и ярко освещала темный уголок боли, в котором я хоронила себя всякий раз, думая о нем.

А я много о нем думала. Черт, практически постоянно.

Может быть, я никогда и не узнаю, что его спугнуло. Но часть меня и не хотела знать. Он оставил мне эротическое воспоминание. Такое, что вдыхало жизнь в каждую его мышцу под черной кожей, и я бы не отдала его. И, несмотря на то, что он сбежал, могу поспорить, я подарила ему что-то подобное.

Бармен разбавил мне мартини, и мои глаза, оставшись безоружными, снова скользнули к мужчине у стойки напротив. Прежде, чем мой мозг смог что-либо осознать, взгляд уже скользил по его лицу и встретился с его глазами.

Попав в ловушку его глаз, я проглотила комок в горле. Дыхание замерло. Все мое тело отреагировало на него. Тень щетины на его подбородке заставила мою кожу покалывать. От вида его полных губ мои собственные начали подергиваться. Светлые каштановые волосы, подстриженные на концах, сексуальный беспорядок на макушке просто умолял, чтобы мои пальцы схватили, потянули и не отпускали. Я сжала руки в кулаки на бедрах.

Между нами было примерно шесть метров и барная стойка с барменом, и я не могла различить цвет его глаз, но, черт, они были испепеляющими. Жар, который исходил от них, поднимал температуру в комнате, посылая дрожь по моему телу. Кем, черт возьми, был этот парень? И почему я так реагировала?

Пять минут назад я точно так же думала о другом парне. Боже. Я не была какой-то пустой шлюхой в погоне за карнавальными развлечениями. Я не стремилась снова от мужчины к мужчине. Я *не хотела* многих мужчин. Что со мной происходило?

Его подбородок наклонен, взгляд устремлен на меня из-под опущенных ресниц. Вместе с линией его волевой челюсти и заметным изгибом бровей, он выглядел так высокомерно, смело, разрушительно. Господи Боже, он был настолько чертовски прекрасен, что становилось больно, будто пощечина в лицо каждому мужчине в клубе.

И он смотрел на меня так, будто я была единственной женщиной в зале.

Мое сердце бешено билось, когда я сжала бедра вместе, безуспешно пытаясь унять пульсацию между ног. Каждое ощущение усилилось от алкоголя, который курсировал в моей крови. Атмосфера ночного клуба поблекла, а воздух между нами накалился.

Он наклонился вперед, проведя пальцем по краю бокала перед ним, а его глаза ни на секунду не отрывались от меня. Медленное движение его пальца послало дрожь по моему телу, будто он вел этим пальцем по изгибу моей груди. Я закусила нижнюю губу и подавила дрожащий выдох.

Уголок его рта дернулся, заменяя дерзкую полуулыбку нахальной усмешкой. Как бы я хотела, чтобы он этого не делал, потому что, святая мать Божья, его изогнутая бровь никуда не делась. Что означало: он был не просто красивым. Он был безумно прекрасным с его естественным кривоватым изгибом брови.

Будто бы и этого было недостаточно, я жадно вглядывалась в его тело. На нем была белая рубашка, которая растягивалась на его широкой груди и плотных накаченных мышцах. Он был явно тем, кто работал над собой. Мужественным. Сильным.

Возможно, ему было под тридцать. Он не мог быть моложе двадцати семи лет — возрастное ограничение в «Дозоре».

У него были большие руки, грубые, расслабленно лежащие на поверхности барной стойки. Никакого обручального кольца. Хотя я тоже свое не носила.

Когда я вернулась к его лицу, он смотрел, прищурившись и сосредоточившись на чем-то за моим плечом.

Из-за моей спины показалась рука и скользнула по стойке. Черный рукав. Мужская рука. С часами в ладони.

Жаркое дыхание опалило мое ухо, отчего позвоночник напрягся.

— Передайте мистеру Андерсону, — прошептал он. — *Время вышло.*

Когда я повернулась, мужчина был уже спиной ко мне и, скользнув в толпу людей, исчез. Я выдохнула. Ну, это было странно. Когда я повернулась обратно, мое внимание привлекли часы возле бокала с мартини. Часы марки «Timex» с фальшивый кожаным ремешком, цифры замерли на дате и времени «27 октября, 20.00». Это через месяц.

Я бросила взгляд через бар, но мужчина больше не пялился на меня, а опустил взгляд на черный вензель у него в руках. Мой желудок ухнул вниз. Он потерял интерес? Может, он просто давал мне личное пространство?

Потянувшись за клатчем у меня на коленях, я достала телефон и провела по экрану.

Я: До сих пор в студии?

Коллин: Скоро ухожу. Все в порядке?

Я: Встреча окончена. Дал мне сраный «Timex», чтоб я передала отцу. Трент собирает коллекцию дешевых часов, о которой я не знаю?

Я говорила Коллину, что встречаюсь с кем-то для Трента, но не болтала многое. Иногда мне нужно было организовать обед с крупным клиентом или очаровать инвесторов.

Коллину не нужно знать, что эта встреча вовсе не была встречей. Ему не нужно было знать о всем теневом дерьме, которое я делала для его отца. Это только прибавит ему чувства вины во всей этой ситуации.

Он бы стал задавать вопросы, а ответы сделали бы его соучастником. Как и меня.

Соучастником чего-то, о чем я не имела понятия.

Коллин: Хорошо, что ты в «Дозоре». Может, это шутка? Что он сказал?

Я: «Время вышло»...

Коллин: ЛОЛ. Наверное, дело в его странных богемских дружках-братьях.

Я не была уверена. Интуиция подсказывала мне, что что-то важное произойдет двадцать седьмого октября в восемь часов вечера. Я бросила часы в клатч. Завтра утром я попрошу одного из моих доверенных инженеров в отделе ИТ проверить их на наличие чипов, а уже потом отдам их Тренту.

Коллин: Ты собиралась домой?

Собиралась ли я? Я посмотрела через бар и попала в плен пары угрюмых глаз. Мы обменялись взглядом, но я понятия не имела, что это означало. Мужчина смотрел на меня так, будто был готов сожрать меня. Или причинить мне боль. Или, может, и то, и другое. И до сих пор и пальцем не пошевелил, чтобы это произошло. Может, он был женат. Можно подумать, у меня не было мужа. Или, может, злился, что своему телефону я уделяла больше

внимания, чем ему. Я улыбнулась, а его угрюмость только усугубилась.

Я: Мужчина пялится на меня. Жестко.

Колин: Надеюсь, он хоть не лысый и без ножа?

Боже. Он никогда не даст мне этого забыть. Хотя я и сама не смогла бы. Колин заставил меня поклясться на его жизни и на жизнях детей, что мои дни в погоне за Неуловимым закончились. Как бы дурно мне от этого ни было, я согласилась. Гонки не были безопасными. Хотя это не остановило меня от моего разрушения за закрытой дверью — абсолютный крах в жалких слезах прощания с гонками в тайном мире.

Я: Не смешно.

Колин: Нет, не смешно. Он горячий?

Горячий? Да он как средневековый воин. Мощные предплечья, широкие плечи, сильная челюсть, тяжелые брови, взгляд готового к битве мужчины. Мое тело томилось от желания двигаться. Я хотела пойти к нему, коснуться щетины на его щеках, сесть рядом и почувствовать кожу на его шее.

Я: Обжигает.

Колин: Что на тебе?

Я: Красное платье-рокабили.

Колин: Черт. Не удивительно, что он пялится. В этом платье ты выглядишь, как девушка на развороте журнала.

О, Колин. Улыбка согрела мои щеки. Я даже не понимала, как сильно мне был нужен этот непринужденный комплимент. Он придал мне силу, как непредсказуемые ноты саксофона, успокаивая чувство того, что моему мужу было недостаточно одной меня, что подземные гонки будут продолжаться и без моего присутствия, и что в моей сумочке лежали угрожающие часы.

Парень, у которого явно были проблемы с гляделками, казалось, не придал значения тому, что я улыбнулась своему телефону. Если он сожмет свой бокал еще сильнее, он его раскрошит.

Колин: Ты в чулках с подтяжками?

Я: Конечно.

Колин: В таком случае, я не думаю, что ты вскоре явишься домой. Не разбивай слишком много сердец.

А что, по его мнению, я делаю? У меня не было секса, кроме тех случаев, когда Колин выбирал мужчину, прощупав все его прошлое.

Кроме Неуловимого. Я бы трахнула его. Просто там, в лифте.

Я: Мне нужен Сэт.

Колин: Да, нужен. Он невероятный.

Ну конечно, сотри все в порошок. Я вернула телефон назад в сумочку, и положила ее на стойку.

Пожилой мужчина возле меня соскользнул со стула и побрел в толпу, оставляя рядом со мной пустое место. Пустое для другого мужчины. Мой пульс зашкалил. Я подняла взгляд, и мужчина все еще пялился. Только уже не на меня.

Женщина с сочными изгибами прислонила свое соблазнительное бедро к его колену. Короткое черное платье, белые платиновые волосы, яркая помада, красная настолько, что создавала кровавый блеск, когда она облизывала свои полные губы. Он откинулся на спинку барного стула, а его взгляд следил за пальцами, которыми она проводила вниз по его груди,

вокруг пуговицы на рубашке, исчезая под стойкой. Его глаза метнулись к ее, а губы округлились.

Я прикончила свой martini двумя глотками.

Черт возьми, я должна была пойти туда. Я все еще могу.

Боже, это самоуверенное декольте на показ. И ее молодая улыбка так полна соблазна. Она могла бы заполучить любого мужчину в этом зале. Я не могла винить ее за то, что она выбрала самого привлекательного.

Ее рот подергивался, явно нашептывая ему соблазнительную речь. У меня не было шанса украсть назад его внимание. Или попытаться сделать это. Выбрать незнакомца в баре наугад? Слишком рискованно для того, чтобы эгоистично провести ночь удовольствия.

Он провел костяшками пальцев по ее голому плечу, спускаясь вниз по руке, сжимая пальцами ее локоть и притягивая к себе. Мой желудок сжался, но я не смогла отвести взгляд, когда он склонил голову. Он придвинулся губами к ее уху и что-то шепнул.

Ее тело напряглось, когда он убрал свою руку с колен и развернул ее от себя. После он придвинул стул ближе к бару, отвернулся к ней спиной и прикончил свое пиво.

Свободна.

Ауч. Если бы это была я... Чертов ад, я не смогла бы справиться с отказом. Прошло две недели с тех пор, когда член Сэта обмяк во мне. И пять дней с тех пор, когда Неуловимый чуть не порвал мой рот своим членом и оставил ни с чем.

Моя уверенность в отношениях с мужчинами заканчивалась прикосновениями, поддразниванием, воздержанием и поцелуями. Ладно, прошло только пять дней, но было ли это знаком того, что дальше последуют недели или месяцы? Будущее, в котором я одна ложусь спать и слышу, как Колин забавляется с Сэтом? Нахер это.

— Так ждал, пока это ископаемое свалит, — глубокий голос прервал мою вечеринку жалости. — Наконец-то эта старая задница освободила место.

Очаровательно. Я переключила свое внимание от мужчины через бар на синие глаза в дюймах от моего лица.

Он сел, глядя на меня, и обхватил стул своими длинными ногами.

— Холден.

Холден излучал секс. Он плясал в его глазах, светился на щеках и дрожал в его голосе.

Его мальчишеская харизма вызвала улыбку на моих губах.

— Я...

— Самая красивая леди, которая облагораживает этот клуб. Не сходи с ума, но я смотрел на тебя с тех самых пор, как вошел.

Он окинул меня взглядом от макушки до бантиков, которые крепились к клешу на моем коротком платье. Когда его глаза вновь нашли мои, он помотал головой, улыбаясь.

— Ты настолько горячая, девочка. Здесь нет парня, который этого не знает.

Или я отчаянно желала комплиментов сегодня вечером, или он выбрал правильные слова.

Он наклонил белокурую голову, удерживая свою американскую улыбку, которая, казалось, появилась невольно.

— Ты и сам не плох, — я протянула руку. — Я — Кэси.

Его счастливое выражение не выдало и капли того, что он меня узнал, когда пожал мне руку и положил ее себе на бедро. Он был слишком молодым, что связать мое имя и внешность. Он, пожалуй, никогда и не слышал о Колине Андерсоне.

Хотя какая разница? Я все равно не пойду с ним никуда.

Пятнадцать минут спустя мы прошли этап обычных любезностей, сошлись на том, что в ретро-декоре скрыт провокационный подтекст, и поспорили о качестве игры квотербека «Чикагских Медведей» (прим. — футбольный клуб). В основном мы избегали всех личных вещей, даже если его взгляд на меня становился все более и более раскрепощенным.

Он наклонился, его нос оказался ко мне так близко, что он мог почувствовать мой запах.

— Поехали со мной домой.

О, ого... Быстро. Я убрала руку, даже если мои внутренности сжимались от приглашающего изгиба его полных губ и блеска в его похотливых глазах. Бесспорно, он был умопомрачительно красив, хоть и не переплюнул ту божественную красоту, на которую я пялилась не так давно.

— Нет, — мой взгляд метнулся через бар на стул, который стоял пустым с тех пор, как появился Холден.

Холден потянулся за моей рукой, и я отдернула ее.

— Кэси, я обещаю...

— Пройдись, погуляй, — незнакомый голос впитался в меня, словно насыщенный сладкий сироп. Голос, который мог принадлежать только... я обернулась, и, Боже — зеленым пленяющим глазам. Или они были желтыми? Явно обжигающими.

Он наклонился, согнувшись в талии, и кладя руку на спинку моего стула. Свет от подвесного лампы падал на его ошеломительное выражение лица и замысловатые оттенки в его глазах.

Золотистые радужки, обрамленные зеленым, были прикованы к Холдену.

— Вставь свой член в кого-нибудь другого. Она замужем.

Глава 14.

Кэси

Она замужем.

Я сильнее вжалась в сиденье барного стула и закрыла глаза. Понимание ударило в живот с такой силой, словно в меня швырнули кирпич.

Он пялился на меня весь вечер потому, что узнал. Я была уверена, что эти чувственные взгляды были сексуальными по своей природе, но, очевидно, знание того, что я была замужем, отбило охоту Холдена приблизиться.

Я вздохнула. Это было к лучшему.

— Она не сказала, что замужем, — голос Холдена звучал глухо и разочарованно.

Теплая рука сжала мое бедро. Слишком большая, чтобы принадлежать Холдену. Я вытаращила глаза на мужчину, чье имя мне еще неизвестно, пока тот наклонился к Холдену и прошипел:

— Моя жена абсолютно ни хрена не обязана тебе говорить.

Мои мысли сковало льдом. Каждая клетка в моем теле увеличивалась от его сладкого, словно сироп, голоса. Его жена? Так он не знал, что я была замужем? Смесь облегчения и замешательства пронеслась по моему телу. Он сказал это, чтобы пометить свою территорию? Заклеймить свое? Какой-то странный способ, чтобы получить желаемое.

Странный в своем сексуальном смысле.

Но это и пронзило меня чувством вины. Его вера в то, что я была свободна, заставляла меня чувствовать себя бесчестной. Но почему? Условно я не была замужем.

Холден посмотрел на руку на моем бедре и моргнул от угрожающего пристального взгляда мужчины.

— Твоя жена? Тогда почему ты сидел вон там весь гребаный вечер?

Мой муж скользнул рукой мне под юбку, резко послал мой пульс в космос, и его палец остановился на ремешке моей подвязки.

— У нас намечается небольшое веселье сегодня. Ролевая игра нашего первого свидания, — он одарил меня улыбкой, и она была такой обескураживающей, что я почувствовала, как трусики прожигали мою кожу. — Разве нет, малышка?

На мгновение я позволила себе представить, что знаю этого прекрасного мужчину и наслаждаюсь игрой и его теплой рукой на своей ноге.

— Мм-хмм.

Холден встал. Прежняя улыбка на его губах сменилась натянутой линией.

— Было приятно познакомиться с тобой, Кэси, — он окинул взглядом мужчину и пошел к выходу.

Мои легкие снова выпустили воздух, который я сдерживала, когда великолепный незнакомец прорычал:

— Кэси.

Если и было хоть какое-то признание в его интонации, то оно затмилось его темными бровями и абсолютной властью в характере.

Я сузила глаза, и каждая молекула в моем теле устремилась вниз, туда, где его пальцы ласкали мое бедро.

— А ты...?

Он опустился на стул Холдена, не убрав руку, его ноги расположились с двух сторон возле моих колен, и он приковал меня к себе тяжелым взглядом.

— Логан.

Я кивнула. Имя подходило к его серьезным грубоватым чертам. Я хотела спросить про его руку, которая все так же прикасалась к моему бедру, но я не хотела, чтобы он ее убирал.

— Зачем ты сказал ему, что мы женаты?

— Мне не понравилось, как он на тебя смотрел.

Столкновение с его взглядом и глубокий тембр его голоса разлили тепло по моему телу, без сомнения окрасив щеки красным румянцем.

Логан вскинул голову. Его волосы сексуально торчали, будто он привел их в беспорядок настойчивыми пальцами.

— Я слышал, как ты сказала ему «нет». Мне позвать его назад?

— Нет, — ответила я слишком отчаянно. — Я не заинтересована.

— А как насчет меня? — властная рука на моем бедре сжалась. Потом расслабилась. — Заинтересована?

Оу, позволь мне перечислить, сколькими способами. И каждый приведет меня к моему разбитому сердцу. Я посмотрела на его руку там, где она исчезала под моей юбкой. Его ладонь посылала жар к самому моему центру. Мне стоило сбросить ее, но мне слишком нравилось то, где она была.

Я заглянула в его золотисто-зеленые глаза.

— Это именно то, что ты делал весь вечер? Трахал меня глазами?

— Нет.

Нет?

Он протиснул пальцы между моими бедрами и поверхностью стула подо мной. Его тело закрывало вид от любопытных взглядов, но позиция была двусмысленной. Я сжала бедра вокруг его запястья, ловя его руку в ловушку и скрывая ее, будто это могло остановить перешептывания.

Ухватившись за сидение, Логан подтянул его по деревянному полу, освобождая руку, когда мои колени коснулись его джинсов в области его паха. Идеально сшитые джинсы, будто специально подобранные для его телосложения и формы. Проклятье. То, как материал облегал его заметную выпуклость, было непристойно.

Показательно, эротично, непристойно.

В ночном клубе был строгий дресс-код, согласно которому женщины должны придерживаться ретро-классики, а мужчины — эксцентрики.

На Логане была белоснежно-белая рубашка с воротником. Верхняя пуговица расстегнута, ткань обхватывала массивность его шеи.

Но его джинсы граничили с недопустимым.

Это было неважно. Никто не сказал бы ему «нет». С его игривым характером и пронзительным взглядом, у него был вид, который превращал затуманенную комнату в залитое красным светом место, с вождением блюзовых ритмов фортепиано в стиле рэгтайм.

Он был темной поэмой, сексуальным этюдом, миниатюрой восстания. Он был воплощением «Дозора».

И, Боже, эти глаза. Золотистые с насыщенными изумрудными каемочками, которые, казалось, горели все ярче от того, как долго он меня изучал. Вблизи он был еще более красив, и его красота была насыщена мужественностью.

Но лишь его сосредоточенный взгляд удерживал каждую клеточку в моем теле в бездыханном плену. Он пристально смотрел на меня, будто я была мучительным вопросом, который он не мог задать. Будто мог найти ответ в глубине, спрятанной в моих глазах.

Я приподняла подбородок.

— Просто спроси.

— Спросить что? — его правая бровь — дуга соблазнения, не двинулась с места.

Я хотела прикоснуться к ней, проследить пальцем по неотразимому изгибу. Могла ли я? Его губы раздражительно дернулись, но что он? Укусит меня? Я могла лишь надеяться.

Я медленно подняла руку, фокусируясь на его лице, ожидая клацанья зубов или рычания. Он просто сидел там, выровняв спину, опустив руки на свои бедра, развернув их ладонями к моим коленям между его ног, не совсем прикасаясь, но на расстоянии именно так можно было и подумывать.

Что-то в его напряженности, его нерешительности, заставило мою руку замереть в движении. Он не заставлял меня чувствовать себя в опасности. Это было больше похоже на то, что он был чересчур сдержан, будто то, что он усмирил в себе, вибрировало под его кожей в ожидании.

Он не дрогнул, когда мои пальцы коснулись его брови. Вообще, я даже не была уверена, дышал ли он. Я погладила полоску коротких волос, ощущая крепкую кость под ними.

— Ты выщипываешь ее, чтобы придать форму?

— Блядь, нет.

Я подавилась смешком. Колин был одержим выщипыванием, а этот парень тааааак на него не похож. Я проследила пальцем по вертикальной линии над его носом, вверх и над глазом, и задержалась на его виске.

— Так она сама по себе такая? Естественно выгибается выше, чем вторая?

— Это просто гребаная бровь.

Его глаза метнулись к моим, а остальное его тело неподвижно замерло.

Такой серьезный.

— Почему ты улыбаешься?

Я пожала плечами.

— Это сексуальная бровь, — когда его челюсть напряглась, я улыбнулась шире. — И это угрюмое лицо. Оно тоже сексуально.

Он закрыл глаза, его ноздри затрепетали. Может, я раздражала его? Облегчение в его взгляде только закрепило мою уверенность. Я *хотела* флиртовать с ним, прикасаться к нему, узнавать его. Он слишком хорошо выглядел и был слишком интригующим, чтобы я отпустила его.

С моими пальцами на его виске, я согнула ладонь и приложила ее к его щеке и челюсти, довольствуясь однодневной щетиной, которая грубо скрывала его теплую кожу. Он был настоящим. Не каким-то идеалом, который никогда бы не достиг уровня Неуловимого.

Он подался к моей руке лишь слегка, его глаза распахнулись, и взгляд в них был прикован к моему рту. Я приоткрыла губы и выпустила дрожащий выдох, ловя восторг от его вдоха.

Его глаза скользнули к белым волосам, которые были рассыпаны по моим рукам. Слава Богу, я их распустила. Ему, казалось, это нравилось — вдумчиво разглядывать волнистую длину. Будто он хотел прикоснуться к ним, потянуть, связать меня ими. Волны жара зарождались у меня между ног, вздымая грудь. Я сместила руку от его щеки к линии волос, скользя пальцами сквозь его густые каштановые локоны. Его глаза метнулись к моему горлу, и я сглотнула, порождая огонь в его блестящем взгляде.

К тому времени, когда он вернулся к моему лицу, ничего не существовало в этом мире, кроме него, меня и чувственной беседы, которую мы вели нашими взглядами.

Подойди ближе, говорил его взгляд. Его ноги раздвинулись шире, чтобы впустить меня.

Насколько ближе? Глядела я в ответ, соскальзывая со стула и прислоняясь бедрами к его бедрам. *Вот так?*

Взгляды столкнулись, Логан скользнул руками сзади моих колен, задерживаясь на краях чулок и вдавливая пальцы в кожу выше них.

Его глаза вспыхнули.

Ближе.

Сидя на барном стуле, с учетом моих пятнадцатисантиметровых шпилек, мы были на одном уровне. Это сработало на руку, потому что его ладони скользнули по моей спине, его твердая грудь прижалась к моей, а область его паха захватила мои бедра. Когда я схватилась за его плечи, жар его тела, запах шампуня, растопленное золото в радужках его глаз — все это окутало меня.

А быть окутанной Логаном — удовольствие, от которого поджимались пальцы на ногах. До такой степени, что я терялась в этом, терялась в нем, в волнах желания, которые пронзали меня. Я таяла на сильных мышцах его тела. Мои руки заключали его плечи в

петлю, ладони бродили по его затылку, а пальцы зарывались в волосах. Мои губы находились в миллиметрах от его, рот приоткрыт, язык касался зубов, а дыхание — громкое, отчаянное.

Его руки под моим платьем сместились, длинные пальцы свернули внутрь, мягко поглаживая внутреннюю часть моих бедер по краю чулок. Каждое медленное поглаживание на моей коже посылало электрические разряды вверх по телу. Моя киска пульсировала от жара, увлажняя трусики.

Но ни одно из этих ощущений не сравнится с интенсивностью наших взглядов. Я никогда прежде не была плененной чьим-то взглядом настолько, что каждый вдох, каждое прикосновение и каждая потребность пульсировали глубоко внутри от визуальной связи. Грубость прикосновения разбила все вдребезги.

Соблазнительные слова лишь вели нас по этому пути.

Наблюдать за тем, как он наблюдает за мной, было самой невероятной прелюдией, которая у меня когда-либо была.

Его большие пальцы протиснулись под подвязки сзади на моих бедрах.

— Вот сейчас... — его губы дернулись в поцелуе от моих. — Я трахал тебя глазами.

Интенсивная хрипотца его голоса расплавил меня, превращая в бесхребетную и очарованную массу, пока я пыталась разобраться, какие эмоции бурлят в низу живота. Эта близость, интимность, шепот — я жаждала всего этого. Взаимное желание. Неприкрытая страсть. Обещание большего.

Он скользнул руками вниз по бедрам, повторил движение в обратном направлении вверх и по сверкающей юбке.

Логан достиг моей задницы и замедлился, обводя круги на коже и сжимая. Когда я расслабила ягодицы под его ладонями, он наклонился и коснулся губами моего горла.

О, Боже! Я любила это. Жар его дыхания, смелость, властность его рук, легкая приподнятость его бедер, когда он прижимался эрекцией к моему разгоряченному центру. Твердое доказательство его желания распалило мои нервные окончания и зажгло мое сердце трепетом ожидания.

Его руки продолжили свое путешествие вверх по моему позвоночнику, обнимая мою шею и зарываясь пальцами и ладонями в мои волосы. Он схватил пряди в кулак, и заставил меня откинуть голову в сторону. Логан наклонил голову в другую сторону, когда притянул мой рот к себе, остановившись лишь за долю секунды до того, как наши губы столкнулись, удерживая меня в позиции пытки, когда единственная вещь, которая разделяла нас, это столкновение нашего учащенного дыхания.

Мои руки упали на его плечи, цепляясь за упругость и впиваясь пальцами. Ожидание стало болезненной вечностью, но чертовски стоило того, когда его язык коснулся моего рта. Дрожь прокатилась по моим конечностям, и я, не медля, раскрыла губы.

И тогда он поцеловал меня. Его рот стал опаляющей тюрмой, в которую я упала от блаженства. И падение было глубоким. Царапающим мою кожу, прокатывающимся по животу в глубине, превращаясь спазмами в бедрах.

О, эта глубина...

Целый космос сжался до пределов, пока не остались лишь я, он и этот поцелуй. Его язык плясал с моим, его губы двигались с агрессией и требовательностью. Я усилила хватку на его плечах, колени задрожали, а лицо горело от царапания о его щетину. Но, Боже, какой это был ожог!

Он прокатился по моей коже и растопил мои внутренности.

Поцелуй усилился, стал смелей, его язык трахал мой рот яростными толчками, а рука в волосах усилила свою хватку. Вторая его рука покоилась на моей заднице, притягивая меня к его возбуждению.

Я качнула бедрами, облизывая его рот, наши языки дрожали в пьянящем танце. Он был на вкус на Гиннесс (прим. — марка пива), немного зубной пасты и что-то теплое и экзотическое — и это был все он.

Мои ногти начали царапать его рубашку, врезаясь в его лопатки. Покалывание проносилось вниз и вверх по моим ногам, превращая их в желе. Но рука на моей талии крепко удерживала меня головокружительно близко. Его член был твердым, тяжелым весом за его шириной.

Стенки внутри моей киски сжались, до боли желая быть растянутыми. Я хотела трахнуть его. Прямо сейчас.

Прямо здесь.

Прямо здесь.

Блядь! Я оторвалась от него, и мы уставились друг на друга, тяжело дыша в поисках воздуха с влажными и опухшими губами.

Кулак в моих волосах исчез, опустившись ладонью мне на талию. Я положила руки на его грудь и быстро заморгала.

— Блядь.

Довольная улыбка коснулась уголка его рта.

Мурашки поднялись по рукам, а тело горело от возбуждении и волнения. Я отклонилась назад, осмотрелась вокруг бара, чувствуя себя раскрытой перед зрителями, голой и выставленной на показ.

Саксофон больше не играл, но народ все также толпился возле сцены. Напряжение курсировало по стопившимся телам.

Никто не смотрел в нашу сторону, ни единого взгляда не упало на представление у бара. Я выпустила маленький выдох облегчения, надеясь, что это была лишь моя смехотворная паранойя. Даже самой смешно.

Это был просто поцелуй, и пункт контракта об измене имел особенности. Должно быть *доказательство* связи на стороне.

Боже, то, как его язык трахал мой рот — это явно было тем, что может нарушить контракт. По сцене зашуршали шаги. Мужчины в бабочках зашаркали ногами вокруг фортепиано, барабанов и контрабаса.

Группа настраивалась на игру, но только личность, появившаяся перед микрофоном, дала понять, почему засуетилась толпа.

Огни потухли, и я повернулась к Логану.

— Уже был здесь прежде?

Он оглянулся вокруг.

— Нет.

— Значит, ты попал на самое вкусное, — я кивнула в сторону сцены, и его лицо тронуло замешательство, пока глаза впитывали все, что он видел.

Стоя между его бедер, я оперлась о его твердую ногу и опустила руку на его плечо, разворачиваясь к сцене.

— Ричард Чиз сегодня дает импровизированное выступление.

Его голова дернулась назад.

— Это его имя? Как шляпный сыр? (прим. — Логан обзывает певца «*dick cheese*», что является табуированным сленгом, и означает белую субстанцию, которая из-за правил несоблюдения гигиены мужчинами появляется под головкой члена. Имеет белый цвет и похожа на творог с затхлым противным запахом. Из-за фамилии певца «*Cheese*», что в переводе — «сыр, творог», происходит игра слов в оригинальном тексте с пошлым вульгарным подтекстом).

О, Боже. Я улыбнулась. Это могло стать главным ударом.

— Его стиль — рок и хип-хоп в формате лаунджа. На самом деле напевались пошленькие песни джазовым голосом. Это чертовски круто.

Его левая бровь прогнулась вниз. Он не выглядел убежденным.

— Если ты не слышал, как белый парень от всей души вопил «*My neck, my back, lick my pussy and my crack*», ты не видел жизни (прим. — дословный перевод «Мою шею, мою спину, оближи мою киску и мой крэк»).

— В таком случае, она мне явно нужна, — улыбнулся он, и я почувствовала это везде, и возбуждение ускорило мой пульс.

Звучание самых низких клавиш фортепиано полилось по залу, и затем последовали его высокие ноты. Когда к ним присоединился звук хай-хета (прим. — вид контролируемой тарелки в барабанной установке), народ в зале взбодрился.

Я схватила свой клатч с барной стойки и подозвала бармена. Он приблизился, и я передала ему клатч.

— Можешь спрятать под баром?

— Понял.

Логан схватил меня за талию, а глубокое «А-аа-аа» Ричарда Чиза зазвучало в крещендо.

Логан широко раскрыл глаза. Его тон был полон недоверия.

— Это «*Welcome To The Jungle*»? (прим. — «Добро пожаловать в джунгли»).

Кивая, я освободилась от его хватки и направилась в сторону толпы возле сцены, к танцевальной площадке, которую десять лет назад мы с Колином просто порвали. Тогда я танцевала, чтобы выделиться среди толпы. Но время меня изменило. Изменились мои желания. Мне не нужно было внимание целого зала. Мне нужно было лишь *его* внимание.

Я почувствовала, как Логан последовал за мной, когда пересекла площадку, походка — полная соблазна, уверенная, а длина моих ног приковывала к себе взгляды, давала иллюзию того, что я тяну носочки с каждым чувственным шагом. Бедрa покачивались в такт бита. Я вытянула руки вверх и растаяла в музыке. Мое тело расслаблялось с каждым шагом, руки скользнули по плечам, изгибам моей груди, силуэту талии. Когда барабанщик коснулся тарелки, я остановилась, оглянулась через плечо, глядя вниз на свою задницу и виляя ею в такт каждого потрескивающего удара. Подняв глаза, я всмотрелась в Логана. Подбородок был опущен, а взгляд из-под лба устремлен на меня. Он хищно подбирался ко мне, преследуя меня, пока закатывал рукава рубашки.

Он собирался танцевать? Мое сердце выпрыгивало из груди, а кожа воспалялась. Я поманила его пальцем, покачивая бедрами и отходя назад. Ступая спиной вперед, я ни на секунду не отводила от него взгляда, не хотела из-за страха, что он мог исчезнуть.

Я скользила по танцполу, двигаясь в такт, мой мозг проигрывал наш поцелуй, вспоминал жар его рта, ловкость его языка, и я знала, что этого было недостаточно. С этим мужчиной я хотела большего. Может я и не была такой умелой в снятии парней, как раньше,

но, черт возьми, я все еще была привлекательной. Неуловимый отверг меня по причинам, не связанным с моим внешним видом, учитывая тот факт, что он никогда не видел моего лица.

Контракт был тем, что отбивало у меня охоту, снова и снова. Ну, время истекало. Моложе я не становилась.

Нахрен Трента и нахрен мой брак с отсутствием секса в нем. Потому что просто сейчас избегать пустой кровати дома казалось мне гораздо важнее, чем плясать вокруг контракта.

Я заслужила одну ночь. Одну ночь в стиле «Нахер все это! Живи на полную. Так, будто контракта не существует!».

Сегодня ночью я собиралась перевернуть мир Логана с ног на голову. На танцполе. И в его кровати.

Оттаивая в покачивании расслабленных тел вокруг, распустив волосы перед красивым мужчиной, который изучал каждое движение моего тела с похотью в глазах, я чувствовала себя легкой. Когда я была подростком, я ненавидела уроки танцев, которые навязывали нам с Колином, но именно по *этому* я и скучала.

Стрессы от моей карьеры, карьера Колина, украли это. Сегодня я возьму все обратно. Когда в ритм влилось звучание труб, я поймала взгляд Логана и провела ладонью от своего подбородка к ушам, вскинув руки вверх под удар тарелки.

Он рассмеялся и помотал головой, стоя на краю танцевальной площадки, засунув руки в карманы.

Тяжелый гул фортепианных клавиш установил ритм моей походки, когда я театрально прошагала к нему, скрещивая лодыжки одну перед другой и сгибая колени под накатывающую барабанную дробь.

Он вынул руки из карманов, его поза была расслабленной, сексуальной, *готовой*.

Когда подряд последовало три удара тарелки, я повела подбородком от плеча до плеча под каждый удар. После я развернулась, скользнув спиной к его переду, и качнула задницей перед его эрекцией. Его рука обернулась вокруг моего бицепса, и Логан развернул меня к себе, закинув мою руку себе на шею, а его тело выгнулось надо мной в изящную дугу. Логан провел костяшками пальцев от моего локтя к изгибу груди, оживляя мою кожу своим прикосновением. Вторую руку он распластал на моем животе, посылая своей грудью огонь по моей спине. Наши тела двигались в быстром ритме барабанных ударов.

Песня закончилась на протяжном, резком звуке трубы, и зал залили аплодисменты.

Я повернулась в его руках под ритм следующей песни, к которому тут же присоединились низкие басы протяжного голоса Ричарда Чиза «Do you feel that? Ohhhhh shit» (прим. — «Ты чувствуешь это? Оооо, черт»).

Прижимаясь к его телу, против жара которого невозможно сопротивляться, я обняла руками его шею и опустила щекой ему на грудь, следуя за движением его бедер, и позволяя медленной мелодии протекать через мое тело.

Когда бит ускорился, я поняла, что он узнал песню, когда откинул голову назад и разразился смехом.

После его взгляд опустился к моему, в уголках появились морщинки из-за того, что он улыбался, когда напевал «*Down With The Sickness*» в стиле джаз (прим. — «Сбит наповал болезнью»).

В мелодию вмешалась труба, и недоверие породило улыбку от уха до уха на его лице.

— Фокстрот.

Прежде, чем я смогла ответить, его рука была в моей, а другая скользила по моей спине,

и мы крутились на танцполе.

Наши сплетенные руки взлетали вверх и падали вниз, он резко увлекал меня к себе, чтобы я не пересекалась с другими парами, вел наш шаг с шокирующей скоростью. Свободной рукой я впиалась в его лопатку, с легкостью воспроизводя по памяти двойной шаг.

Он прижимал меня близко к себе, ближе, чем кто-либо должен прижимать в фокстроте. Но его шаг оставался синхронным, наши движения были скоординированы, а химия между нами уже достигла уровня стратосферы. Когда мы переместили наши руки к его груди, уверенно скользя по танцполу, сумма всех моих желаний пронеслась по венам, словно жидкий огонь. *Это был самый сексуальный танец во всей вселенной.*

Его сердце билось возле моего, когда мы соприкасались телами. Боже, он выглядел потрясающе, пах невероятно, и, когда он вращал меня под своей рукой, я не хотела, чтобы это великолепие когда-либо закончилось.

Но песня походила к концу. Решится ли он еще на один танец? Или оставит здесь, переводить дыхание?

Я нашла глазами его лицо, а он уставился на меня в ответ опаляющим взглядом. Если это не было ответом, то склонение его головы и изгиб его губ — были. Наши языки подрагивали, пока мы переводили дыхание. Тела разгорячились и вспотели, а руки хватали, ласкали и дрожали.

Я потащила его назад.

— Я возьму сумочку.

Логан ухватил мое лицо руками и поцеловал с такой яростью, от которой у меня закружилась голова, и пульс начал стучать в ушах.

— Возьму пиджак. Встретимся снаружи.

Он прошел в гардеробную, пока я поспешила к бару. Как только я оказалась там, я со скоростью молнии написала сообщение Колину.

Я: *Ухожу с ним.*

Колин: *С мистером Обжигающим?*

Я: *Слишком рискованно?*

Колин: *Он знает, кто ты?*

Я: *Не думаю.*

Колин: *Будь осторожной, шлюшка.*

Я: *Как всегда, придурок.*

Колин не осуждал меня. Никогда. Но мы жили и работали в сообществе с двойными стандартами. Очень мало кто заметит, как мужчина ложится в постель к другому, потому что «Эй, мужчины ведь всегда возбуждены. Им нужно трахаться и распространять свое семя».

Но как общество воспримет женщину, которая отсосет одному мужчине, а через пять дней отправится домой с другим? Шлюха? Шалава? Пустая потаскуха?

Сколько из этих так называемых шлюх просто одиноки? В поисках значимой связи в улыбке, объятье или оргазме? Сколько из них надеялись найти *вечную* связь?

Я собрала свою уверенность и смелость, чтобы выйти из клуба, чтобы проглотить отрицание и боль, которая безоговорочно придет, а потом развернулась и вышла.

Я хотела быть одной из этих женщин всем своим сердцем, но обстоятельства окружили

меня одними ограничениями. Даже если я найду свою *вечность* в интрижке на одну ночь, я не могла сохранить ее.

Я удерживала эту мысль на поверхности разума, когда выходила. Но в момент, когда я сделала шаг за порог, мерзкое семя неуверенности начало прогрызать себе путь в моем горле. Что если он передумал и ушел? Или вообще не собирался оставаться?

Было не по сезону тепло для сентября в Чикаго, и я не брала пальто. Когда я повернулась посмотреть вниз по улице, мягкий замшевый пиджак накрыл мои плечи.

Великолепное лицо появилось перед моими глазами, освещенное светом уличных фонарей, словно нимбом над головой. Облегчение прокатилось через меня, выгибая губы в улыбку.

Логан сжал мою руку.

— Давай прокатимся.

Его длинные шаги просто пожирала тротуар, пока я пыталась угнаться за ним.

— Спешешь, Логан? — мои ступни на шпильках горели, когда я бежала за ним, едва поспевая. — Куда мы направляемся?

Удерживая мою руку в своей, Логан дернул меня в следующий пролет и прижал спиной к каменному выступу. Он прижал локти к стене по обе стороны возле моей головы. Вес его тела вжался в мое, ускоряя мое сердцебиение от нуля до девяноста в минуту.

Он склонил голову и его губы проследовали по линии моей челюсти, стремясь к чувствительному месту за ухом. По мне пронеслась дрожь. Приятная дрожь, которая расслабляла мышцы и возвращала меня в прежнее ощущение блаженного притяжения. Его язык кружил вокруг моей мочки, втягивая ее в рот. Он всосал брильянтовую сережку-гвоздик, которую мне подарил Колин, полизывая и прикусывая, и отпустил ее прежде, чем я засмеялась от щекотки.

— Мы собираемся в отель, — он кивнул на дверь возле меня.

Вывеска над моей головой гласила «*The Bells Hotel*».

Оу. Это застало меня врасплох. Может потому, что я не знала, что здесь был отель. Может потому, что я предполагала, что мы собирались к нему.

— Ты проездом...

— Я просто не пропускаю эту ночь.

Еще один сюрприз. Но если подумать, мы не говорили, не делились личной информацией.

Я подняла взгляд к его умопомрачительным глазам.

— Откуда ты?

Логан перенес свой вес на другую ногу, а его тело накрыло мое. Считать выражение его лица было невозможно.

— Послушай. Ты... — его глаза сместились от моих губ к бедрам, зрачки расширились, а челюсть сжалась. — Ты чертовски великолепна. Самая невероятно сексуальная женщина, которую я когда-либо встречал.

Моя грудь наполнилась теплом, но я знала, что сейчас последует «но».

Он потер затылок.

— Но все, что у нас есть, это одна ночь. Я ни секунды не хочу тратить на разговоры. Ты сможешь смириться с этим?

Я хотела рассмеяться, но это было жалко и просто уничтожило бы меня. Историю моей сексуальной жизни вообще можно сложить из таких «одних ночей». Одна ночь — это все,

что у меня когда-либо могло быть.

Поддевая пальцем ремень на его джинсах, я притянула его ближе к себе.

— Это я поняла.

Мой голос звучал уверенно. А вот разум...

Глава 15.

Логан

Пульс стучал в висках, мысли становились тяжелее с каждым шагом к двери комнаты отеля. Где-то между фразой «У нас есть только эта ночь» и короткой поездкой в лифте, мое настроение изменилось. Заряженное влечение, которое притягивало нас в клубе, превратилось в презренное жужжание, роящееся между нами, пока мы шли. Она нервничала. Я сам выбрал скорость шага, потирая ключ-карту между пальцами, а каждая клеточка моего тела тянулась к ней. Кэси не произнесла ни слова с тех пор, как мы вошли в фойе, и тишина была странной горой, словно возвышающейся над нами. Это было сумасшествием после того, как без усилий мы сливались на танцполе.

Была ли она на грани того, чтобы передумать? Если я прикоснусь к ней, возьму ее руку в свою, толкнет ли ее это через край? Заставит ли ее бежать? Она сказала, что не была заинтересована в том хере — как его звали? — Холден? Его льстивая улыбка просто кричала, о том, что тот мужчина-шлюха, что стало бы простым решением для Трента.

Может быть, она повелась бы на его лицемерие. Или, может, она вообще не привыкла клеить мужчин.

Если не считать того, что ее, кажется, ничего не останавливало от того, чтобы отсосать мужчине в лифте. Я заскрипел зубами. В итоге ей отлично удалось спрятаться.

Так она волновалась о том, что ее увидят в отеле с парнем, который не был ее мужем? Но я уже проверил комнату сегодня вечером, и мы не встретили ни единого человека в этом маленьком пустом отеле.

Кэси, должно быть, переживает по поводу чего-то другого.

Общая нервозность из-за секса с незнакомцем?

Рамки в том, с кем изменять? Или тревога о том, что одной ночи будет не достаточно?

Все это крутилось в моей голове. Ладони вспотели, живот скручивало от паники и чудовищности моего поступка. Ловушка, камеры, предательство, которые завтра будут переданы ее свекру.

Предательство, которое будет в ее глазах, когда она узнает.

Кожу стягивало, а в горле разрастался горящий ком. Я не хотел быть в таком положении. Господи, я не хотел вредить ей. Когда я шел рядом с ней, видя, как мой пиджак облегал ее хрупкую фигуру, меня охватывало рьяное желание защитить ее. Трент направил мою руку, не оставив мне другого выбора, кроме как пойти против своих принципов и помочь ей совершить измену только потому, что я не мог вытерпеть мысль о том, что это сделает кто-то другой.

Меня пронизывало еще одно чувство — голод натягивал все внутри меня. Я хотел отвести ее в комнату при других обстоятельствах, где не было бы секретов, где я мог бы изучить ее без притворства и узнать женщину на Дукатти.

Это было то чувство, за которое я цеплялся, то, которому ни мой разум, ни мое тело не

сопротивлялись. Я до боли жаждал ее, хотел ее больше, чем кого-либо, и на одну ночь она была моей.

— Мы на месте, — я остановился в конце коридора, провел ключ-картой по замку и придержал перед ней дверь.

Кэси стояла на пороге и всматривалась в комнату за моей спиной. Я оставил свет включенным, и теперь он падал на ее красивое лицо.

Несмотря на пиджак, который на несколько размеров был больше ее и поглощал ее плечи, скрывая трепет, который сочился из каждой ее поры, она выглядела невероятно готовой, такой умной и сексуальной в ее ярком винтажном платье. Ткань облегалась ее изгибы. Классический стиль, в котором она не выглядела как шлюха. Высокое декольте со вкусом скрывало то, что я уже и так знал — идеальной формы сиськи. Она была чрезмерно необузданной, ищущей внимания женщиной далеко за двадцать, секс с которой я бы не забыл. Ее неуверенность ушла на второй план, и она превратилась в совершенную мыслящую женщину с опытом, который соответствовал ее миллионной зарплате. Вместе с белыми волосами, которые струились по ее плечам, с кремовой гладкой кожей ее ангельского лица, сногшибательной фигурой и красотой, от которой пропадал дар речи. Но она не решалась. Я обернулся назад на желтоватые обои, старое покрывало и потертый напольный ковер. Может, это место было слишком низкопробным для ее завышенного вкуса?

Нет, она ласкала меня как женщина, которой было наплевать на это дерьмо. Не так, как ее матери. Но на что ей было не наплевать?

Кэси скользнула вниз руками по своему платью, прижав их к плоскому животу, грудь вздымалась под тканью, натягивая ее. Кейси прикусила нижнюю губу, ее синие глаза сосредоточились на чем-то внутри комнаты, и они были так полны глубоких мыслей, что втягивали меня, заставляли изучить все о ней, кроме причин, которые не имели ничего общего с ее семьей.

Она посмотрела на пустой коридор. В этом старинном отеле было три этажа и, возможно, в общей сумме двадцать комнат. Администратор сказал мне, что на третьем этаже кроме меня сегодня нет никого. Она могла порвать глотку, выкрикивая мое имя, и никто ее не услышит.

Господи Боже, простая мысль об этом заставила мои глаза сфокусироваться на ее губах. Грешный рот, который преследовал меня с той ночи в лифте. Наблюдая за ней, все, что я хотел знать — включая вещи, которые я никогда не подозревал, что хотел — вместились в ее глубоком взгляде. Ее заботы, ее желания, ее мучительная красота кружились в завораживающем запутанном танце, постичь который за одну ночь я не мог даже надеяться.

Ее глаза больше не смотрели в комнату, и я встретился с ней взглядом.

— Я знаю, что разговор не на повестке дня, но я... — она втянула воздух, потом выдохнула. — Мне нужно сказать тебе кое-что.

Мое сердце пропустило удар. Сказать мне что? Что она была замужем? Дерьмо, может, она раскроет что-то принципиально значимое, или, может быть — если мне действительно может настолько повезти — она расскажет мне все, и мне можно будет пропустить всю эту шараду с должностью генерального директора.

Я терпеливо удерживал ее взгляд с открытым выражением лица, даже если логика подсказывала мне, что она никогда не раскроет секреты незнакомцу.

Кэси ступила в комнату, достаточно, чтобы я мог закрыть за ней дверь, и остановилась возле стены. Ее угрожающее признание повисло между нами.

Сняв мой пиджак с плеч, она положила его и свою сумочку на стуле возле нее.

— Ладно, — она повернулась ко мне лицом, плечи расправлены, и голова слегка закинута назад. — Я просто обязана сказать это.

Господи, то, как она посмотрела на меня — столько разных эмоций столкнулось в ее взгляде, ни одну из которых я не мог прочесть, но, что бы она ни думала, я знал, что она сконцентрирована на мне. Мое тело покалывало от ожидания.

— Ты мне нравишься. То есть... — ее губы приоткрылись, полуприкрытые глаза скользнули вниз по моему телу и вернулись к лицу. — Боже, я люблю то, как ты смотришь на меня, как прикасаешься ко мне, — она оперлась о стену, складывая руки за спиной. Возбуждение разливалось румянцем на ее щеках. — Твой рот, ощущение твоего языка на моем, твой поцелуй.

Я облизал свои губы, а член набухал с каждым ее словом.

— Это все твое. Всю ночь.

Ее очаровывающая улыбка коснулась глубины, притягивая меня к ней с шокирующей силой. Мои ноги двинулись вперед, тело накрыло ее, и я прижался руками к стене, загоняя ее в ловушку.

Кэси потянулась вверх, и ее пальцы принялись возиться с пуговицами на моей рубашке, не расстегивая их, просто теребя, мучая меня. Ее улыбка померкла.

— Я не делаю такого рода вещи без... — она прочистила горло и заставила себя поднять глаза. — По некоторым причинам, я не вступаю в такие отношения, всегда провожу расследование и требую контракт о неразглашении.

Мои внутренности сжались. Хоть и понадобилось невероятное количество контроля, но мне удалось сохранить расслабленность и бесстрашие на лице, пока я внимательно смотрел на нее сверху. Кэси только что признала, что и раньше спала с другими и делала это по контракту. В итоге, ее игра с Неуловимым была исключением, поскольку она думала, что я не видел ее лица.

Я хотел верить в то, что наш момент в лифте был особенным для нее, что то, что проскочило между нами, было уникальным. Ее бред о неразглашении разрушил это понятие, что сделало то, что я собирался сделать, чертовски легче. Это была ее интрижка за спиной «Тренчент». Ее выбор — она изменяла своему мужу по собственной воле.

Кэси распростерла руку на моей твердой, как сталь, груди.

— Сегодня... *это*... на самом деле импульсивно для меня... так что я... думаю, я попрошу тебя дать мне слово о том, что ты не используешь это против меня, — она сглотнула, а ее голос превратился в тихий и неуверенный шепот. — Пожалуйста.

У меня во рту пересохло. Она предполагала, я не знал, кто она такая, и, конечно же, был отличный шанс того, что я выясню это позже. Я мог бы узнать ее фото где-нибудь и использовать нашу грязную интрижку в прессе.

Я не мог обвинять ее в перестраховке, даже если на этот раз ей это не поможет.

Мучительный укол совести обжигал мое горло. Я проглотил его вместе с воспоминаниями о моей матери, с ее теплом и терпением, ее искренней улыбкой, крепкой любовью.

Семья Кэси забрала ее у меня, оставила меня без единого члена семьи. Детский дом для мальчиков не был настолько ужасен, но, Боже, как я соскучился по ней. И до сих пор скучаю.

Мне нужно было остановить «Тренчент Медиа» До того, как они разрушат еще чьи-либо

жизни.

Укрощая чувство вины и скорби на моем лице, я наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Не думай о том, кто ты... — я прижался губами к ее щеке, — или о том, что ты прячешь. Я просто хочу похоронить себя глубоко в тебе на следующие несколько часов.

Кэси выдохнула под мою ловкую правдоподобную ложь. Когда все это закончится, надеюсь, я смогу уйти, не распавшись на части.

Я подогнул колени и прижался бедрами к ней, проводя носом по линии ее шеи и заполняя свои легкие медовым запахом ее кожи.

— Сегодняшняя ночь станет нашим секретом. У тебя есть мое слово.

Ложь обожгла мое горло, словно кислотой, но испарилась, как только ее тело обмякло под моим. Не важно, сколько лживого дерьма я скормлю ей сегодня, я не солгу сам себе. Было невозможно отрицать то, как она на меня влияла.

Необузданность в ее улыбке, опыт в ее глазах, ее неоспоримая красота — Господи, даже ее эротическая поза, когда ее ноги обхватывали байк — превращали ее в создание из фантазий.

Я скользнул пальцами по ее губам, ныряя между ними и увлажняя каждый кончик. Сколько раз я мастурбировал с воспоминанием ее рта в лифте, тепла ее губ на моих под шлемом, и ласк ее языка на моем члене, пока я удерживал ее на месте за косу?

Порыв жажды вибрировал у меня между ног, натягивая яйца. Пульс с грохотом выбивал в венах, когда я запустил руки в ее волосы и развернул ее лицо под углом, сокращая расстояние между нами. Ее учащенное дыхание щекотало мои губы, и голое желание светилось в глазах.

Я обрушил свой рот на ее губы, преследуя язык агрессивными ударами и кусая ее губы с яростью, от которой стучало в ушах. Ее тело дрожало под моим, а ее кулаки впились в мою спину, сминая рубашку пальцами.

На вкус Кэси была как чистота и сахар, но ощущалась, как чертов порок. Это только еще больше заставило меня хотеть ее. Сладкая дрожь прокатилась по моему позвоночнику. Мой член напрягся под неправильным углом под ширинкой.

Не отпуская ее губ, я вынул руки из ее волос, поправил пах, и потянулся к подолу ее юбки. Следуя по подвязке на ее чулках, я изучил линию ее трусиков на соединении бедер и киски. Давление моих колен на внутреннюю часть ее лодыжек заставило ее расставить шире ноги, открываясь для моих пальцев.

Первое касание между ее ног усилило болезненную пульсацию между моими. Я разорвал поцелуй и прислонил голову к стене возле ее головы, скользя пальцами по углублению ее щелки, скрытой под кружевом.

— Ты так чертовски промокла, — стон завибрировал в моей груди. — Так чертовски возбуждена, — она насадилась на мою руку, а ее пальцы вцепились мне в спину, притягивая ближе. Кэси подняла на меня затуманенный, прикрытый веками взгляд.

— Пожалуйста, Логан.

Мой член дернулся, а самоконтроль начал спадать. Я сжал перед ее трусиков и резко дернул их. Тонкие полоски ткани на ее бедрах разорвались. Я бросил их на пол и сунул руку между ее ног.

Когда мои пальцы коснулись пирсинга на ее клиторе, я намеренно замер, будто не ожидал этого, и позволил ей услышать мой вздох. Я так отчаянно хотел схватить это кольцо и описывать им круги, пока она не кончит, чтобы закончить то, что я начал несколько ночей

назад. Но мне придется использовать другую технику, иначе она сравнит меня с Неуловимым.

Захватывая ее губы своими, я дразнил ее рот резкими толчками. Она стонала от поцелуя, ее бедра выгибались все сильнее с каждым надавливанием или потягиванием ее стального кольца.

— Оно чувствительное? — я прикусил ее нижнюю губу. Она помотала головой.

— Оно усиливает ощущения.

Я был до сих пор сбит с толку и *чертовски возбужден*, думая о том, что под дорогой роскошной одеждой ее клитор украшает драгоценность.

— Было больно?

— Ааа, чувство — приятное, — полусмех-полустон вырвался против моего рта. — Это пирсинг на клиторе. Он безболезненный. Боже... — ее вдох оборвался, когда я с силой потянул за него. — Это было так давно, что я едва ли помню.

Я вытянул пальцы, поглощая ее влажную бархатистую киску своей рукой.

— Она невероятно горячая, — прошептал я над ее ухом. — Голодная, — я вошел в нее двумя пальцами. Кэси выгнула спину, а ее руки сжались вокруг моих ребер. Кэси качнула бедрами, насаживаясь на мою руку, откинув голову назад. Ее губы блестели от влажности моего поцелуя. Грудь качнулась в клетке ее платья. Дикая. Порочная.

Поражающая.

Я сводил и разводил пальцы внутри нее с каждым толчком, мои костяшки касались ее промокшей плоти, а большой палец массировал клитор. Ее внутренние мышцы сжались в ту же секунду, когда ее тело напряглось.

Судорожный восхитительный стон ее освобождения наполнил меня жаждой удовлетворения. Я намеревался разрушить ее для ее мужа и для любого мужчины, который подписывал ее сраный контракт о неразглашении.

Убирая руку, я развернул ее у двери, и с силой шлепнул по заду.

— На кровать.

Она, покрасневшись, удивленно посмотрела на меня через плечо. Вот черт. Если она не думала о Неуловимом до этого, то теперь, очевидно, было наоборот.

Нахер это. Многие мужчины шлепают по заду своих женщин, а я хотел, чтобы ее задница блестела розовыми отметинами. Пусть объясняет следы своему мужу.

Я приложился ко второй ее ягодице, вызывая ее хриплый вдох.

— Нагнись над матрасом. Лицом вниз. Ноги на полу. Расставь их.

Я пытался откинуть интимность, но, когда она отбросила покрывало и так легко последовала моему приказу, холод лизнул мой позвоночник. Мои легкие были переполнены воздухом, а член ныл в ловушке джинсов. Я никогда в своей жизни не был таким твердым.

Я стал позади нее и впился взглядом в сердцевидную форму ее задницы, красная материя ее платья едва ли закрывала киску.

— Смотри вперед. Опusti руки возле головы на матрасе.

Она сделала так, как я сказал, и выдохнула свою собственную команду:

— Презерватив.

Подползая позади ее напряженных ног, я подтянул свою ночную сумку по ковру. Делая вид, что я ищу презервативы, я достал телефон из заднего кармана и открыл приложение, которое контролировало беспроводные камеры.

Я расставил маленькие «глазки» в каждом углу комнаты, спрятав их в шкафах, в

картинной раме на стене, настенном светильнике и под столешницей позади меня. Высокопрофессиональное доказательство.

Как только камеры начнут запись, я собирался сохранить ее обнаженность настолько сокрытой, насколько возможно. Кто знал, что Трент собирался сделать с фотографиями? Если преступление было только в измене...

Я запустил руку в волосы. Бесспорно, это будет унижительная, потенциально скандальная эротическая запись, и она не должна быть приятной. После того, как я извлеку и обработаю видео, удалив все кадры с моим лицом, финальная запись покажет нарушение контракта и ничего больше.

Все, что мне нужно было сделать, это нажать «пуск» в приложении.

Все, что мне нужно было сделать, это проигнорировать чувство вины, которое вгрызалось в мое влечение к ней. Мне хотелось ненавидеть ее за то, что она так старательно соблазнила меня.

— Логан? — ее лодыжки в сексуально высоких шпильках дрогнули, она вдавила кулаки в матрас возле своей головы.

Я до боли сжал челюсти, когда провел пальцем по экрану, и включил камеры.

Не думай об этом.

Просто наслаждайся ею.

Я бросил телефон в сумку, схватил упаковку с презервативами и бросил ее на кровать перед ней. После я встал на колени позади нее.

Подвигаясь ближе — достаточно близко, чтобы она почувствовала мое дыхание на своих бедрах — я изучал ее восхитительные ноги от самих пяток до ягодиц. Роскошные черные чулки растянулись на ее коже, заканчивались над коленями, поддерживаемые подтяжками, которые выглядывали из-под края ее платья. Если бы я поднял этот край, я нашел бы набухшую плоть, насыщенную ее возбуждением. Ее согнутое положение и широкая стойка также откроют передо мной вид на ее анус — одно из отверстий, в которое я собираюсь опустошить себя за несколько часов сегодняшней ночи.

Нетерпеливый жар между моих ног возгорался с возрастающим желанием и похотью. Я схватил ее бедра и скользнул языком по своей нижней губе, увлажняя ее, а потом медленно протянул губами по внутренней части ее колена, над краем чулка и вверх по ее бедру.

Платье собралось складками на моем лбу, когда я облизывал ее плоть от кольца пирсинга до сморщенной точки на ее попе, углубляясь в ее шелку с каждой лаской и слизывая ее сладкий вкус.

Мышцы ее ног расслабились и задрожали, когда ее попа качнулась к моему лицу. Я почувствовал ее жажду каждым своим органом, и вернул ее Кэси пылким языком, царапанием зубов и жесткими толчками моей руки.

Господи, я не смог бы вытащить свои пальцы из нее, даже если бы попытался. Она была такой чертовски узкой, такой шелковистой и теплой. Если бы я мог сформировать полноценное предложение, я бы сказал ей это.

Вместо этого я использовал свои губы, чтобы выразить свое восхищение, облизывая и посасывая, вращая языком вокруг сжатого отверстия ее попки, когда мои пальцы все жестче вколачивались глубже в ее киску.

Щетина на моем лице была влажной и скользкой, каждый дюйм моей руки был покрыт ее соками. Блядь, я любил это. До такой степени, что было легко забыть о том, что дома ее ждал мужчина.

Удерживая свое лицо впереди, а руки на кровати, как я и приказал, она закричала, когда мои пальцы довели ее до второго оргазма. Когда конвульсии ее внутренних стенок стихли, она замолчала. Она, казалось, ушла в себя. Обняв себя руками, она спрятала их под телом. Она вжалась лицом в матрас, и я не был уверен, дышит ли она, пока сдержанное всхлипывание не донеслось до моих ушей.

Мой желудок рухнул вниз. Какого хера?

Я оседлал ее дрожащее тело и вытащил руки из-под нее.

— Кэси?

Она повернула голову. Синие глаза широко распахнулись и блестели, а щеки сверкали румянцем от освобождения. Самый прекрасный вид, который я когда-либо видел.

— Боже, это было... — она потерла лицо рукой, смахивая ускользнувшие слезы. — Черт, как неловко.

Я убрал прядь волос за ее ухом.

— Не смущайся. Это было чересчур?

— Нет, — улыбка задрожала в уголках ее рта. — Это просто... — Кэси закрыла глаза и выпустила выдох. — Это было очень давно, Логан.

Что-то внутри меня шевельнулось — покалывающее, беспокойное чувство, накрывающее мои конечности и облегчая бремя в теле.

— Давно?

— Когда мужчина удовлетворял меня, — ее глаза распахнулись, глядя в мои. — Годы.

Мотая головой, она рассмеялась, но в этом не было ничего смешного.

Так Колин Андерсон не удовлетворял свою жену орально?

Ладно, это было причиной, чтоб изменить ему, но, серьезно? Яйцеголовый дебил. Мне хотелось спросить, когда у нее в последний раз был секс, но то, что он не удовлетворял ее, не означало, что он не дробил в нее по три раза на день.

Беспольный огонь пытался разорвать мою грудь. Я отказывался думать о Кэси с ним, не хотел рушить легкое ощущение, которое поселилось во мне секунды назад. Я дал ей кое-что, в чем она нуждалась.

— Не буду врать, — я наклонился к ней и прижался губами к ее мягкой шее. — Я очень счастлив, что мне удалось разрушить это «сухое проклятье».

Полный желаний вздох слетел с ее губ.

— Я тоже.

Она и правда чувствовала себя так? Она вообще чувствовала себя связанной со мной — с парнем, которого она только что встретила?

Может быть, я не хотел знать, не хотел думать о той части меня, которая чувствовала что-то глубже, что-то, что я отчаянно хотел заменить.

Я пробежался подушечками пальцев по ее губам, заставляя ее дыхание ускориться. После я отклонился назад, опершись на колени по обе стороны от ее ребер. Пытаясь усмирить собственное дыхание, я потянулся за полами ее платья и вошел в нее пальцем, осторожно выставляя ее тело для камер.

Ее возбуждение покрыло мою руку, ее тело до сих пор было готовым, распутным, настолько чертовски сексуальным. Слава богу, потому что боль в моем члене настолько повысила температуру тела, что потребность трахнуться струилась под кожей.

Я приложил все усилия, чтоб не наброситься на нее как дикий зверь, когда наклонился над ее головой, схватил презерватив и накрыл своим ртом ее ухо.

— Взгляд перед собой. Не двигайся.

— Такой властный, — она улыбнулась и повернула голову к стене перед собой.

Мгновение спустя мой, до боли твердый член, был покрыт латексом, и расположен у ее входа. Обвив руками ее хрупкую талию, и став своими кедрами возле ее шпилек, я притянул ее бедра к своим и на полную длину своего члена вошел в ее киску.

Мои глаза закатились, дыхание перехватило, и мышцы трясло от потребности двигаться.

Горячий, узкий, скользкий рай. Но в этот эйфорический момент — будучи погруженным в жену Колина — я знал, что это неправильно.

Мой отец изменял моей матери. Одному Богу известно, сколько жизней он разрушил. Разрушит ли это жизнь Колина? Должно ли?

Какое оправдание Кэси предоставит ему сегодня? Как она объяснит, где была? Какого хера она вообще изменяла ему?

Мое зрение было затуманенным, а пульс достигал критической скорости. Острые судороги подергивали мое тело, усиленные тисками из ее мышц вокруг моего члена. Кипящий жар собирался на моей шее. Я хотел использовать ее, наказать ее, заставить ее проглотить мою злость.

Я вколачивался в нее бедрами, впивался пальцами в ее талию и вбивался в нее с последней каплей моей силы. Она кричала, хватаясь руками за кровать. Я сжимал ее еще сильнее, припечатывал ее, трахая бессердечно, без самообладания, без контроля. Вытаскивал член, вколачивался им обратно, вытаскивал, и снова вколачивался. Никаких нежных ласк. Никакой неловкости. Это было грубо, злостно, бездумно.

Я трахал ее с безумной дикостью, которую я жаждал выместить на женщине, но никогда не смел. Я трахал ее, пока ее голос не охрип от криков, а ее тело не напряглось от боли, и прямо перед тем, как достичь края своего освобождения, вытащил член.

Я не мог кончить. *Я бы не кончил.* Не так.

Трясущимися пальцами я разгладил ее юбку и уселся на краю кровати возле ее бедра. Мои мышцы горели от напряжения, дыхание вырывалось краткими выдохами, а голова кружилась, будто я только что смирился с тем, что сделал.

— Логан.

Это был требующий шепот, несмотря на грубость, которая также присутствовала в нем.

Чувство вины наполнило мой желудок свинцом, вот только это не относилось к делу. Потому что в момент, когда я встретился с ней взглядом через плечо и увидел выражение чистого изумления на ее лице, я понял, что это она только что *поимела меня*. Она не сжималась от страха и не хныкала, как девственница. Ее улыбка сказала мне, что я только что исполнил самую откровенную фантазию — такую, которую воплотил бы ветреный придурок с наглостью клеймить ее, бросить лицом вниз на матрас и вколачиваться в нее в бешеном темпе. Ленивое покачивание ее бедер говорило, что она могла принять то, что я мог давать ей всю ночь напролет, хотела клеймо от огня от траханья со мной, хотела быть сломленной снова и снова моей сдерживаемой злостью.

Будучи шокированным до неведанных глубин своего естества и до боли возбужденным, я отвернулся и сжал свой член, пытаюсь замедлить дикий приток крови, который пульсировал по всей его длине. Я показал ей жестокость и ярость, которая собралась внутри меня, позволил ей увидеть их во всей сияющей красе. Черт, я вколачивался чуть ли не в ее матку. И она приняла меня, толкалась мне в ответ с улыбкой на губах, пока ее гипнотические глаза умоляли о большем.

Кэси была опасным отвлечением, именно таким, которого я не хотел. И все равно она была тем, кого я искал, но не знал об этом.

Я был в заднице.

Я наклонился вниз, якобы развязать шнурки на кедах, и схватил телефон из сумки, удерживая его над полом, чтобы она не смогла его увидеть.

Она толкнулась бедром в мое бедро, а ее хриплое дыхание задрожало над моим плечом.

— Я не знаю, что это было, или почему ты не кончил, но ты не закончил.

Дело было сделано, но она была права. Я никогда не закончу с ней.

— Я даже не начинал, ты, ненасытная сучка.

То, что мы сделали... было только для камер. Для мести. Возможно, я был эгоистичным ублюдком, но остаток ночи был только для меня.

Я коснулся экрана телефона и остановил запись камер.

Глава 16.

Кэси

Будучи не в себе и чувствуя себя, словно желе, я покачнулась на своих шпильках и наклонилась над матрасом, прижавшись к нему лицом, пока нервные окончания под моей кожей зудели от близости с мужчиной возле меня. Мужчиной, который только что трахнул меня так, что я забыла свое имя.

Боль пульсировала между ног, навсегда запечатлев опаляющее чувство, которое осталось после его толчков. Мышцы на моей талии выкручивало там, где его руки удерживали меня внизу. Горло горело от того, как сильно напрягались голосовые связки.

Но в груди чувствовалось облегчение, а разум очищался. Остальное мое тело находилось в состоянии истомленного удовлетворения и тревожного ожидания.

Я даже не начинал, ты, ненасытная шлюха.

Господи, он сказал это таким пронизывающим тоном, что мои легкие наполнились льдом. В то же время, я содрогнулась от восторга. Логан давал мне такое же обещание своим темным взглядом через бар. Оно было мне нужно.

Возможно, это было правдой. Разве не это стало причиной, по которой я рискнула карьерой и угрозой Трента свободе Колина, и пришла сюда? Разве не для того, чтобы провести ночь и потеряться с этим мужчиной? Чтобы забыть о последствиях?

Я думала о том, как стояла в двери отельной комнаты, не решаясь. Я почти спасовала. Почти упустила самый интенсивный секс в своей жизни.

Своей рукой он впивался в мою ногу, а его бицепс напрягался и расслаблялся от того, что бы он там ни делал.

Я не решилась пошевелиться в своем положении лицом вниз, но развернула голову под углом, и впитывала вид на него, сидящего на краю кровати.

— Что ж, я думаю, мои крики можно было услышать на Чикаго Авеню. Странно, что соседи до сих пор не постучали в дверь.

Логан не поднял голову, но в его смешке разлилось тепло и удовольствие.

— Очевидно, в «The Bells Hotel» сегодня нелюдно. Весь этаж в нашем распоряжении.

Согнувшись в талии и опершись грудью на бедра, он, оказывается, снимал обувь. Узкая V-образная форма низа его спины напряглась, и мышцы под кожей перекатились. Он до сих

пор не снял свои джинсы. Даже не расстегнул ремень, учитывая, как свободно они висели на его заднице. Я бы понаблюдала за половиной его члена, торчащего из-под джинсов, если бы его рубашка не была заправлена.

Я не могла видеть его спереди, и мне оставалось лишь представлять порочные вещи с его членом. Выглядывал ли он из его ширинки? Был ли твердым и загнутым вверх к его животу, пока он развязывал шнурки?

Я сжала бедра вместе. Я так и не увидела, как он кончил. Даже не видела его голым, но у меня было прекрасное представление его размера. Я почувствовала глубину боли и удовольствия от его вколачивающейся длины. И потому, что я была ненасытной шлюхой, мне нужно было знать, остался ли он возбужденным, и соответствовал ли его член упругости его тела.

Поднимаясь на руках, я сползла с кровати и, качаясь, встала на ноги. Логан поднял голову в это же время, будто ждал, и наблюдал за моими движениями.

Он выпрямил спину, черный кед в одной руке, а его член — в другой. Гулкий стук моего пульса был всем, что я слышала, а желание между ног пульсировало в его такт. Он был невероятно твердый и огромный, торча из расстегнутой ширинки его джинсов. Пальцами он придерживал его за основу, безжалостно сжав. Презерватив все еще был покрыт моей влажностью.

Я думала, он казался огромным под слоем джинсовой ткани, но, видя его раскрытым и набухшим, наполнившим его кулак — Господи, неудивительно, что мое тело болело от бедер до пупка.

Логан бросил обувь в сторону. Возбуждение расширяло его зрачки и спадало тяжестью на его веки. Но было в нем что-то еще — беспокойная эмоция, обостряющая уголки его глаз. Строгость в них крутилась в моей груди теплом, спокойствием и безопасностью. Это было правильным. Будто я нашла сама себя, и, возможно, раскрыла все, просто здесь во вражеской интенсивности его взгляда.

Что это вообще означало? Что я хотела быть во власти и под контролем, или быть взятой? Что меня нужно трахать до мозга костей с ненавистью в каждом толчке? Зачем ему ненавидеть меня?

Нет, не то. Ко мне взывала его страсть, его огонь и яд. Это было горячо, смело и исполнено борьбы. Все это я приветствовала, даже если и на одну ночь, чтобы заполнить пустоту в моей груди.

— Если ты собираешься пялиться на меня, делай это после того, как снимешь одежду, — его голос был ровным и сладостно сексуальным, как и первое скольжение его сжатой в кулак ладони по члену, которой он провел по всей своей длине.

Со следующим скольжением он снял презерватив. Он бросил его на пол, и продолжил ласкать себя, сильнее, быстрее, толкаясь бедрами и трахая свою руку. Его взгляд так и не оторвался от меня. Эротический вид воспалял мою кожу и плавил кости. Логан был таким чертовски сексуальным, что за это можно было посадить в тюрьму.

Щетина на его челюсти отсвечивала медным цветом в свете люстры. Его густые ресницы дрожали, когда он поглаживал себя, и он разорвал зрительный контакт, чтобы посмотреть на свой кулак. Его губы раскрылись в рваном выдохе.

Губы, созданные для того, чтобы шептать грязные слова. Сильные ноги для баланса и скорости. Руки — для того, чтобы причинять боль и манипулировать удовольствием. А толстый член для того, чтобы растягивать...

Шлепок его ладони по моей заднице прозвучал у меня в ушах, а болезненный ожог от жара разлился по моей спине. От шока у меня перехватило дыхание, и я пошатнулась на каблуках.

Он поймал меня за локоть и использовал это, чтобы перекинуть через свои бедра, задрав мое платье.

— Подожди. Что ты...?

Резкая, жгучая боль воспламенила мою задницу с еще одним ударом его руки, а мой пораженный крик превратился в стон. Я распадаюсь на части от удара, напрягаясь и вздыхая. Потом наступила настоящая порка, его рука опускалась на каждый дюйм моей раскрытой задницы, кожа на которой уже горела. Опустив руку на мою спину, таким образом прижав меня животом к своим твердым бедрам, он без передышки шлепал меня по заду.

Ожидание каждого удара лишь подливало масла в огонь, который разгорался в моем теле, но я боролась с ним, просто чтобы видеть его ответ. Чтобы понять, как сильно он хотел этого, чтобы увидеть, стоило ли оно того. Его взгляд на мое лицо был даже более сосредоточенным. Я могла почувствовать, как он наблюдает за моей реакцией. Если бы я этого не хотела, он бы остановился. Моя улыбка выдавала ложь, которую показывало мое тело. Логан боролся со мной одной рукой, пока взмахивал надо мной второй, все это время удерживая меня грудью возле своих бедер. Мои руки были свободны, и я использовала их, сжав кулаки и отбиваясь ими по его ребрам, смеясь и — *сукин сын, это был болезненный удар* — постанывая, пока его шлепки становились сильнее и быстрее.

Вот оно.

Я выгнула локоть и ударила его, так сильно, как только могла, в возвышающуюся эрекцию возле моего бока.

— Аааах, блядь! — он дернулся назад, опустив руки на член, и подогнув колени к груди, когда я сползла с него. Его лицо исказила боль, а глаза превратились в угрожающие щелочки. — За что это, мать твою, было?

Я выскользнула подальше от него, сбрасывая шпильки и потирая свой саднящий зад.

— *За что это было? У меня задница горит!*

Выражение боли сменилось дьявольской усмешкой. Логан встал и расстегнул рубашку.

— Я сказал тебе снять свою одежду.

Теперь я знала, что может быть, если я послушаюсь его приказа. Прикусив губу, чтобы подавить улыбку, я попятилась назад. Он ступил ко мне с неумолимым выражением на лице, играя мышцами на теле, словно рыча и подбираясь к добыче.

Меня переполнял трепет от преследования, желудок сжался, а кожа горела желанием почувствовать его прикосновение. За несколько футов от стены я остановилась и вскинула голову.

— Заставь меня.

Логан бросился вперед, обхватив меня руками, и врезавшись грудью в мою грудь. Мы попятились назад, и он по-прежнему наступал, вжимаясь твердым телом в мое, загоня меня в ловушку у твердой опоры позади меня. Опустив руку на мою задницу, а второй упершись в стену, он склонил ко мне голову.

В момент, когда наши губы столкнулись, между нами что-то проскочило — взрывное освобождение от оков. И, Боже всемогущий, мы сдались. Наши языки ударились друг о друга, а тела переплелись. Мои руки устремились в его волосы, удерживая его передо мной,

когда я с трудом вдыхала между быстрыми движениями его губ.

Ничего нельзя было сравнить с этим. Сравнить с ним. Потому что он не просто целовался. Он трахался со мной ртом, растягивая и властвуя, орудуя языком, вытягивая из моей груди все, и вымещая это на моих губах.

Логан целовал меня жестко, глубоко и с дикой властью. Он целовал так, будто никогда не собирался меня отпустить.

— Избавься от этого, — он проскользнул рукой по моей спине, ища молнию, пока его рот продолжал брать мой.

Его руки неистово шарили по мне, царапая и впиваясь в меня. Я улыбнулась у его губ, но не пошевелила и пальцем, чтоб помочь ему.

Его настойчивость разжигала еще больший огонь в моих венах.

Наконец-то справившись с молнией, он собрал юбку в руках и стащил платье через мою голову. Наши рты рассоединились, когда он потянул и растянул материал, заставляя меня поднять руки вверх, чтобы избавиться от него.

Он отпустил, и платье выпало из его руки. Логан выглядел необузданным и мучительно утонченным.

В этом свете каштановый оттенок его волос больше походил на светло-русый, возможно, с примесью рыжеватого. Кончики торчали острыми пиками после моих рук. Его расстегнутая рубашка обрамляла массивность голой точеной груди.

Его джинсы висели недопустимо низко на бедрах, молния ширинки натянулась вокруг толщины его члена. Он обвил его пальцами, лениво поглаживая, пока его глаза шарили по моему телу.

Было что-то еще в грешном возбуждении от лицезрения мужчины, который прикасается к своей эрекции, а Логан поднимал это зрелище к непостижимому уровню. Я оперлась о стену для поддержки и облизнула губы, чувствуя в них покалывание.

— Боже, Кэси. Посмотри на себя.

Я взглянула вниз на свое тело: на красный кружевной бюстгальтер, черный сатин и усыпанный стразами пояс для подтяжек, на прозрачные чулки, чья длина заканчивалась на бедрах. Прищурившись, я снова заглянула в его глаза. На что посмотреть? На дорогое нижнее белье? Или на мое тело, которое приближалось к сорока годам? Я скрестила руки на животе.

Логан присел на корточки, впившись глазами в голый кусочек кожи бедер, который теперь находился на уровне его глаз. Его взгляд касался всей меня, кроме единого места, будто не мог решить, с чего начать. Ласка его пальцев зажигала внутреннюю часть моих бедер, ямочку на талии и тянулась по ребрам.

Взгляд Логана скользил за его пальцами, а спина поднималась и опускалась от тяжелого дыхания. Рельефные мышцы на плечах подергивались с каждым движением. Он сфокусировался на мне каждой частью своего тела.

Никто прежде и никогда не смотрел на меня так, будто ничего не было до этого момента, и ничего не сравнится после.

Странное чувство натянуло мое горло. Я не знала, что с ним делать. Будучи под влиянием странного трепета, я сморозила чушь:

— Мне больше не двадцать.

Он уткнулся лбом в холмик над моей киской и простонал.

— Черт, как же я благодарен за это.

Это удивило меня, и заставило спросить:

— Сколько тебе?

— Тридцать два.

Его волосы защекотали внутреннюю часть моих бедер, когда его рот прижался к месту между моих ног. Это было единственным предупреждением, когда он сжал пирсинг и потянул его одними лишь зубами.

Его нападение могло быть болезненным, но его язык, святой ад... Несколькими движениями языка по необходимым точкам, от чего поджались пальцы на ногах, он довел меня до еще одного оргазма так быстро, что у меня закружилась голова.

Хватая ртом воздух и трясясь от своего высвобождения, я посмотрела вниз.

— Господи, Логан. Хватит. Я не могу.

Дуга его брови дернулась. В следующий момент его руки были везде, яростно срывая с меня бюстгальтер и подтяжки, пока мы шли к кровати. Вслед полетели чулки.

Пока он боролся с моей одеждой, мне удалось снять с него рубашку. Я все еще возилась с его джинсами, когда он схватил меня за талию, оторвал мое тело от пола и бросил меня.

Я приземлилась на кровать, и он тут же последовал за мной, стягивая и сбрасывая джинсы и боксеры. Наконец-то оказавшись голым, он накрыл меня, коснувшись бедрами моих бедер, скользя одной рукой по ребрам и сжимая пальцами сосок.

Вторая его рука сжала упаковку с презервативами. Грудь к груди, кожа к коже. От веса его тела по коже рассыпались мучительно приятные чувства. Его член толкался в мой вход, пока он рьяно потирался об меня тазовой костью.

Он начал возиться с фольгой презерватива, взяв ее в рот и вонзившись в обертку зубами.

— Блядь, детка. Я настолько сильно хочу оказаться в тебе, что становится больно.

Я выхватила презерватив из его рук и потянулась между нашими горячими и влажными телами, раскатав латекс по его длине и направив его. В мгновение, когда я убрала руки, он вонзился в меня.

Наши лбы соприкоснулись, и мы застонали в унисон. Глубоко и безжалостно, его член растянул и наполнил меня. Частота его толчков успокоила искры удовольствия, рассыпавшиеся по моим ногам. Я поднимала бедра с каждым его вколачиванием, но, когда он нашел свой ритм, я просто замерла вверху. Он двигался быстро и болезненно дико, его атака была безудержно жестокой, пока она вдавливалась в меня снова и снова.

Матрас поскрипывал под его ударами, его задница выгибалась под моими руками. Логан удерживал свой вес на руках, опершись ими по обе стороны от моей головы, пока его тело растягивалось над моим. Он поймал меня им в клетку.

Врезаясь в меня сильнее, глубже, его бедра вжимали меня в матрас с каждым толчком, от чего я смещалась выше по матрасу, пока не коснулась головой изголовья кровати.

Это было грубо и безрассудно. Остов кровати ударялся о стену, и с каждым толчком мои внутренности проваливались в пропасть. Но в этот раз все было по-другому. Я чувствовала больше интимности, чем в первый раз, будто единственное, что было между нами, это... благоволение.

Логан держал мое лицо в своих руках, а жар в его глазах показывал мне, насколько невероятно это было. Поглаживание его больших пальцев по моим щекам говорило мне, насколько он наслаждался моим телом. И, когда он захватил мой рот своим, его рьяные движения языком показали мне, насколько сильно он хотел меня.

Что-то теплое, жаждущее и полное надежды зародилось у меня в груди. Его не нанимали, чтобы заставить меня так чувствовать себя. Его оплата не зависела от того, как он

себя покажет. И он явно был здесь не для того, чтобы удовлетворить Колина.

Он был здесь исключительно для меня.

Но *«навсегда»* мне не видать. Черт, я даже не могла надеяться на еще одну ночь.

Я закрыла глаза, потом снова распахнула их. Он был тем горячим парнем в баре. Его толстый член был создан для того, чтобы унять мою боль. И это был секс — дикое и невероятное траханье.

И ничего большее.

И я впитаю каждую секунду этого.

Поцелуй становился более настойчивым и горячим, а твердость его ствола подводила меня к грани. Рукой я запуталась в его волосах, пока жар курсировал вверх и вниз по моим бедрам. Я выгнула спину, соски напряглись, а ногти впились в его кожу.

Когда я достигла оргазма, пронзающий стон разорвал мое горло. Я дернулась вверх от волн оргазма, которые накатывали на меня снова и снова. Взрыв в моем теле расплавил все мои внутренности, обрушиваясь у меня в груди и уводя его за собой.

Будь я проклята, если это не самая невероятная вещь на свете, которую я когда-либо испытывала — чувствовать, как содрогается его тело надо мной и наблюдать, как чувственная плоть его нижней губы только что ускользнула из плена его зубов, когда он отпустил ее. Взглядом Логан впился в меня и отпустил губу, открыв рот и зарывав с невероятной силой. Его мышцы сотрясло. Массивная шея натянулась, и он безжалостно врезался бедрами, отдавая мне все до последней капли своего высвобождения.

Запах секса наполнял воздух. Наша кожа была скользкой от пота. Но, несмотря на истощение и возбуждение, мы не могли оторваться друг от друга, не могли посмотреть в сторону, будто наша жизнь зависела от того, как долго продлится этот момент.

Опустив голову, он припал своим ртом к моему, скользнув губами вдоль по моим губам в нежном признании. Я почувствовала его благодарность в движении его языка, его изумление — в тяжелом дыхании, и мольбу в том, как нежно он покусывал мои губы.

Он скатился с меня. Его прекрасное тело упало на вторую половину кровати, грудь до сих пор часто поднималась и опускалась от напряжения. Одной рукой он снял презерватив и бросил его на пол. Второй — потянулся к моей руке, переплел наши пальцы и положил мою руку к себе на грудь.

Я пыталась не думать, как эта простая связь заставляла меня чувствовать себя, и вместо этого сосредоточилась на его прерывистом тяжелом дыхании и успокаивающей ласке его большого пальца по моим костяшкам.

Когда наши сердца успокоились, я ожидала, что он уснет. Стоило ли мне разбудить его перед тем, как уйти? Или лучше пропустить прощание и ускользнуть, даже не прикасаясь к нему больше?

Его дыхание изменилось, и он пошевелился возле меня.

— Перерыв окончен.

Перерыв?

Я прыснула со смеху.

— Ты, наверное, шутишь?

Логан резко наклонился вперед, хватая мои бедра и подтягивая между своих ног. После, закинув мои колени к себе на плечи, и подняв мои бедра вверх, он зарылся лицом у меня между ног.

Я не думала, что это возможно, но он это сделал. Заставив меня бороться, тяжело

дышать и стонать, он заставил меня кончить еще раз.

Когда дрожь в моих конечностях утихла, Логан опустил мои ноги на кровать, громко шлепнул меня по задку, и его глубокий голос зарокотал над моим ухом:

— Твоя очередь.

Так оно и было. Я взяла его в свой рот, а после он взял меня у стены. Потом он трахнул меня на столике в ванной, отымел на комодке и на полу в позиции по-собачьи. Когда его палец попытался проникнуть в мой анус, я толкнулась к его прикосновению, и он трахнул меня и туда тоже.

Мы выпили всю воду из мини-холодильника до, во время и после. Он достиг оргазма всего два или три раза, но этот мужчина был чертовой секс-машиной, а его выдержка была нечеловеческой.

Неважно, насколько истощенной до мозга костей и пересыщенной я была, требовался один-единственный поцелуй, чтобы снова и снова возбуждать меня. Наши губы так долго находились в плену друг друга, что вкус солода и мяты в его дыхании уже проник в мои вкусовые рецепторы. Все, что я могла ощущать, — это его вкус.

Прошли часы, дни, вечность. Мое тело распласталось на нем, его сильная рука прижалась к моей талии, а вторая зарылась в моих волосах. Времени не существовало.

Но как только я допустила эту мысль, реальность вернулась. Моя работа. Мой муж. Наш контракт.

Время.

Я бросила взгляд на часы. Было 3.36 утра.

Пора выбираться из этого сна и уходить.

И больше никогда его не увидеть.

Я скользнула щекой по его груди и приоткрыла веки, налившиеся тяжестью:

— Останься еще на день... Два. Неважно. Просто останься.

Рука в моих волосах напряглась. Он отдернул ее, поднимая мою голову и располагая мое лицо напротив его. Пока он пялился на меня, в его золотистых глазах пронеслись миллионы мыслей. Он обдумывал это?

Его кулак сжался.

— Я просил об одной ночи, Кэси. Ты сказала, что поняла.

Я не смогла найти в себе силы, чтобы даже слотнуть. Я серьезно имела в виду то, что сказала, но с небольшой поправкой.

— Я не хочу быть твоей единственной ночью. Я хочу быть лучшей.

Его точеное лицо с темной щетиной, смягчилось.

— Ты уже ею стала.

Его ответ лишил меня способности двигаться, когда рука в моих волосах расслабилась, опустившись, что заправить прядь волос мне за ухо. Ласка продолжилась по линии моей челюсти и к моим губам. Это было не соблазнение. Это было прощание.

В его глазах появились невысказанные слова. Их глубина пленила, закрывая в себе. Все, что не было сказано, создавало черную пропасть между нами, глубокую, неизведанную и неизбежную.

Пора было уходить.

Я проглотила поднимающийся ком в горле, и выбралась из постели. Не анализируя, не оглядываясь через плечо, я взяла телефон в кресле у двери и написала сообщение Колину.

Я: *Вышли машину. «The Bells Hotel».*

Я ненавидела будить его по ночам, но он знал, какого водителя прислать, чтобы забрать его жену из отеля в такое время. Мгновение спустя на телефон пришло сообщение.

Колин: *15 минут.*

Я оделась в тишине и поблагодарила свою сраную силу воли, когда бросила мимолетный взгляд на кровать.

Логан лежал на спине. Простыни собрались складками на его талии, взглядом он следил за мной. Он сложил руки за головой, и от вида его рельефных бицепсов мой рот наполнился слюной. Даже сейчас, будучи истощенной и чувствуя боль, я не могла удержаться, чтобы не проследить по линиям его точеного тела. Сохранить его в своей памяти.

Что-то, чего я никогда не делала прежде. Моя обычная неловкость после секса заканчивалась на том, что я голышом шла назад в свою комнату, избегая мужского взгляда на свое обнаженное тело.

Но, стоя здесь, одетая и встревоженная, с сумочкой под мышкой, я искала... *что-то*... в его нечитаемых глазах. *Что угодно.* Открыв моему взору свою божественную наготу, он встал с кровати и сократил расстояние между нами.

Прижав ладонь к моему затылку, он притянул мои губы к своим, потом оставил поцелуй на лбу и в волосах.

— Я не забуду тебя, Кэси.

Он отклонился назад, и слабая улыбка приласкала его красивые губы.

Я кивнула и вернула ему улыбку, пока отчаянная мольба карабкалась вверх по моему горлу.

Одна ночь.... Ты сможешь смириться с этим?

Я прикусила язык, и отошла от него.

Мои внутренности трепетали и скручивались в узел, когда я выходила за дверь.

К тому времени, когда я пересекла пустое фойе и вышла за порог отеля, меня мутило от мерзких уколов прощания.

Я ускорила шаг, когда увидела черный лакированный лимузин у тротуара. Пассажирская дверь распахнулась, когда я приблизилась, и ко мне потянулась знакомая рука.

Колин втащил меня внутрь и закрыл дверь.

Когда лимузин покатился вперед, он обнял меня за плечи и притянул к себе.

Я бросила сумочку и опустила руку на его бедро.

— Тебе не обязательно было приезжать.

Но я была рада, что он это сделал. Мы всю дорогу домой могли сплетничать, как школьницы, о грязных вещах, которые я проделывала с горячим незнакомцем. Я позволила своей голове расслаблено покоиться на его предплечье.

Он протянул ноги в салоне. На нем были джинсы и кожаные комнатные тапочки.

— Мы все равно не спали.

Мы?

Я выровнялась и прищурилась в сторону темной стороны лимузина. Конечно же, откинув голову назад и закрыв глаза, там сидел Сет.

Все внутри меня сжалось. Колин доверял ему, но мое чутье — нет. Одна вещь — спать с женатым мужчиной, но совсем другая — стать свидетелем того, как жена этого мужчины возвращается домой из постели другого. Он знал слишком много о нашем образе жизни и он мог уничтожить нас, видя все грязные детали.

Колин прижался губами к моему виску.

— Не переживай насчет него. Я истощил его, — он отклонился назад, чтобы посмотреть на меня под блеском верхней подсветки в машине. — Ты и сама выглядишь довольно истощенной.

Впервые за несколько часов я подумала о том, как выгляжу. Спутанные волосы, помятое платье, размазанная тушь, отсутствие трусиков. Засосы и опухшие губы.

Веки горели от болезненного чувства потери. Я мечтала о такой ночи, как эта, так много раз, и жаждала такого мужчину, как Логан. Мужчина в точности как он, по факту, с темным шлемом и властным характером. И теперь все это закончилось. Теперь он исчез, и я даже не уверена, был ли он на самом деле.

Колин прижал ладонь к моей щеке, поглаживая пальцем там, где я еще чувствовала тепло от щеки Логана.

— Твоя истощенность делает тебя только красивей, — улыбнулся он. — Расскажи мне все.

Даже в четыре часа утра короткие волны его угольно черных волос были идеально зачесаны. Его голубые глаза блестели от предвкушения, когда он устроился на своем месте и ждал.

Я хотела выплеснуть все. Танец, отсутствие разговоров, свою неуверенность, выдержку Логана и боль, которая до сих пор свирепствовала в моем желудке. Я посмотрела в противоположную сторону лимузина, и заметила глаза Сета.

Ублюдок. Он был любовником Колина, а не моим лучшим другом. Я не могла поделиться подробностями моей интрижки перед ним. Он просто еще одним способом вмешивался в отношения между мной и Колином.

Я похлопала Колина по бедру, пялясь на него.

— Это было мило.

Его рука напряглась вокруг меня. Он знал, что я не стану разговаривать, и знал, почему. Когда я подняла на него взгляд, он пялился на Сета с печалью на лице. Колин наклонился к моему уху, и прошептал:

— Справедливо. Но я хочу услышать все, когда мы доберемся домой.

Я кивнула прищурилась, когда заметила странное выражение на его лице.

— Что?

— Держу пари, о гонках ты сегодня и не думала, — он потер свой подбородок. — Или о своем сексуальном приключении в лифте с мистером Таинственным.

Он был прав на счет этого. Логан успешно овладел каждой частью меня, в том числе, и мыслями в моей голове.

— Нет. Не думала, — я посмотрела на Сета, и он закрыл глаза. Улыбка зарождалась в уголках его рта. Мне и вправду не нравилось то, что он был в курсе моей встречи с Неуловимым.

Колин глубже вжался в свое сиденье, опустив руку на мою спину и притянув меня к своей груди.

— Звучит так, будто сегодняшняя ночь успокоила ту боль, которую ты в себе вынашивала.

Эти слова доказали, насколько хорошо он меня знал. Я не раз упоминала о своей злости после встречи с Неуловимым. Черт, я едва ли могла признаться в этом сама себе.

Неуловимый.

Одна мысль о его имени посылала дрожь по моему телу. И это было тем, что сбивало меня с толку.

А когда я думала о Логане? Та же самая проклятая дрожь. Я отказывалась ждать двух мужчин. Я не хотела двоих.

Я хотела одного. *Того единственного*. Спутника, любовника, кого-то, кто сможет держать меня возле себя всю ночь напролет и целовать меня, когда я проснусь утром. Того, с кем я смогу вступить в схватку. Того, кто будет *бороться* за меня.

Я хотела легендарную любовь. Любовь, которая проявит себя в самой высшей степени. Таковую, которая заполнит пустоту в моем сердце простым прикосновением, мыслью, молчаливым взглядом.

Но обстоятельства не позволяли мне такого рода отношения. Так что я заполняла свою пустоту сексом, надеждой, которая, возможно, принесет...что-то большее, чем борьба и интрижка на одну ночь.

Это я находила в обоих — в Неуловимом, и в Логане. Но успокоила ли хоть одна из этих ночей мою пустоту?

Я была более чем уверена, что просто поменяла одну головную боль на другую.

Глава 17.

Кэси

На следующее утро я пыталась заставить свои ноги, больше напоминавшие желе, передвигаться, пока шагала по коридору от лифта. Часы «Timex» казались тяжелым весом в моей руке, а кончики пальцев ног упирались в носки проклятых туфель. Но я прятала больше, чем все это. Например, засосы вокруг моих сосков, красные отметины на моей заднице и боль между ног. Очень приятную боль.

Улыбаясь самой себе, я повернула за следующий угол, выровняв спину и подняв подбородок вверх. Походка была расслабленной, а тело скользило в гладкой уверенности профессионализма.

Милая белокурая ассистентка Алисия улыбнулась мне и поприветствовала обычным «Доброе утро, миссис Бэскел», и я, ответив ей, свернула в сторону крыла Трента. Несмотря на боль во всем теле и нехватку сна, от которой ныли все кости, я чувствовала себя невероятно живой, кожу покалывало от энергии под ней. Как только я передам часы, возможно, мне удастся уйти с работы до конца дня, взять свой байк, и встретить объятьями этот оживляющий настрой на скорости двести девяносто километров в час.

Я бы хотела обнимать Логана на такой скорости.

Оу, подождите. Я вроде бы уже это делала.

Но если я действительно позволю себе фантазировать, мужчиной под шлемом Неуловимого будет Логан, а объятье будет иметь место лишь на BMW S1000RR со скоростью двести девяносто километров в час. Я вздохнула.

В конце коридора я постучала в вычурную двойную дверь и уставилась вниз на часы в своей ладони, внутри которых была скрыта тайна. Я только что вернулась с этажа айтишников, где Рэдж Каннан пробубнил мне со своим тяжелым малайским акцентом:

— Металл спаян, миссис Бэскел. Если я его вскрыю, оболочка сломается.

Трент знал, что я суну свой нос. Какое сообщение они содержат? Боже мой, какое

сообщение вообще нужно передавать таким зашифрованным способом?

Я проверила свои часы, поправила телефон, чтобы его не было видно из моего бюстгальтера, и постучала повторно. Ублюдку лучше бы быть там. Он сказал мне — *нет, потребовал* — чтобы встреча состоялась в десять утра.

Дверь распахнулась. Внутри меня приветствовал благородный вид на Чикаго из окон во всю стену, что создавало ироническую декорацию для скользкой улыбки, с которой он меня встретил.

— Как раз вовремя, — взгляд Трента скользнул по моему телу, будто мерзкий слизняк.

Содрогнувшись, я протянула часы и прошипела:

— Пожалуйста.

Его пальцы задержались на моих прежде, чем он сунул часы в карман своих серых слаксов.

— Сообщение было?

Я отступила назад, чтоб создать расстояние между нами.

— *Время вышло.*

Его улыбка изменилась, но глаза вспыхнули огнем. Мои плечи чесались от желания попятиться назад, защитить себя от его коварной ауры, которая накрыла меня, но я держала спину настолько расслаблено, насколько возможно.

— Что случится двадцать седьмого октября?

Держа руки в своих карманах, он посмотрел на свои лоферы по космической цене, а потом вернулся к моему лицу:

— Двадцать седьмого октября «МакДональдс» продаст шесть миллионов гамбургеров и увеличит глобальную шкалу толстых людей еще до одного пункта на шкале. А статистика говорит, что некролог пополнят более двадцати пяти уличных шаек, которые насилуют женщин. Но кто знает? Может быть, в этот день произойдет землетрясение, которое сотрет с лица земли треть населения планеты, но кому какое дело.

Господи. Я сжала ладони в кулаки по бокам.

— Ты отвратительный.

— Просвети меня, Кэси, — он отошел дальше в офис и сделал жест рукой, приглашая меня внутрь. — Заходи. Мы только-только собрались.

Да. Собрание. Скорее всего, с моей матерью.

Вообще-то, сегодня я чувствовала себя достаточно смелой, чтобы «насладиться» ее присутствием. Я выбрала ее наименее любимое платье в моем гардеробе — узкое в груди и расклешенное к коленям — потому что *пошла она нахер*. Она должна знать, что ее бедная дочурка сегодня утром выглядит сексуально. И мне безумно нравилось бросать ей в лицо свой блеск от того, что меня любят, и наблюдать за тем, как ботокс на ее лице твердеет от зависти.

С этой воодушевляющей мыслью я последовала за ним и свернула в его офис.

И тут все замерло. Мои ноги, мое дыхание, мое сердце.

Последний человек, которого я ожидала здесь увидеть, пялился на меня через стол. Широкие плечи скрывались под черным пиджаком. Массивная шея, на которой тонкий галстук смотрелся просто нелепо. Белая рубашка, под которой, я знала, находился упругий пресс из восьми гладких кубиков.

Мой желудок рухнул вниз, а легкие просто склеились.

Его руки были сомкнуты за спиной, широкая стойка — Логан возвышался у стола

Трента в такой позе, будто владел им. Его лицо было гладко выбрито, но я все равно увидела на нем тень. Диссонанс нечитаемых эмоций заставлял его брови хмуриться, а челюсть превратиться в каменный блок.

Мой мозг промчался по всем возможным причинам, по которым он мог быть здесь. Я забыла водительские права? Он разыскал меня, потому что решил остаться? Или все это было совпадением, и он просто был удивлен увидеть меня?

Кровь во мне медленно устремилась вниз, обдавая холодом с головы до ног.

Трент закрыл дверь позади меня, запирая нас троих, и прошел к столу, занимая место рядом с Логаном.

Логан, казалось, не имел желаний отступить назад или хотя бы сменить свое положение. Они были одного роста, но своим телосложением Логан превращал человека возле себя в угрюмого карлика.

— Это — Логан Флинт, — Трент опустился в кресло с расчетливым взглядом на лице. — Но ты и так это уже знаешь.

Капельки пота появились на моем затылке. Чего он хотел? Что он сказал Тренту? Может быть, не все, что означало, что мне нужно взвешивать свой ответ, несмотря на то, как отчаянно я хотела наброситься на него с кулаками, кричать и требовать ответов.

Я поймала его взгляд. Глаза были наполнены напряжением и чем-то еще. Чем-то, чего я не видела прошлой ночью.

Что бы это ни было, это ничего не объясняло и ни на что не указывало. Отталкивая это на задворки моего любопытства, я смягчила выражение лица на такое, что — я надеялась — было похоже на сердечное признание.

— Логан.

Его губы превратились в злую линию, а глаза — в золотистое стекло.

Не к добру.

Я прочистила горло и обратилась к Тренту:

— Мы встречались в «Дозоре» вчера.

Черт бы подрал дрожь в моем голосе.

Трент наклонился вперед, его пальцы застучали по клавиатуре на столе.

— Вы сделали больше, чем просто встретились.

Плазменный экран на стене возле меня ожил. Сердце ускорило свой темп до космической скорости, а в желудке почувствовался позыв тошноты.

Я посмотрела на Логана. Внезапная строгость в его взгляде заставила мой пульс грохотать в ушах.

Курсор мышки задержался на экране, когда Трент увеличил изображение и нажал «пуск». Я знала, что последует за этим еще до того, как посмотрела на экран. Я почувствовала себя так, словно огонь полыхал в моих венах, и обожженные места тут же покрывались льдом, когда картинка появилась перед глазами. Ужасающие последствия моих решений, увеличенные на пятидесятипятидюймовом экране в высококлассном разрешении. Мое тело, нагнутое над кроватью. Рот открыт в экстазе. Мужчина, чье лицо размыто, стоял позади меня. Его член вколачивался в меня, будто завтра никогда не наступит.

Укол от предательства и боль ударили в мою грудь и обернулись вокруг пустоты в ней, растягивая ее еще шире, углубляя ее, опустошая меня. Я позволила ей растянуться по моему телу, впитывая ее беззвучное разрушение, как и видео на стене.

Все это было снято камерами под различными углами. Камерами, которые установили

заранее.

Заранее спланированные действия.

Все, что произошло прошлой ночью, было спланировано.

Мое нутро взорвалось злостью и желанием мести, ничтожностью сжимая горло. Я стиснула руки в кулаки, пытаюсь бороться с рвотным позывом. Черт возьми, я не могла даже дышать, и когда мои легкие наконец-то заработали, мое страдание вылилось всего лишь в шипящий шепот:

— Выключи это.

Когда экран потух, резкая боль освобождения почти пригвоздила меня к полу. Но она не сравнится с серьезностью взгляда Логана.

Я устала на свои ноги, отказываясь встретиться с ним взглядом.

Сначала мне нужно собраться. Как бы сильно я ни хотела разбить в кровь свои кулаки о его лицо, это не решит абсолютно ничего. А мне нужно было что-то.

Ответы.

Второй хрен в комнате смотрел на меня так, как и всегда. Его скользкий взгляд приклеился ко мне, словно пиявка, сосущая кровь. Его невозмутимая поза излучала удовольствие. Он не показывал ни единого признака злости от того, что я нарушила контракт. Он не был даже удивлен тем, что увидел на видео. Он устроил это.

Тошнота накатила на меня с новой силой, поджигая кожу.

— Ты нанял его.

— Нет, — ответили два голоса. Хотя голос Логана звучал порядком громче и был насыщен агрессией, когда он наклонился вперед и ударил рукой по столу.

Трент смотрел на него, пока тот не выпрямился и не отступил назад.

Затем Трент перевел взгляд на меня.

— Я нанял кое-кого другого. Ты помнишь Холдена?

Мужчина, которому я отказала. Я просто победитель по количеству ошибок за ночь.

Пронзающие насквозь уколы поражения обжигали глаза. Мое повышение. Свобода Колина. И выворачивающее наизнанку знание того, что меня *поймел* мужчина, который оказался частью чьего-то плана.

— Зачем ты подставил меня? — спросила я Трента, пытаюсь укротить боль, прорывавшуюся в моем голосе. — Потому что не хотел отдавать мне должность генерального директора?

— Да.

Боже, в глубине души я чувствовала, насколько пустой была трата времени на мою карьеру, но было еще одна, более ужасающая мысль.

— Колин...

Он посмотрел на Логана, а потом снова на меня.

— Мы обсудим это один на один.

Капелька пота сформировалась над моей верхней губой, и холод пронесся по моему телу. Я вдохнула, собралась с духом, и направила всю свою энергию на то, чтобы убрать любую эмоцию со своего лица и выпрямиться. Он не мог отправить его в тюрьму. Как кто-либо мог сделать такое со своим собственным сыном? И зачем ему вообще хотеть этого?

Я оторвала свой взгляд от Трента, и обратила его к Логану. Он смотрел на меня с опущенным вниз подбородком, а его челюсть была настолько напряженной, будто он готовился развязать войну. Какова была его роль во всем этом? Он вышел на сцену и

подвинул Холдена в сторону в клубе. Если Трент его не нанимал, у него были свои собственные планы.

Отворачиваясь от него, будто от предмета мебели, я обратилась к Тренту.

— Чего он хочет?

— Твое повышение, — ответил Логан. Его голос черкнул по моим нервам, словно наждачкой, раздирающей поверхность.

Когда я встретилась с его взглядом, легкий изгиб его правой брови заставил мои ногти впиться в кожу ладоней. Кем, блядь, был этот парень?

— Трент никогда не согласится на это.

Логан наклонился над столом, поддерживая верхнюю часть своего тела. Ткань его пиджака натянулась, скрывая яростное напряжение его мышц.

— Он уже это сделал. Я — твой босс.

С кивком Трента ярость во мне вспыхнула пламенем. Яд заструился вокруг позвоночника, толкая меня вперед.

Когда я достигла стола, я скопировала позу Логана, и, упершись руками в стол, наклонилась над широкой поверхностью, оказавшись с ним лицом к лицу.

— Ни за что в этой гребаной жизни я не буду работать на тебя. Я увольняюсь.

Пятнадцать лет я надрывала свою задницу на этой работе. Все кануло в лету. Свобода Колина болталась на какой-то неизвестной ниточке. Из-за этого человека, который подарил мне весь мир в отельной комнате, который смотрел на меня и прикасался ко мне так, что это тяжело было назвать фальшивкой.

Он использовал меня, использовал мое желание против меня. Он не смог бы найти более ранимое место. И я позволила ему. Что сделало боль еще тошнотворнее.

Желчь поднималась в моей груди, превращаясь в зловонные испарения в горле. Легкие качали воздух, не питая им мое тело. Меня вот-вот могло вырвать. Но я заперла все внутри. Превратила свое лицо в беспристрастную маску. Проглотила боль. И выстояла ровно.

— Кэси, — голос Трента пронзил мою подрагивающую кожу. — Нерешенная проблема с Колином зависит от твоего содействия. Ты останешься в своей должности и будешь докладывать напрямую Логану.

Я втянула воздух. Как обычно, мне придется проглотить свою гордость, чтобы уберечь Колина от тюрьмы.

— Ты серьезно? Господи, Трент. Блядь, да я ненавижу тебя! Нахера тебе вообще нужно, чтобы я работала здесь?

А может, это было одно из требований Логана?

Хотя, зная Трента, он мог угрожать лишь для того, чтобы помучить меня.

Трент встал из своего кресла, его выражение лица превратилось в нечто, чего я никогда прежде не видела. Холодный, как камень, покрасневший от злости, и в секундах от того, чтобы взорваться.

— Ты наивная мелкая сучка.

Тело Логана дрогнуло, но Трент не замолчал.

— Есть дерьмо... — он отвел плечи назад, и медленно вдохнул. — Для того, чтобы управлять «Fortune 500», нужно делать немного больше, чем просто организовывать встречи для сверки бюджета и маркетинговых предложений. *Не надо* во мне сомневаться.

Все в этой резкой критике заставляло меня сомневаться в нем. И он чертовски хорошо знал, что моя работа состояла из намного большего, чем сверка бюджета и маркетинговые

предложения.

Логан отступил и оперся о стену, скрестив руки на груди. Почему Трент отдал лидерство ему?

Я попятилась назад. Мой разум вращался с космической скоростью. Но когда я увидела хладнокровие позы Логана и неуверенное пошатывание Трента, ответ был очевиден.

— Логан шантажировал тебя.

Трент вернулся в свое кресло, а пустота на его лице и была ответом, который мне был нужен.

Шантаж означал, что он поделился секретом. Но Трент не доверял Логану настолько, чтобы обсуждать угрозу Колину, и это было единственной причиной, по которой я еще стояла здесь.

Только с меня хватит секретов. Я встретила взглядом с Трентом.

— Если ты доведешь до конца свой план о том, чтоб засадить Колина за убийство, я буду бороться всем, что у меня есть.

Логан даже не шевельнулся, но тень на его лице стала мрачнее.

— О чем она говорит?

Трент проигнорировал его.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты проиграешь. У меня могущественные связи, Кэси.

Он развалился в своем кресле, лениво поглаживая подлокотник, будто это был трон в неприступной крепости.

Возможно, его утверждение о власти и имело место быть, но оно также было высокомерным и запредельным. У всех есть слабые места. Я не знала, где слабое место Трента, но, кажется, Логан нашел его.

— Если ты начнешь борьбу против меня, — сказал он и кивнул на темный экран позади меня: — Я оставлю тебя ни с чем, кроме испорченной репутации.

Запись с камер. Плюс одна вещь, чтоб использовать против меня. Удар, который попал мне под дых. Казалось, Логан был удивлен этим. Его глаза расширились, когда одна его ладонь сжалась вокруг бицепса.

Так он что, записал это не для того, чтобы поделиться записью со всем миром? Какая ему разница? Именно *мое* лицо было на видео. Жена знаменитости, сторонника правых. Это могло уничтожить все шансы на то, что мне удастся построить карьеру где бы то ни было.

Хотя ничего из этого было не важно, если Колин отправится в тюрьму.

Я была загнана в ловушку, брошена в обездвиживающую паутину лжи, и, чем дальше я забиралась, тем туже сжимались нити на моем горле.

Колени дрожали, а легкие едва ли справлялись со своей работой. Я больше не могла этого выдерживать. Вся боль, шок и беспомощность, которые устраивали карнавал в моем желудке, поднялись вверх. Когда все это достигло моей груди, я ринулась через офис в уборную и опустошила свой желудок в унитаз.

Унижение выходило из меня настолько обильно, что глаза начали слезиться, пока я до боли в пальцах сжимала ободок унитаза.

Дверь уборной щелкнула позади меня, и от приближающихся шагов волосы у меня на затылке зашевелились. Я сплюнула, провела тыльной стороной ладони по губам, и встала на ноги.

Трент протянул мне полотенце и прислонился бедром к столешнице.

— Один месяц.

Я устала лежать на полотенце, ожидая.

Он встал между мной и дверью, бросив полотенце на пол к моим ногам.

— Ты будешь здесь работать, и не расскажешь Логану Флинту о том, что мой сын — гей. Через один месяц ты и Колин будете свободны делать все, что хотите. Разведитесь, мне насрать.

Я встретила его взглядом. Пульс затмевал своим грохотом все другие звуки.

— Через один месяц двадцать седьмое октября. Что случится в этот день? Кто передал часы?

— Это не твоё дело. Просто делай свою работу, и не рассказывай ничего Логану.

Он готовил слияние «Тренчент Медиа»? Скрывал секреты во избежание скандала? Какого рода корпоративные переговоры велись с помощью зашифрованных часов? Я прошла боком мимо него, сокращая свой путь к двери.

— А если я откажусь?

— Тогда задницу Колина сунут в оранжевый костюм.

Мои щеки обожгло от отвращения. Когда дело доходило до извращенных папочек, как в случае а-ля «я просрал жизнь своего ребенка», я не могла не поразиться «победителю» в этой номинации.

Один месяц.

Всего лишь маленький отрезок времени. Черт, да я бы отдала Колину всю свою жизнь, если бы это убергло его от тюрьмы.

— Единственная причина, по которой я стою здесь, это то, что мне не безразлична судьба твоего сына.

— Ты здесь потому что ты — шлюха, — хладнокровность в его голосе пронзила меня до костей. — Это, — он схватил рукой меня между ног, — должно было быть моим.

Мой желудок скрутило, когда я поняла, что дверь открылась. Я толкнула Трента в грудь, и, пошатнувшись, попятилась назад, наткнувшись на твердую от напряжения грудь Логана. Он схватил меня за руки, но я отдернула их.

Нахер его. Нахер их обоих. Я двинула Логана плечом. Злость читалась в его пристальном взгляде, излучалась во всем — от его галстука до кед. Оказавшись в офисе, я замедлила шаги и обогнула стол. Пряди волос, выбившиеся из косы, спадали на лицо. Я смахнула их, когда нашла то, что искала.

Вырвав флешку из компьютера, я сунула ее в свой лифчик и поправила платье. Конечно, были и другие копии, но я не позволю Тренту драть на это видео.

Вибрирующее присутствие Логана горячило мою спину. Я содрогнулась, ненавидя его, ненавидя так сильно за то, что меня к нему тянуло. Что было солью на самую глубокую рану. Боль появлялась ниоткуда, давя на мою кожу, пытаюсь вырваться.

— Нам нужно поговорить, — его голос оглушил все вокруг меня.

Я медленно развернулась, чтоб встретиться с ним лицом и посмотрела на него так, как смотрела ночью. Я собрала для этого всю свою силу воли, позволила ему видеть то, что он причиняет мне боль, но никогда не ломает.

— Я не хочу разговаривать...или делать что-либо с тобой. Сможешь справиться с этим?

Он закрыл глаза. Когда они распахнулись, я отвела свою руку назад и ринулась ею вперед со всей силой, что у меня была.

Мой кулак столкнулся с его щекой, и его голову повело в сторону.

Он мог бы уклониться от него. По тому, как он посмотрел на меня и расслабил челюсть, я поняла, что он ожидал еще одного удара.

Вот я и ударила его еще раз. В то же самое место, по той же самой щеке. Кулак пульсировал от боли, и неудивительно, но второй удар не принес мне облегчения, как и первый.

Бездействие внесло лишь больше тени в его взгляд, а его руки безвольно повисли по бокам. Руки, которыми он обнимал меня накануне, прижимал к стене и к кровати. Руки, которые я так отчаянно хотела чувствовать вокруг себя, пока сплю.

Горло саднило, тело пошатывалось, а что сделало эту картину еще хуже, так это зритель, стоявший в двери уборной.

Я вытерла свою вспотевшую ладонь о платье и развернулась к выходу. Поправив волосы на ходу, я была уверена в своем внешнем виде к тому моменту, как вышла в коридор.

Твердые, ровные шаги несли меня к лифту. Я высоко держала подбородок, и расслабила лицо, когда достигла фойе нижнего этажа. Но, едва мои каблуки коснулись тротуара, а холодный воздух повеял в лицо, наступила дрожь. В ногах, в руках, на губах.

Ступая в напряженный поток траффика, я достала мобильный телефон из лифчика и набрала Колина.

Мне ответила голосовая почта. Нажала отбой и набрала снова. Голосовая почта. *Черт бы тебя подрал!*

Я позволила потоку прохожих увести меня от «Тренчент Медиа», смотря на размытое очертание тротуара под ногами. Мне на самом деле не хотелось оставаться с мыслями наедине.

Непредусмотрительность была еще той сукой, и я не только о прошлой ночи. Если бы я могла заглянуть в будущее, и сказать нашим родителям пойти трахнуть самих себя в день, когда я окончила университет. До того, как подписала контракт, до того, как меня засосало в их грязные аферы.

Какого это было бы — иметь маму, с которой можно поговорить? Которая могла бы выслушать, понять и при этом любить? Которая могла бы не судить меня за сделанные ошибки и за боль, которую я чувствовала? Которая никогда бы не поставила меня в безнадежную ситуацию?

Но у меня был Колин.

Если бы он только ответил на свой гребанный телефон. Я набрала снова. Голосовая почта.

Я с трудом протащила несколько блоков, шагая без цели и не имея места назначения.

Окруженная людьми. Предоставленная сама себе в своих мыслях. Но они все вращались вокруг Логана. Я пробежалась в памяти по выражениям его лица и реакциям с последней ночи и до сего момента. Я знала, что видела вещи, которых в нем не было, и я пыталась отделить предубеждение, но возвращалась к выражению у него на лице, когда я ударила его.

Возможно, он сожалел о том, что предал меня.

Хотя это все равно ничего не меняло.

Остановившись на перекрестке, я снова набрала Колина.

Наконец-то он взял трубку, и я слышала его сиплый голос.

— Где ты?

Я подняла голову вверх на уличный указатель.

— На углу от Мичиган и Онтарио. А где *ты*? Почему ты не отвечал?

— Ладно. Я тебя вижу. Обернись.

Что я и сделала как раз тогда, когда черный лимузин остановился возле меня. Дверь открылась, и Колин выпрыгнул из машины. Он раскрыл объятия, а его глаза были широкими от тревоги. Он знал.

— Твой отец позвонил тебе.

Он обнял меня и приподнял на носочки, с невероятной силой сжимая во мне мои сдержанные эмоции.

— Да. Он все мне рассказал.

Возможно, не все, но я перескажу ему, когда буду готова. Просто сейчас мне нужно было...

Я обняла руками его узкие плечи и крепко их сжала. Боже, это то, что мне было нужно. Сила объятия. Она приглашала меня отпустить все.

Я согнула спину, выпустила воздух из легких и закрыла глаза, заключая слезы в ловушку.

— Сет в машине?

Он помотал головой.

— Только мы.

И вот тогда я дала волю слезам, горячим и немым. Его руки покоились на моей голове и талии, а локоть поддерживал мою спину. Объятия Колина заберут мою боль.

Глава 18.

Логан

Это и было изнанкой мести? Какую цену мне придется заплатить за все плохое, что произошло со мной и такими как я? Когда мои руки запятнались кровью, а первую свою жертву я бросил в мусоросжигательную печь, я знал, что это будет мне чего-то стоить.

Стоя под прикрытием за добрых восемь блоков от «Тренчент Медиа», я наблюдал, как через улицу Колин Андерсон обнимал свою жену. Именно тогда я ощутил, как чувство вины сжало мою грудь. Это было невыносимо.

Дрожь в ее плечах, когда она вцепилась в мужа, была слишком явственна. Руками она так крепко обвила его шею, будто Кэси упадет, если он ее отпустит.

Толпа прохожих растекалась вокруг них. Колин сказал ей что-то на ухо. Ее пальцы скользнули к его ладоням, и она покивала у него на шее.

Было тяжело смотреть на это и невозможно отвернуться. Каковы бы ни были причины ее секса со мной, она любила *его*. Это было слишком.

Я потер грудь, пытаюсь стереть негодование. Я чувствовал презрение к Колину за то, что она принадлежала ему. Я чувствовал презрение к тому, что причинял ей боль. Но больше всего презрения я испытывал к себе. Оно было чужой, неожиданной эмоцией, и я, блядь, ненавидел ее. Голос разума говорил мне, что все, касающееся нее, было подстроено — от ее сдержанной позы до сексуальных как ад каблуков. В конце концов, она была протезе Трента.

Но ее кипящее *»Блядь, да я ненавижу тебя»*, которое она бросила ему, кольнуло мою грудь сомнением. Трент владел ею, а это было глубже, чем ее жажда денег и власти. Она вообще когда-нибудь хотела эти вещи?

Когда Трент включил видео, я изо всех сил пытался не плюнуть, не бичевать себя за драму, которую я так высококлассно сыграл, предав ее. Она высоко держала подбородок, не закрывала глаз и не плакала, ударяя меня в лицо безмолвием.

Я коснулся скулы, проследив пальцами отек. Кожа под прикосновением сжалась от боли, но этого не было достаточно.

Ей стоило отфутболить мои яйца с такой силой, чтобы они оказались на уровне живота, и высмеять мое поведение в постели. Ей стоило пригрозить моей жизни с ядом в глазах. Вот чего я ожидал. *Это* бы я выдержал.

Все, что угодно, было бы легче, чем безмолвие, одинокая боль, которая разбивала ее на кусочки под внешней бравадой.

Посреди потока машин, стоя возле шикарного черного лимузина и успокаивая свою жену, Колин поднял свои глаза и устремил их прямо на меня. Я отклонился от здания, выравниваясь в полный рост и пялясь на него в ответ.

Он не узнал бы, кто я, не смог бы различить меня в десятках других прохожих между нами. И все равно он смотрел на меня с волнительным пониманием, и этот взгляд превращался в вечность.

Слишком долгий, чтобы быть мимолетным. Слишком устремленный, чтобы быть случайным.

Он знал.

Знал, кем я был? Знал, что я трахал его жену?

Что бы он ни знал, он не обрадуется знакомству с наручниками. Я разжал кулаки. Мышцы воспалялись и горели, готовые к мерзкой схватке.

Я не знал, что шокировало меня больше. Тот факт, что он выделил меня из толпы, или вид его спины, когда он отвернулся от меня со своей женой в объятьях и усадил ее в лимузин.

Я резко и быстро заморгал, когда лимузин покатился вперед и влился в поток траффика. Какого хера? Я потерял шею под удушающим воротником рубашки. Мне все это привиделось?

Пожалуй, да, потому что если бы я был ее мужем, я бы избил ее любовника просто на тротуаре, пока он не испустит свой последний выдох.

Когда я пошел назад к Тренчент Тауэр, меня начинали одолевать сомнения. Пока я сидел на диване в офисе Трента — *моем* офисе — меня мучило нечто, касающееся Колина Андерсона.

Что он сделал, что его жена изменила ему? Не то, чтобы я собираюсь его винить, но почему Трент покрывает его в убийстве? Было ли это пустой угрозой или у него на самом деле были настоящие доказательства?

Это стало достаточно сильным аргументом, чтобы убедить Кэси остаться и докладывать напрямую мне. Что работало мне на руку. Она была нужна мне в штате, чтобы я мог проследить за ее деятельностью. Съемочная группа Трента копошилась вокруг меня. Трент ушел до конца дня, и он явно не собирался оставлять меня наедине со своим оборудованием. Моя обезьяноподобная нянька, которую я видел вчера, стояла в двери, наблюдая за каждым моим движением. Он отступил в сторону, когда парень помоложе вкатил карт, загруженный компьютерным оборудованием Трента.

Когда я отдал Тренту видео, я видел, как он скопировал файл с флешки на свой ноутбук. Но я зашифровал бомбу в файле. Через двадцать минут вирус активировался и уничтожил каждую копию этого файла, который, кроме прочего, надежно спрятан у меня на складе.

Запись секса Кэси была единственной вещью, о которой ей не стоило волноваться, и одной из многих причин, по которой я хотел поговорить с ней, когда она убежала.

Я сжал переносицу. Господи, моя голова была забита столькими вопросами без ответов.

Когда я без приглашения вошел в офис Трента сегодня утром, он, поприветствовав меня рукопожатием и скользкой улыбкой на лице, сказал:

— Дайте мне видео.

Конечно же, Холден связался с ним, но откуда он узнал, что мне удалось подстроить ловушку? Но что беспокоило меня больше всего, это сцена в ванной. Не только напряжение между ним и Кэси заставило меня закричать зубами. Это то, как они стояли возле друг друга — его тело было слишком близко возле нее, как для свекра. Он домогался ее? Он прикасался к ней? Пытался изнасиловать?

Руки тряслись, а в ушах гудело. Если он, блядь, хоть пальцем коснется ее, я просто-напросто убью его. И сделаю это медленно и мучительно.

Первые два дня в должности генерального директора «Тренчент Медиа» я провел, перебирая бумажное дерьмо между презентационными встречами с главами департаментов. Кэси не вернулась на работу после того, как ушла с Колином, и в пятницу утром она позвонила, сказав, что заболела. GPS-трекер, который я установил на лобовом стекле ее байка, превратил меня в сталкера. Она брала его в четверг и в пятницу. Приложение на планшете показало, что она выжимала по максимуму из своего байка в округе за городом. Две ночи я, словно одержимый, наблюдал за тем, как красная точка двигалась на карте.

Как и сейчас, распластавшись на диване в игровой зоне Бенни, я не мог заставить себя отвернуться. Я чувствовал успокоение от знания того, что она ездит на байке, а это было лучше, если бы она сидела дома со своим мужем.

Мне до боли хотелось прыгнуть на мотоцикл, выследить ее и потребовать ответов. Черт, у меня даже был ключ к ее дому. Я мог вломиться к ней и вытрясти из нее правду.

Я натянул воротник футболки, когда почувствовал, как в горле образовывается узел.

Именно поэтому я не мог оторвать свою задницу от дивана. Мне нужно было остыть ровно так же, как и ей нужно было зализать свои раны. Я дам нам обоим время до понедельника. *Еще два дня.*

Бенни растянулась возле меня с ноутбуком на животе, пока выискивала информацию о Кэси во внутренней сети «Тренчент».

Используя аналог моего профиля с высшим уровнем допуска, она запустила «ищек» на серверы и рабочие столы, которые связаны с сетью, одновременно блокируя следы своего поиска. Эти сетевые ловушки были хакерством низшего уровня, простым способом для мониторинга онлайн активности Кэси, и я был чертовски удивлен, когда спустя час она сказала мне, что кое-что нашла.

Она наклонилась вперед, и накрутила на палец одну из голубых косичек у себя на голове.

— Дженна Грир.

Я еще не встречался с Дженной, но уже знал, кем она была.

— Административный помощник Кэси.

Она указала на активный логин в компьютере.

— Ага, и она каждый день получает зашифрованные файлы и пересылает их Кэси.

Я запустил руку в волосы, неспособный отвести взгляд от двигающейся точки на планшете.

— Какие файлы?

— Не знаю. Они зашифрованы.

И ей нужен был личный ключ, чтобы открыть их. Приложение на планшете издало сигнал, и точка устремилась на север. Скорость Кэси достигала 288 километров в час. Мое сердце разогналось, когда я представил ее в серебристой коже, с косой, спускавшейся по ее спине, пока она рисковала своей гребанной безопасностью на такой скорости. Я хотел, чтоб она оседлала меня, наклонилась вперед и вздернула передо мной попойкой или чтобы ее бедра обхватывали меня с такой силой, будто от этого зависела ее жизнь.

Бенни наклонилась через мое плечо:

— Сколько ни пялься на эту точку, а сиськи и задница на ней не появятся, — она постучала по своему подбородку. — Хотя я могла бы сменить модификацию для этого. Только подумай: GPS-навигатор с рентгеновским видением, сексуальной аватаркой голой женщины и голосом, который можно услышать лишь в спальне, — она откинула голову назад и произвела смехотворно низкий стон: — *Давай жестче*, малыш. Да, прямо там. Давай жестче.

Я тяжело выдохнул и выключил планшет.

— Дженна отправляет Кэси зашифрованные файлы. И...?

Она закатила свои зеленые глаза и вернулась к ноутбуку.

— Я проверила активность на сервере. Единственные другие пользователи — Хэл Пинкертон и Трент Андерсон. Хэл бросает файлы. Дженна и Трент их забирают.

Кто, мать вашу, такой Хэл Пинкертон?

На протяжении следующих двух часов мы взламывали личные и общественные записи. Хэл был репортером в «Тренчент Медиа» под руководством Кэси. Он платил налоги на спортивный мотоцикл *Harabusa sportbike*, а два месяца назад его отца выпустили из тюрьмы из-за юридической формальности.

Но самое интересное открытие: мы выследили его по ай-пи в подпольной гоночной сети. Подвиг, который Бенни смогла совершить благодаря тому, что создала платформу.

У Хэла Пинкертона был допуск к сети, которую ФБР хотела прикрыть, а «Тренчент Таймс» — раскрыть. Что меня смутило, так это то, что и Кэси, и Трент были зарегистрированы на одном и том же сервере. Они работали вместе? Или один выслеживал другого? Или это было простым совпадением?

Следующим вечером я гонял с толстым американцем, который называл себя Слиминатор. Перед, во время и после того, как я надрал ему зад, ее серебристый Дукагти мелькал на переднем плане моих мыслей.

Но когда я пересек финишную линию, я не искал ее. Мое внимание одержимо сосредоточилось на красной точке, мигающей на краю моего визора.

Она была в двадцати семи километрах от меня.

Я объехал город по кругу, чтобы сбросить хвосты, которые могли последовать за мной, что я и делал после каждой гонки.

Потом я последовал за ней.

Это было импульсивно и бесперспективно. В костюме Неуловимого я не мог задать ей вопросы, от которых все внутри меня гнило. И загадка вокруг нее и Хэла Пинкертона увеличила необходимость моей анонимности.

Последнее, что мне было нужно, это связь должности генерального директора «Тренчент Медиа» с Неуловимым.

Это не остановило меня от того, чтобы выжать газ и погнать за мигающей красной точкой. Я просто буду следовать за ней некоторое время, и, может, мне удастся уловить в поле зрения ее серебристый байк.

Я поймал ее на Роджерс Авеню. Ее задний габарит светил красным, словно маяк на фоне черного неба. Было за полночь, и минимум траффика заставляло меня оставаться позади. Когда она замедлилась на тихой улице, я подъехал к обочине под мостом и включил визор ночного видения. Она остановилась на красный свет через полкилометра впереди.

Наклон ее тела вперед, изгиб ее талии, мышцы ее задницы, обтянутые серебристой кожей, белокурая коса, спускавшаяся по линии позвоночника. Мои губы знали каждый изгиб этого позвоночника. Мои ладони покалывало от воспоминаний о ее попке.

Ее задышающиеся звуки, медовый запах, и то, как она касалась языком своих зубов, когда улыбалась — я запомнил все это. Каждую очаровывающую деталь.

Но все это недоступно.

Недосягаемо.

Принадлежит другому мужчине. Мужу.

Ироническая сентиментальность, учитывая то, что я сделал бы все, *в частности* убил бы, чтобы отомстить. И все равно мысль о том, чтобы украсть женщину другого мужчины вызывала во мне тошноту. Я всегда верил в то, что цель оправдывает средства.

Но я не собирался задумываться о средствах. Моя жажда ее тела была отвлечением. В *этом* я не нуждался.

Отвлечение, которое я мог оставить.

Светофор загорелся зеленым, но вместо того, чтобы покатиться вперед, она развернулась на 180 градусов и поехала в мою сторону.

Блядь, я не удивлен, что она увидела меня. Тяжело пропустить другой единственный байк на дороге. Мне не следовало ехать за ней. Стоит мне всего лишь произнести знакомое слово или шевельнуться знакомым образом, и она свяжет мою личность с мужчиной, который провел часы в ее теле.

Пульс ускорился. Я мог сорваться с места и оторваться от нее через пять блоков.

Подожми хвост. Защити свою задницу. Беги.

Так же, как и в ночь, когда я встретил ее.

Мои внутренности восстали против этой идеи, странный импульс подогрел мои вены, шипя от желания бороться.

Бороться за нее.

Глубоко внутри я знал, что из этого ничего не выйдет. Но я не мог принять этого. Не мог вынести боль, которая появлялась при этом.

Я убрал руки с руля, расслабил их на бедрах, и отсчитывал ее приближение быстрыми вдохами.

Она остановила свой байк на обочине возле меня. Мы находились друг напротив друга, наши ноги были в миллиметрах, и мы терпеливо ждали. Выражения наших лиц были надежно скрыты под визорами. Никаких ожиданий. Просто наблюдение.

Я выключил двигатель, она сделала тоже самое. Грохот машины раздался вдалеке, но эта широкая Роджерс Авеню под бетонными арками подвесного железнодорожного моста принадлежала нам.

Ее шлем наклонился вниз, когда она стала водить указательным пальцем по крышке бензобака.

— У тебя есть ключ от моей квартиры, а ты меня преследуешь? — она посмотрела вверх. — Мне стоит переживать?

— Я не принесу вреда.

Она прыснула со смеху.

— Слыша, как ты говоришь это своим проклятым голосом... — она откашлялась. — Хорошая попытка.

О, если бы она сейчас видела мою бровь. Бесспорно, она соответствовала изгибу моих губ.

— Тебя не было на гонках сегодня.

Ее шлем дернулся в сторону.

— Теперь скучаешь по мне, не правда ли?

Я бы сказал ей прекратить, но да, я, блядь, скучал по ней. Так сильно, что протянул руку и опустил на ее неугомонные пальцы на бензобаке.

Она отдернула их, отпрянув от меня всем телом. Напряжение сковало ее спину, когда она наклонилась вперед и ухватилась за рукояти руля. Смотря перед собой, она потянулась к зажиганию.

Я сжал руки. Господи, это я сделал с ней такое. Вся эта херня сделала ее раздражительной, уничтожила способность доверять, а обычный жар, который был между нами, исчез. Если она и лелеяла хоть какие-нибудь чувства к Неуловимому, они были глубоко похоронены под ее болью.

— Останься, — я скрестил руки на груди, запирая ладони в ловушке. — Я буду держать руки при себе.

Проходящие секунды напоминали вечность. В голове зарождалось давление, мое тело пульсировало от жажды сказать ей, кем я был и почему я сделал с ней то, что сделал.

Но я не мог рисковать. Трент контролировал ее угрозами, что означало, что она могла выдать ему любую информацию, которую я мог ей раскрыть.

Ничего из этого не имело значения. Не в этот момент.

Сейчас я был простым мужчиной, который хотел находиться рядом с ней.

— Расскажи мне что-нибудь, — она повернулась, чтоб посмотреть на меня, но все еще была готова сорваться с места. — Что-нибудь личное.

Это была тихая просьба, если не учитывать, как ее передали. Она не молила. Скорее пыталась наладить связь, которой у нас не было прежде.

Мои колени расслабились на байке, пальцы разогнулись под кожей перчаток. Я хотел этой связи. Я хотел, чтоб она была *настоящей*.

Я и решил поделиться с ней самой сокровенной, глубоко похороненной мыслью, которую даже я сам иногда боюсь произнести вслух.

— Я очень зол на свою мать.

Слова срикошетили в моей голове, вибрируя в теле с тембром модифицированного голоса. Она выровняла спину и сложила руки на бедрах. Ее молчание успокаивало, странным образом подначивая к разговору.

Я провел ботинком по бетону между нашими байками.

— Я не имею права. Я знаю это. Она оставила меня не по своему желанию. Не по ее вине у меня нет семьи. Но она все равно ушла. Оставила меня ни с чем. Только со злостью, — в моей груди появилось напряжение, а руки сжались над животом. Разозленные тринадцатилетние парни в детском доме для мальчиков редко заводят друзей. Мне

интересно, почему Бенни удалось увидеть во мне друга.

— Хммм... Это извинение за то, каким хером ты был тогда ночью?

Я сожалел о каждой гребанной вещи, которую я сделал с ней.

— Ага, — я так сильно хотел разжать руки и притянуть ее к себе, но я сказал ей, что не стану ее трогать. — Твоя очередь. Что-то личное.

Ее шлем откинулся назад, плясь на бетонные опоры моста над нами.

— Я ненавижу туфли на высоких шпильках. Ненавижу то, как они заставляют меня чувствовать себя. Ненавижу все, что с ними связано.

Да ладно? Я бросил взгляд на ее черные берцы, обдумывая этот ответ. Я ожидал, что она скажет что-нибудь о своей испорченной матери, но каким-то образом ее ответ казался более интимным и откровенным, чем то, что она могла рассказать о своей семье. Я видел, как она скользила по клубу, высокая и уверенная. Ее сексуальные высокие шпильки казались дополнением к ее подчиняющей ауре и красоте. Я предположил, что она выбрала их, потому что любила эффект, который они оказывали на тех, кто смотрел на нее.

Они явно оказали эффект на *меня* на танцполе.

— И змей, — ее голос принял оттенок строгости, и визор устремился вниз на ее руки. — Я ненавижу змей.

У меня было очень плохое предчувствие того, что это была метафора.

Она обращалась к Неуловимому или к мужчине, который украл ее работу самым подлым образом?

Пытаясь не подавиться слюной при глотке, я бережно выбирал слова:

— Таковую змею, которая оставляет красивую женщину неудовлетворенной в лифте?

Она фыркнула.

— Нет, я не о тебе. Я думала о бесхребетной змее, с которой я работаю. Такой, которая выглядит прекрасным созданием, когда ты на нее смотришь, и выпускает клыки, как только ты отворачиваешься к ней спиной, — ее шлем устремился в сторону, глядя на дорогу. — Никогда не доверяй чему-то, что полностью и живьем заглатывает свою жертву.

Тяжело игнорировать такой прямой удар. Я перестал дышать, потому что воздух обжог мне горло. Но я проглотил его, почувствовав укол в груди. Бог свидетель, я это заслужил.

Она резко набрала воздуха в легкие.

— Это только что натолкнуло меня на идею, — закатив рукав, она посмотрела на часы. — Мне нужно ехать.

Почему я чувствовал себя так, будто только что упустил важную деталь?

Она включила зажигание, качнулась вперед и посмотрела на меня через плечо.

— Увидимся, Неуловимый.

После он рванула вперед, оставив меня в облаке выхлопных газов и смятения.

До тех пор, пока я не вошел в офис в понедельник утром.

Глава 19.

Логан

Было семь часов утра, когда я тащился с кофе в руке по коридору своего собственного крыла на дорогом этаже, перекинув сумку через плечо. Я предпочел бы оказаться на своем байке, а не задыхаться в галстукке, но какой смысл жаловаться? Я, в конце концов, сам

захотел эту должность.

Возле двойной двери самого престижного офиса в «Тренчент» — камня преткновения власти и зла — мое внимание привлекла табличка на стене.

Логан Флинт было нацарапано пафосным шрифтом и покрыто лаком. Официально. Я был сраным генеральным директором над грязными корпоративными ослами.

Как только я покончу с коррупцией Трента, что станет с «Тренчент» и тысячами людей, которые здесь работают? В идеальном мире Кэси была бы невиновна, и она бы получила роль лидера и перестроила этику компании.

Но мир был далек от идеального.

Когда я толкнул дверь и прошел в офис, мое внимание привлек потолок. Почему сенсоры движения уже включены?

Через три метра от меня стол шевельнулся. Как и вся его гребанная поверхность. Я резко остановился, разливая кофе на пиджак и обжигая руку.

— Черт подери.

Я сузил глаза.

Змеи. Они ползали по столу, по клавиатуре, обвивали органайзер с ручками и карандашами. Парочка барахталась на полу, образовывая собой форму большой киски. Я попятился назад, разливая еще больше кофе.

Обернувшись назад, просканировал пол вокруг себя. Никаких змей. Выдохнув, я осмотрел остаток офиса, диваны, горшки с цветами в углах, и книжные шкафы у дальней стены. Несколько тварей уползло в конец комнаты, но они все равно не смогли бы найти щель, чтобы ускользнуть.

Основное количество их извивающихся черных тел было сосредоточено вокруг стола. Может, три или четыре десятка, каждая длиной в тридцать с лишним сантиметров и толщиной с карандаш. Я представил, как она вытряхивает их всех на мой стол и вздергивает свой смелый подбородок, когда уходит прочь.

Еще больше упало на пол, зашипев под столом и исчезнув Бог весть где. Это было инфантильным безумием, и я даже отчасти восхищался ею за это.

Улыбка коснулась моих губ.

— Хорошо сыграно, Кэси.

Теперь вопросом было, как сильно она меня ненавидела? Другими словами, были ли они ядовиты? Я прикончил остаток своего кофе и выбросил стаканчик в мусорное ведро. После, поглядывая на змей, я использовал телефон для поиска в Интервебс. Через несколько минут я узнал, что это были ошейниковые змеи.

Всего лишь слегка ядовиты.

Означало ли это, что она лишь слегка ненавидела меня? Это успокаивало.

Онлайн источники говорили, что люди могли держать их в руках благодаря их мелким зубкам и неагрессивной натуре. Я поднял одну с пола, придерживая ее за головой. Учитывая то, что она считала меня змеей, и если бы я умер от укуса змеи, это было бы даже поэтично.

Думаю, она подозревала это. Возможно, когда разговаривала с другим мною в субботу ночью. Если бы она только знала.

Мне нужны были бумаги, которые находились в сумке, так что я придерживал ее на плече, пока нес змею к столу Алисии, припрятав ее так, чтобы помощница не заметила.

Она моргнула, глядя на меня снизу, нелепо выпячивая грудь напоказ.

— Могу я помочь вам, мистер Флинт?

Я унаследовал ассистентку Трента с его офисом. Он, вероятно, изрядно попользовался ею, но я не нашел никакого странного поведения на протяжении двух дней наблюдения за ней.

Несмотря на это, я подходил к ней только тогда, когда мне нужно было что-то важное.

— Вам нужно позвонить в службу контроля над животными.

Она нахмурила свои чрезмерно выщипанные брови.

— Прошу прощения, вы сказали...

— У нас проблема с вредителями, — я поднял змею.

Она завизжала, ее стул откатился назад и ударился о стену.

— Офис заражен, — я указал на дверь позади себя. — Сделайте звонок.

Прикрыв рот рукой и приклеившись взглядом к змее, она вслепую потянулась к телефону.

Тонкое чешуйчатое тельце обвилось вокруг моих пальцев, пока я направлялся в крыло Кэси. Я принес змею в качестве предлога, чтобы завязать разговор, но именно документы в моей сумке станут кардинальным поворотом в нашей с ней сегодняшней беседе.

Если она и правда не была замешана в семейных делах, мой шантаж разобьет ей сердце. Я облизнул губу с осторожной надеждой, так отчаянно желая, чтобы она оказалась невиновной. Но в то же время, я презирал мысль о том, что снова причиню ей боль.

Дженна оторвала взгляд от монитора, когда я подошел. Я придержал змею за спиной, чтобы избежать еще одного оглушительного вопля.

Ее круглое лицо стало еще круглее от улыбки.

— Доброе утро. Вы мистер Флинт, правильно?

По поводу Дженны я также провел расследование. Она пересылала файлы Кэси, но оказалась не замешанной в подозрительной деятельности. Я одарил ее кратким кивком.

— Кэси сегодня на месте?

— Да. Только что вошла, — она указала на дверь, ее хрипловатый голос подходил к ее крупной комплекции.

Я не стучал. Я был ее боссом, в конце концов. Держа змею перед собой так, чтобы она не пропустила ее, открыл дверь.

Воздух испарился из легких. Женщина передо мной с глазами синее неба и шелковистыми белокуроыми волосами, спускающимися по рукам, лежала в большом кожаном кресле за своим столом. Ее кремовая кожа светилась на фоне ее черных слаксов и свитера с коротким рукавом под цвет глаз.

Закинув ногу на подлокотник, распустив волосы и с босыми ногами, она пялилась в ноутбук на коленях.

Она выглядела собранной, удерживающей под контролем все свое естество. Не такой скованной, как тогда, когда увидела видео.

Ничего на ее лице не указывало на сокрытие тайн. Мягкое выражение лица и легкость дыхания казались естественными и непринужденными, почти умиротворенными. На нее хотелось смотреть, без особых усилий видя ее живую красоту. Чертовски умопомрачительна.

Кэси посмотрела вверх на змею в моей руке.

— Такое не каждый день увидишь. Хищная хладнокровная рептилия поймала змейку.

Я сжал челюсти от значения ее слов, но мою грудь распирало от тембра ее голоса. Мне хотелось ненавидеть ее за то, какой дьявольски красивой она была. И по той же причине я хотел ее поцеловать.

Я хотел знать, сколько раз Колин трахнул ее с той ночи, когда я увидел их вместе. Нет, блядь, я не хотел знать этого.

Я хотел потребовать, чтобы она ушла от него, что было смехотворно. Она дико ненавидела меня.

Мои мышцы напряглись от желания склеить то, что я разбил, бороться за то, за что я должен был. Это была могущественная жажда, которая покалывающей болью выстреливала по моим губам — боль, которую мог успокоить только ее рот.

Даже если я презирал ее за неверность. Я отвернулся, и глазам стало больно от желания снова посмотреть на нее, пока сердце выпрыгивало от жажды сократить дистанцию между нами.

Я сделал продолжительный глубокий вдох. Господи, как в моем теле могло вмещаться столько противоречий?

Потому что ты хочешь ее, и знаешь, что не можешь получить.

Змея обернула хвост вокруг моего рукава, когда я закрыл дверь и зашагал к Кэси. Придерживая змею за голову, я поболтал ее хвостом перед лицом Кэси.

— Вижу, ты думала обо мне.

Она медленно закрыла ноутбук, даже не моргнув, глядя на змею, болтающуюся в миллиметрах от ее носа.

— Ты знал, что у змей бывает по два пениса? — Кэси потянулась к высокому мусорному ведру возле зоны отдыха, подняла его и придержала под змеей. — А у некоторых есть маленькие крючки на членах. Знаешь, чтобы они могли вцепиться в партнершу внутри и продлить акт соития.

Ее тон был полон спокойствия. Чрезмерного спокойствия. Мне хотелось, чтобы она кричала на меня.

Я бросил змею в ведро. Я больше никогда не посмотрю на это существо так, как смотрел прежде.

— Два пениса?

— Это позволяет самцу змеи переходить от партнерши к партнерше, не выжидая периода латентности. И вот мне интересно, — она отставила ведро в сторону и откинулась на спинку, уставившись на меня: — Скольких людей ты трахаешь, чтобы получить то, что хочешь?

Я ухватился за затылок, чувствуя напряжение от расстройства и вины. *Расскажи ей. Расскажи ей все.*

И тогда что? Как далеко она пойдет, чтобы избежать угроз Трента, которые он использует против нее и Колина? После того, что я сделал с ней, она продаст меня в мгновение ока, и кто, мать вашу, станет ее винить?

Я снял шлейку своей сумки через голову, сбросил ее на пол и посмотрел Кэси в глаза.

— Ты задаешь неправильные вопросы. Ты даже не знаешь, *чего я хочу.*

Подтягивая свои голые ноги на подушку и подгибая колени на подлокотнике, она повернула голову и уставилась на панораму из окон возле нас.

Чикаго расправил свои широкие плечи над горизонтом. Его архитектура и высота зданий были охвачены потрясающим восходом. Завораживающая картина элегантности и силы, как и профиль женщины, смотрящей на него.

Не отводя глаз от города, она произнесла:

— Ты хочешь того, чего хотят все. Денег. Секса. Контроля. Жизни, в которой все

происходит по щелчку пальцев.

Последнее утверждение было донельзя точным, ударив по моей детской мечте участвовать в гонках профессионально и *законно*. Но она имела это в виду не в буквальном смысле.

Я присел на корточки возле ее кресла, оставив менее полуметра между нашими лицами, и ожидал, пока она встретится со мной взглядом. Когда Кэси это сделала, я честно взглянул на нее.

— Ты ошибаешься на мой счет, — что противоречило мотивации, которую я дал Тренту, но я не хотел, чтобы она относила меня к категории ублюдков, которые держат ее под контролем. — Я не один из них.

Она изучала мое лицо очень долго.

Скользя взглядом по моим губам и челюсти, возвращаясь к моим глазам. Задержавшись на моей правой брови, она моргнула и отвернулась, но после ее взгляд снова сосредоточился на моей брови. Я подавил улыбку, изо всех сил пытаясь сохранить серьезный вид. Мне на самом деле очень нравилось ее милое увлечение этой частью моего тела, нравилось, что она заметила изгиб, данный от природы, с самого начала. В отличие от моей матери, она была открытым человеком, которому не нужно было пристально всматриваться, чтобы увидеть что-то.

Что-то изменилось в ее взгляде, зацепившись за что бы то ни было в моем.

— Я верю тебе. Как и тогда, когда ты дал мне свое слово в отеле, — ее губы превратились в тонкую линию. — Зачем ты здесь?

Господи, на ее лице сливались злость и боль, от чего мое сердце просто выворачивало наизнанку. Если она была невиновна, она заслуживала знать о том, что я планировал убить ее семью. Но если она поделится этим знанием, меня за это убьют. И ее тоже.

Я немного сместился назад в своем сидячем положении — нужно было прочистить голову от ее пьянящей близости и обдумать сказанное.

Она сгорбилась на спинке кресла, толкуя мою осторожность как отказ отвечать.

— Я получила твоё резюме из отдела кадров. Оно настоящее? Массачусетский Технологический Институт с отличием? Физика, инженерия и бизнес-менеджмент?

— Ага.

Кэси уставилась на меня пронзающим взглядом. Несмотря на отсвечивание золота в глазах, ее зрачки расширились — безмолвный указатель запуганности ее мыслей.

Мне нужно было снова сфокусироваться на ней. Это заставляло меня нервничать — ее анализ моих мотивов и поиск правды. Я наклонился вперед.

— Что сказал твой муж? — Она моргнула, между бровей залегла складка. Я встал на колени перед креслом и облокотился на его ручки, загоняя ее в ловушку. — Он знает о нас?

Кэси выровнялась, обхватила руками согнутые колени, и притянула их к груди.

— Конечно, знает.

Чего-то не хватало. Она чего-то мне не договаривала.

— И?

— И ничего. Он знает, что меня подставили.

Почему этот ублюдок не выследил меня и не разбил мне лицо? Я стиснул зубы.

— Он знает, как сильно тебе это понравилось? Ты сказала ему, сколько оргазмов я подарил тебе?

Ее лицо превратилось в маску строгости, а глаза сузились.

Я был ублюдком, но, черт возьми, мне нужно было понять природу их отношений.

— Ты сказала ему, как я часами вылизывал твою ненасытную киску?

— Я сказала ему, что ты вылизывал ее с раздвоенным языком.

Она ухмыльнулась, но я не упустил изменение в ее дыхании, и то, как сжались пальцы на ее ногах.

Может, она ненавидела себя за то, что наслаждалась нашей ночью вместе и никогда не вспомнит о ней, как о чем-то приятном.

Но я знал — *знал* — она до сих пор хотела меня так же отчаянно, как и я хотел ее. Она сопротивлялась этому. Раны, которые я нанес ей, были еще слишком свежи.

Я мог возместить ущерб. *Я бы возместил* его.

Осторожно, так, чтобы не коснуться ее, я наклонился над ее согнутым телом, оставаясь грудью лишь в миллиметрах от ее колен.

— Я понимаю, что ты в ярости, но ты, как и я, знаешь, что нет ничего горячее или интенсивнее, чем то, как мы трахались той ночью.

Ее голова склонилась на бок.

— Ты самый настоящий хер.

Боже, я хотел поцеловать этот порочный рот.

— Но твоей промокшей влажной киске я понравился.

Ее глаза вспыхнули, и это дало мне знать, что сказать такое было самой худшей вещью на земле.

Блядь. Я шел по неправильному пути. Наша связь была не на физическом уровне. Был эмоциональный поток, парящая энергия, которая собиралась в точке, которую разум не в силах объять.

Мне нужно было перестать думать членом и сделать смелую вещь. Мне нужно было открыться ей. Дать ей хорошенько осмотреться. Может, я тоже что-то выучу, потому что сейчас я мог положиться только на интуицию и твердость характера, оба принадлежащие неандертальцу.

Я вторгся в ее пространство. Мои глаза и лицо предоставлены для ее изучения, и я придал своему голосу всю искренность, на которую способен:

— Это было по-настоящему, Кэси. Я выключил камеры до того, как мы сняли одежду, и все, что случилось после, было лишь у нас с тобой. Никакого обмана.

— Пошел на хер, — яд в ее голосе прорезался сквозь напряжение — противоречие с мягкостью ее рта и пеленой влаги в глазах.

Я действительно все запутывал. Я не знал, как говорить о том, чего я не понимал. Но мое тело знало. Меня сотрясло от желания выволочь ее на пол, распластать подо мной и показать ей, как на самом деле я себя чувствовал.

Используй слова, ты, тупорылая задница.

Я продолжительно вдохнул.

— Я не знаю, что мне сейчас сказать, зная, что ты замужем, и зная, что у меня нет ни единого шанса на земле, — я засунул это несчастное понимание в маленький уголок, где он не мог отвлечь меня. — Но, черт возьми, Кэси, если бы ты не была замужем, я бы боролся за тебя, — я потер лицо руками, и почувствовал, как челюсть напрягается под ладонями. — Нахуй все это. Я все равно буду бороться за тебя.

Глаза сказочного синего цвета изучали меня со строгостью, которая говорила мне, что она слушала, а это, в свою очередь, обнадеживало тем, что она мне верила.

— Ты начал бороться *против* меня. Как, мать твою, ты собираешься бороться *за*меня?

Я не привык красть жен у чужих мужчин. Я бы не стал бороться с Колином, если бы она любила его. И что теперь? За что мне бороться?

Ища ее глаза, я посмотрел сквозь уверенный блеск на поверхности и углубился в жидкую синеву. Кэси уставилась на меня в ответ, казалась довольной, позволив мне изучать ее. Я потерял счет времени, терпение и часть своей души от безмолвной интимности этого взгляда. Когда ее рука шевельнулась, заклинание спало.

Легкое прикосновение ее руки к моей щеке успокоило мое дыхание. Сердце остановилось. Ладони вспотели. И там, в самых глубоких пучинах ее глаз в тепле ее руки на моем лице, я нашел то, что искал.

Оно было там все это время, когда она пялилась на меня в лифте, тянулась ко мне, чтобы удержать баланс, обвиваясь вокруг меня в отельной комнате, и сейчас, когда просто прикасалась к моему лицу. Ее одиночество проникала в каждую клеточку моего тела и заставляла желать вещи, которые никакого отношения к бизнесу не имели.

Я убрал свою руку с подлокотника и переместил за ее затылок.

— Я собираюсь бороться за твое прощение, — я уперся грудью в ее согнутые колени, прижимая их между нашими телами: — И я буду бороться за твое счастье.

Изумление промелькнуло в месте заключения одиночества в ее глазах, и грустная улыбка зародилась в уголке ее рта. Кэси убрала руку от моего лица и опустила ноги возле моих колен.

— Почему?

Мой пульс дико грохотал, когда я сдвинул ее бедра вместе, и опустился на них головой.

— Я не знаю, как сказать тебе. Я могу лишь сказать, как я это чувствую, — я схватил ее запястье и повернул ладонью к моему лицу, удерживая руку там.

Она сопротивлялась в моей хватке, но я отказался отпустить ее, когда внезапная отчаянная нужда в том, чтобы она поняла меня, заставила меня открыть рот.

— Это — настоящее. Настолько настоящее, что я чувствую это везде, будто миллион мелких вибраций под кожей. Эти...это желание защитить тебя...

Воздух врывался и вырывался из легких, а голос стал грубее от запутанной, не угаенной правды.

— Это бешеная нужда внутри меня, которая тянет к тебе, вызывает желание наблюдать за тобой, исправить боль, которая поселилась в твоих глазах из-за меня. Блядь, я не знаю, что это, но я чувствую это сейчас. Оно крутит мною — крутится вокруг тебя — и сбивает меня с гребанного пути.

Говоря об откровениях... Сентиментальность, слетевшая с моего языка, напугала меня до чертиков. Что она должна подумать? Я звучал, как жалкий актеришка.

Соль шутки была в том, что эти чувства не были новыми. Я похоронил их девять месяцев назад, притворяясь, что серебристый Дукалти на финишной линии был не той причиной, по которой я гонял быстрее и жестче, чтобы добраться до нее. Но я не мог сказать ей этого.

Ее пальцы, теперь расслабленные в моей хватке, погладили чувствительное место под моим ухом — движение, которое на подсознательном уровне заставило меня вдохнуть глубоко и счастливо. Что только прибавило мне смятения.

Я опустил лоб на ее бедро и проговорил в ее коленку под гулкий стук моего сердца:

— Я не могу не бороться за тебя.

Кэси пропустила пальцы сквозь мои волосы, мягко скользя за моим ухом.

— Ты украл мою работу, Логан. Ты снял на камеры наш секс и отдал запись моему свекру.

Ее тон был таким мягким и ритмичным, как и ее прикосновение, но вес ее слов свалился на мое горло, перекрыв доступ к воздуху.

Она опустила руку на бедро.

— И если ты не заметил мою реакцию в офисе, я ненавижу Трента всеми фибрами души. Тот факт, что *он* из всех людей, увидел это видео...

Я резко встал на ноги и зашагал к окну, сосредоточив взгляд на стеклянном и бетонном мегаполисе под нами.

— Я буду жалеть об этом до последнего дня своей жизни.

Что случится не так уж и нескоро, если я поддамся на эту безумную идею рассказать ей все свои секреты.

Мое предательство, ее брак, моя месть, — все это вместе давило на мои плечи и роилось вокруг меня. Мое тело зудело от этого, разум барахтался в оковах нашей ситуации, ища спрятанные решения и слабые места.

Я повернулся к ней лицом.

— Ты любишь своего мужа?

— Да.

Ее мгновенный и решительный ответ почти подогнул мои колени. Чего я ожидал? Что мое искаженное признание изменит зов ее сердца? Это не имело никакого значения. Она могла сидеть здесь и наблюдать, как я страдаю. Я никуда не собирался.

— Этот подавленный взгляд снова вернулся.

Она встала и сократила пространство между нами.

Ее руки двинулись к лацканам моего пиджака, разглаживая складки. Она, казалось, нарочно пыталась меня, скользнув пальцами к воротнику так близко от моего горла, что я смог почувствовать жар, исходящий от них, и то, как они отдалились от моей кожи, не касаясь ее.

Она опустила руки по бокам.

— Есть разные виды любви, Логан.

Эта маленькая, неожиданная поправка позволила мне проглотить болезненный узел в моем горле.

— Ладно, — я выровнял голос. — Например?

Она подступила к окну и приложила руку к стеклу, уставившись на восход солнца.

— Есть любовь, от которой летят искры, и которая разливается, будто лава вулкана. Знаешь, мгновенно воспламеняющийся взрывной секс, который тухнет, не успев разгореться? — она устремила на меня острый взгляд и снова отвернулась к окну: — Некоторые говорят, что это вовсе не любовь.

Я сглотнул.

— Это похоть. Желание.

Она думала, именно это было между нами? Нахер это. Воспламеняющая интрижка не была тем, за что я боролся.

Ее выдох громом прозвучал в тишине, спустившейся на нас.

— Желание — это форма любви, хоть и мимолетная. Ты чувствуешь его в один момент, и блядь, когда оно уходит, ты чувствуешь пустоту, — она вдохнула, затем выдохнула: — Это самая слабая форма любви.

Она не стояла бы, поддаваясь на угрозу Трента, если бы ее любовь к мужу была слабой. Понимание этого сжало мое горло, но я оттолкнул его и вцепился в осознание того, что у них с Колином не было взрывного секса.

— Ты любишь его не так.

Она прыснула со смеху.

— Нет.

Солнечный свет отразился на ее профиле, когда она опустила взгляд на ноги. Ее темные ресницы почти касались щеки.

— Потом есть прочная, надежная любовь. Твердая основа, которая выдержит время и закалку. Та, которую ты защитишь ценой своей жизни.

Строгие очертания ее губ сказали мне больше, чем ее слова. *Так* она любила его, и я не знал, что с этим делать.

Прядь волос упала на ее щеку, закрывая выражение ее лица. Я прислонился плечом к стеклу, глядя на нее, и заправил золотистую прядь за ухо.

Она закрыла глаза и прижалась бровью к стеклу.

— Самая сильная любовь начинается с конфликта. Это неуправляемое путешествие, наполненное самоотдачей, борьбой и желанием делиться, но попытка — решительная, и выливается в нечто, что поглощает сердце настолько, что больно от одной мысли об этом, — ее грудь вздымается и опускается с затиханием голоса: — Сплетение двух тел на духовном уровне, где нет места пустоте.

Ее желание было прекрасным и едким, таким, которое я прочувствовал с каждым болезненным ударом своего сердца. Оно наполнило меня одержимостью стать мужчиной, который даст ей это счастье.

Ее взгляд задержался на мне. Краска поднималась по ее лицу, смущенная улыбка коснулась ее губ.

Она пожала плечами.

— Ты сам спросил.

Мы уставились друг на друга в немом моменте. Никаких слов или прикосновений, но атмосфера звенела от всех роившихся вопросов без ответов.

Сумка на полу содержала доказательство того, что мои намерения были чисты и очень личные. Настало время показать ей все, что я дал ее родителям, и ее реакция продиктует мне правила, по которым мне стоит продолжать.

Но сначала мне были нужны некоторые ответы.

— Что ты делаешь с информацией, которую тебе пересылает Хэл Пинкертон?

Ее дыхание ускорилося и напряжение заставило сменить позу.

— Что?

— Ты пользовалась планом подпольных гонок. Что еще ты делаешь с ним?

Она сжала челюсти.

— Откуда ты об этом знаешь?

— Я знаю многие вещи о грязных связях Тренчент. Отвечай на вопрос, и я скажу тебе.

Она прижала кулаки к бедрам.

— Очевидно, что я не докладываю об этом в газеты, и не сообщаю копам. Мне просто нравится смотреть.

Часть меня верила в то, что она смотрела на *меня*.

— Почему Трент заходит под тем же логином, под которым Дженна получает файлы?

Ее глаза расширились в синие озера, и вид от этого расслабил мои плечи облегчением. Шок был не только настоящим, но и подтвердил мои подозрения. Кэси держали в неведении делишек Трента. По крайней мере, касательно подпольных гонок. Я сделал несколько шагов к своей сумке. Подняв ее, я указал Кэси на стул.

— Присядь.

Она уселась, наблюдая за мной с осторожностью. Я опустил в кресло напротив от нее и достал папку из сумки. Это было грубо, но я и не рвался подготовить ее. Я просто положил пакет ей на колени и изучил ее реакцию, задержав дыхание.

Когда она с изумлением прочла первую страницу, я понял, что Трент не поделился с ней причиной моего шантажа. Ее рука затряслась, когда она потянулась ко второй странице. Несколько страниц спустя кровь отхлынула от ее лица, грудь поднялась, и локти вжались в бока.

Мошенничество, вымогательство, запугивание, изнасилование, убийство. Бумаги, дрожащие в ее пальцах, были запятнаны кровью от преступлений ее семьи. Когда она листала их, я чувствовал боль, будто она была моей собственной. Я увидел, как она сжала кулак на животе и опустила плечи. Борясь с болезненным порывом успокоить ее, я сместился вперед и потянулся рукой к ее колену.

Кэси дернулась.

— Нет. Просто... — ее голос надломился. Она выставила перед собой ладонь, предупреждая меня не приближаться. — Не надо.

На протяжении этого мучительного отрезка времени, я видел маму, которая научила меня бороться с обидами детства. Которая летала на байке над фурами и чуть не погибла между двумя девятиметровыми зданиями. Которая умерла вместо зла, теперь вредившего Кэси.

Ее голос прорезался сквозь темную пелену воспоминаний.

— Этим ты шантажировал совет директоров?

У нее даже не было оранжевого конверта с конфиденциальной информацией, который я передал Тренту.

— По большей части, да.

Склонив голову, Кэси уставилась на папку на ее коленях.

— Но они отрицали это, не так ли?

Я не был удивлен надеждой в ее вопросе. Медленно я потянулся к ее лицу, и в этот раз она не отшатнулась. Я приподнял ее подбородок, чтобы встретиться с глазами.

— Они не могли. Вся правда — здесь.

Кэси отклонилась от моего прикосновения.

— Ты коп?

Я помотал головой.

Углубляясь назад в кресло, Кэси уставилась на восход. Ее ладонь дрожала возле брови, закрывая собой ее взгляд.

— Это *личное* для тебя.

Я не собирался рассказывать ей правду о своем шантаже, а собирался лишь показать ей доказательства, которые я предоставил ее семье, чтобы оценить ее реакцию. Но ничего касательно Кэси Бэскел никогда не шло по плану. Плюнув на логику, я доверял этой женщине.

— Это глубоко личное.

Ее красивое лицо исказилось страданием, ее рот колебался между болезненной улыбкой и страданием. Она была шокирована, напугана, загнана.

Бесспорно невинна.

Что означало, ее понимание о справедливости будет сильно противоположно моему.

— Нам не нужно быть копами. Ты понимаешь?

Она опустила руку, и пронзила меня яростным взглядом.

— Нет. Я не думаю, что понимаю.

Черты ее лица были деликатными и элегантными, даже когда они обострились от злости или ужаса.

Может, она еще не поняла, что я собирался убить ее семью, но какая-то часть ее должна была осмыслить эту возможность, и мне нужно было, чтобы она поняла почему.

Я потянулся к сумке, и передал ей оранжевый конверт.

Глава 20.

Кэси

Руки задеревенели, когда я опустила бумаги замерзшими пальцами и засунула их обратно в оранжевый конверт. Давление в груди напоминало ощущение, будто меня удерживали под водой. Мое тело тянуло вниз весом преступлений моей семьи, документами, которые я только что прочла, и связями, которые сейчас населяли мой мозг, пытающийся соединить их вместе.

Конверт, который Логан приберег до последнего, был основной подсказкой. Медицинские записи, тесты ДНК, доказательство отцовства — все это ясно дало мне понять, насколько непоколебимый человек сидит передо мной. Он не был тем, от которого я могла просто отвернуться, но, зная теперь, кто он, мысль о том, чтобы встретиться с ним взглядом будила во мне тревогу. Посмотрю ли я на него по-другому? Увижу ли я то, чего не видела раньше?

Увижу черты, которые напоминали мне Трента или Колина? Я собралась с духом, сжала дрожащие руки и подняла голову.

Он не двинулся в своем кресле, повернувшись ко мне под правильным углом, изучая меня глубокими золотыми глазами, изумрудные радужки вокруг которых темнели, пока он пялился. Губы сжаты в линию, челюсть — сплошное воплощение решительности.

— Задавай свои вопросы.

Господи, откуда начать? Все те ужасные вещи, которые совершила моя семья, заставили меня сомневаться в собственной безопасности, сомневаться во всем. Что, если они подслушивали? Или наблюдали прямо сейчас? Волоски на затылке задрожали от паранойи.

— Здесь не место говорить.

Он осмотрелся вокруг и снова взглянул на меня.

— Здесь нет жучков. Я уже проверил. Если мы с тобой встретимся вне офиса, это вызовет подозрения.

Открыв мне свой способ шантажа, я верила в то, что он делал. Но он не принимал решения, основанные на *моих* интересах. Он лгал мне с самого первого дня нашей встречи. Мне не стоило бы верить ни единому слову, слетавшему с его языка. Но документы, которые он показал? Конечно, лично я верила им, и я знала свою семью достаточно хорошо, чтобы

понять, что все это — правда. Было нечто, чему я могла верить.

Я опустила конверт себе на колени и расслабила пальцы.

— Твоя мать и Трент... — как мне спросить об этом? Он только что представил мне доказательство того, что у Трента было прошлое с изнасилованиями, и я на собственной шкуре убедилась, что мой свекр был способен на домогательство. — Они были любовниками?

— Нет, — тихая ненависть в его голосе заморозила мой позвоночник. — Он встретил ее в ЛА тридцать три года назад. Я родился годом позже.

Трент уже был женат тогда. Я потеряла виски, пытаюсь стереть нарастающее напряжение.

— Нам с Колином было по четыре года.

Он кивнул, а его тело напряглось.

— Она умерла, когда мне было тринадцать, — Логан отвернулся, бросая тяжелый взгляд за окно, и его лицо исказилось злобой. — Она вела дневник. Всегда носила его с собой. Она не раз писала о своих пересечениях с Трентом. Но в нем были и записи о ее любовницах, — он встретился со мной взглядом. — Моя мать была лесбиянкой.

В моей груди появилась пустота.

Тогда еще одна мысль — недавнее воспоминание о другом мужчине — зашевелилось на задворках моей памяти.

Я очень зол на свою мать. Она оставила меня не по своему желанию. Оставила меня ни с чем. Только со злостью.

Прежде, чем мне удалось обдумать это, Логан передал мне еще один документ — новостную статью. Я не хотела смотреть на нее, не зная, сколько еще я смогу выдержать.

Когда он нетерпеливо кивнул на вырезку в моей руке, я развернула загнутые уголки и прочитала про себя:

«Тело Мауры Флинт, знаменитости Байкерского Зала Славы, было найдено в комнате отеля в Огайо. Работники отеля обнаружили ее тело на кровати. Горло было перерезано большим ножом для разделки мяса, который был воткнут в подушку.

К тому времени, когда персонал нашел ее, тело уже остыло, что свидетельствовало о том, что она давно скончалась».

Там было написано больше, но глаза застелила пелена, и слова поплыли, формируя мутные картинки, которые кроваво прорезали свой путь к моему горлу, глазам и сердцу.

— Я был там, — его голос прохрипел в метре от меня, и он все равно звучал отдаленно, словно потерянный в другом месте. — Я видел, как это случилось. Прятался под кроватью.

Я не смогла вдохнуть, когда слова стерли с него грубый защитный слой, давая мне увидеть ранимого мальчика в отельной комнате. Он сгорбился, опустив подбородок. Это длилось лишь мгновение.

Он быстро выровнял спину, и непоколебимость вернулась к нему.

Я ненавидела свою слабость перед ним, но, черт возьми, я не хотела, чтобы он прятал ее от меня. Я хотела видеть его — мужчину, который был намного больше, чем обман на одну ночь. Он открыл мне причины своего предательства, заставляя меня посмотреть в глаза жестокой реальности, не оправдывая свою роль в ней. Сожаление за то, что он причинил мне боль, ослабило стену между сломленным доверием и вторыми шансами.

О, мне до сих пор было больно, и эта боль усиливалась выбором, который мне нужно было сделать из-за моей семьи. Но я отложила это в сторону и позволила комку плоти под

названием «мое сердце» вести меня вперед.

Я бросила документы на пол, встала и забралась к нему на колени. Его руки сомкнулись у меня на талии в таком знакомом интимном жесте, но все равно ощущение было другим, чем в нашу ночь вместе. Это было обменом ранимости, сложным подарком, чтобы его отдать, но таким, который заставит человека понять, что ему нужно на самом деле. Сидя боком на его бедрах, я запустила пальцы в волосы над его ушами и развернула его лицо так, что я могла его видеть.

— Продолжай.

Он в шоке посмотрел на меня, а после облизнул нижнюю губу, будто хотел поцеловать меня. Логан закрыл глаза, потом открыл.

— Моя мать сказала мне однажды, что если с ней что-то случится, чтобы я взял ее дневник и исчез, — он провел пальцем по моей руке, наблюдая за своим движением с расфокусированным взглядом. — Я так и сделал. Закончил на улицах Чикаго. В итоге меня забрали из дома мальчиков. Уже тогда я прочитал ее дневник, и знал, что мне нужно скрывать свою личность.

Он был всего лишь мальчиком, когда увидел, как зарезали его мать. Его заставили пройти через кошмар *в одиночку*. Боже, мне было больно вместе с ним, и дыхание с трудом выходило из саднящего горла.

Даже учитывая то, что нас с Колином вырастил человек, ответственный за всю его боль, мы все равно не испытывали страданий ни от чего, кроме родительской любви.

Логану пришлось бороться со всем. Он прошел через МИТ. Стал генеральным директором «Fortune 500». Хотя он и получил работу — *мою работу* — с помощью шантажа, но заслужил квалификацию, которая нужна была лидеру. Это на самом деле чертовски восхитительно.

Я опустила щекой на его плечо, обняв его и слушая рокотание его голоса, пока он рассказывал подробности содержимого дневника своей матери. Подробности о подсказках, которые свели нас вместе, и о своем плане прийти за Трентом.

Логан прикоснулся рукой к моему бедру, пока говорил, и двинулся дальше, поигрывая пальцем на шве моих штанов на внутренней части бедра. Я прикусила губу, пытаюсь игнорировать трепет, поднимающийся во мне из-за него.

Он подвинулся глубже в кресло, притягивая меня ближе к своей груди.

— Трент не знал, что у него есть сын, пока я не дал ему конверт пару дней назад. Я понятия не имею, поделился ли он этой новостью с остальными.

Колин сказал бы мне, если бы знал.

— Зачем ты сказал ему, что ты — его сын? У него нет преданности семье. Он даже глазом не моргнет, чтобы отправить Колина в тюрьму.

Естественная дуга его правой брови изогнулась.

— Я представился, как внебрачный сын, который хотел получить право на могущество и власть. Это была мотивация для моего шантажа. Такая, которая свяжет его и в которой он не усомнится.

Когда наши взгляды встретились, я увидела настоящую причину, по которой он здесь. Глубокая яростная боль под темными линиями его бровей. Жажда мести, которая вселилась в него, контролировала его жизнь и вела его к успеху.

Если Трент пошлет Колина в тюрьму или убьет его, как далеко я зайду, чтобы свести счеты? Всего лишь мысль об этом заставляет меня посмотреть на злость Логана в новом

свете. Чувство потери, которое я ощущала последние пять дней даже в сравнение не идет.

У него не было никого за все его детство. А у меня за пять дней моего презрения был хотя бы Колин.

Но я не смотрела на Колина так, как Логан сейчас смотрел на меня.

Он потянулся вперед и заправил прядь волос мне за ухо, его пальцы задели мою челюсть.

— Я никогда не устану смотреть на тебя.

Мои глаза грозились закрыться, так что я продолжила концентрироваться на напряжении в его бедрах подо мной, ровном дыхании, которое исходило из его рта, и движении горла под его галстуком, когда он сглатывал.

Когда я подняла глаза вверх, опустошение и желание в глазах Логана отобразило мою глубочайшую боль.

Боль, которую он открыл, чтобы получить то, что хотел. Горькая мысль промелькнула у меня в голове. Я могла соблазнить его, использовать его для собственного удовольствия и выбросить. Прямо сейчас я была в той власти, чтобы причинять боль.

Но я не хотела прибавлять страданий в эти глаза цветы плавленого золота. Лучше я брошу ему вызов. Подразню его, а потом просто встану и буду смотреть, как он горит. И может быть — всего лишь может быть — его огонь, жажда меня, превратит его в пламя, которое он обещал.

Я сместилась, чтобы оседлать его бедра. Логан тут же открыл рот, потянувшись ко мне. Я схватила ладонями его лицо, удержав свои раскрытые губы в миллиметрах от его, гордясь тем, что подталкиваю его и сбиваю наше дыхание.

Его губы были так близко к моим, что горячили их, хоть наши рты и не соприкасались.

Чем дальше я удерживала напряжение между нами, тем тяжелее мы дышали, но никто из нас не разрывал зрительного контакта. Пальцами он впился мне в бедра, и мои мышцы сжались в наказание. Еще одно чувство прокатилось по моему телу — пьянящий жар, который вытеснил всю мерзлоту, что поселилась внутри меня. Он толкнулся лицом в мои ладони, пытаясь сократить миллиметры между нами. Я отклонилась назад, когда он придвинулся вперед. Сражение «вперед-назад» с открытыми ртами и влажным дыханием. Его отчаянное желание поцеловать меня был афродизиак, от которого я теряла голову. Его тело окружало меня бурлящим теплом энергии, его грудь была настолько чертовски твердой, что мне хотелось содрать с него костюм и галстук и насладиться высеченными мышцами под тканью.

Но я выжидала, заставляя его ждать. Наше дыхание звучало поверхностно и громко, пока я вытягивала его, беспощадно дразня.

Его член напрягся под моим бедром, а хватка его руки на моей коже стала невыносимой. Когда Логан попытался коснуться языком моих губ, его глаза наполнились штормом эмоций, которые вела дикая и лютая жажда.

Почувствовав его тазовую кость под собой во время его движения, я знала, что не смогу остановить его. Наклонив голову, улыбнулась, и, когда его золотые глаза вспыхнули, ослабила хватку на его лице.

Он набросился на меня. Его рот был горячим и влажным, когда он пожирал меня. Язык Логана прошелся по моим зубам с жадностью, когда я впилась пальцами в его волосы, отдергивая его назад и прижимаясь к нему.

Ничего из нашей тяги друг к другу не было сдержанным или покорным. Он был огнем, а

я была топливом. Мы были яростными и безрассудными. Страстными и страдающими.

Взрывоопасными.

И жестокими.

Я опустила руки на его грудь и толкнула, разрывая поцелуй и хватая ртом воздух.

— Я не доверяю тебе.

Его челюсть сжалась, а в глазах запылал огонь уверенности. Он однократно кивнул. После он был на мне, его язык яростно проталкивался между моих губ, отчаянно борясь за меня. За нас. Он крепко прижал мои бедра к своим, и его стальная эрекция потиралась о мой пирсинг. Электрические искры выстреливали в клиторе, заставляя внутренние стенки моей киски жадно сжаться.

Это был мужчина из ночного клуба. Тот, кто украл мое дыхание загадочным взглядом, и который поджег все мои внутренности одним только прикосновением. Тот, кто трахнул меня своим ртом и брал то, что хотел.

Мне хотелось укусить его, ударить, избить. Но больше этого я хотела сделать его своим. Я хотела его ярость, его свирепость, его боль. Хотела заклеить каждую часть его, поджечь ее каждой частью себя и сделать нас одним целым.

Я отклонилась, чтобы посмотреть на Логана, но прежде, чем я успела перевести дыхание, он налетел на меня, и снова украл его, сжав руками мою нижнюю челюсть, пока его рот захватывал меня. Зеркально отображая его хватку, я сжала его лицо ладонями, одновременно сжимая бедрами его талию. Он безустанно целовал меня, борясь своим языком с моим, обрушивая свои губы на мои, устремляясь вглубь меня с непристойно порочным рвением.

Моя грудь вздымалась напротив его, наши сердца громко бились под сбитое дыхание. Закручивающееся давление пульсировало у меня между ног, и я дернула бедрами, жаждая его член и желая большего. Боже, я хотела его.

Когда его руки соскользнули с моего лица на шею, его рот расслабился, и нежный поцелуй напомнил мне томящееся желание. Он не спешил. Его губы смягчились под моими, а его язык стал изучать меня с необыкновенной нежностью. Он был горячим от желания, но пробирался глубже, превращая поцелуй в более выразительный, в более интенсивный, чем до этого.

Следуя подушечками пальцев по линиям моего горла, по ключицам, пальцами он усиливал давление на изгибах моей груди под свитером с коротким рукавом. Я скользнула бедрами вперед, толкаясь грудью на его руку, пока мои губы обжигал жар его рта.

Я не могла вдохнуть, когда он перестал меня целовать. Логан отклонился, расслабив плечи, но не грудь. Его руки скользнули к моей талии, и он развел в стороны бедра под моей задницей, прижавшись членом к пульсации у меня между ног.

Он открыл рот, чтобы справиться со своим тяжелым дыханием, его губы были влажными и припухшими, а волосы — взлохмаченными моими руками. Я взялась на узел на его галстуке и спустила его немного вниз по ткани, скользя пальцами по гладко выбритой коже его нижней челюсти. Боже мой, он — невероятный, когда возбужденный.

— Что ты со мной делаешь?

Это было то, что нужно. Он горел самым очевидным образом. Мне нужно было ухватить за волосы свою силу волю и отступить.

Вжимаясь ногтями в свои ладони, я оттолкнулась от его хватки и соскользнула с его колен. Он сощурил глаза, когда я отошла к окну. Логан встал, преследуя меня. Его лицо

раскраснелось, а плечи и грудь поднимались от напряженного дыхания.

Меня толкнул его взгляд — золотисто-зеленые глаза, с которыми выражение лица больше напоминало хмурость и дикость, а не расслабление. Что только прибавило угрожающего характера тому, как он приближался. Всего лишь фут, и...

— Что ты делаешь *со мной*? Этот поцелуй? — он сжал кулаки. — Что происходит между тобой и Колином?

Я коснулась окна спиной, а он накрыл мое тело своим. Он ухватил меня за волосы, выгибая шею к себе. Свободной рукой он сжал мою грудь, пока прошелся языком по открытому для него горлу, посасывая, покрывая поцелуями путь до моей челюсти, простонав в мой рот.

— Я ненавижу то, что ты принадлежишь другому мужчине. *Моему брату*, — он снова поцеловал меня, жестко и яростно, а потом отстранился. — Я, блядь, ненавижу это. Так что отвечай на мой чертов вопрос.

Я хныкнула, а мое сердце грохотало в груди от порыва рассказать ему. Блядь! Я знаю его меньше недели. Ублюдок поймел меня. Я не могла сделать тоже самое с Колином, выдав его секрет.

Кроме того, Логану сначала нужно заслужить этот ответ. Я опустила руки на лацканы его рубашки и оттолкнула его.

Он отступил назад, а потом ринулся вперед, снова набрасываясь на мой рот. Также быстро он оторвался от моих губ. Его глаза расширились и покраснели от такого количества конфликта в них, что это меня убивало.

Не давай задний ход. Не пасуй.

Я не была уверена, что он увидел на моем лице, но он всосал губу в рот, отвел руку назад и ударил ею в стекло возле моей головы. Я подпрыгнула, но он придержал меня рукой, пока стеклянная стена подо мной дрожала.

Он прижался своим лбом к моему, а рукой на груди удерживал меня на месте. Второй рукой он со злостью водил по стеклу вверх и вниз под ритм своих коротких вдохов.

Долгий момент онемения прошел, и все между нами осталось невысказанным. Казалось, он возобновлял самоконтроль. Когда его дыхание выровнялось, он убрал руку от стекла и запустил ее в волосы, позволяя коротким прядям скользнуть сквозь его пальцы. Я подняла ладонь, чтобы прикоснуться к его руке, и убрать ее от его головы. Логан еще больше нахмурил брови, глаза сфокусировались на наших руках. Наши силуэты обнимали солнечные лучи. Огни света играли на наших пальцах, пока мы держали их сплетенными, от чего я видела всю красоту этого прикосновения. Я наблюдала за этим в восхищении, наполняя свою грудь этим светом, пока медленно тянулась к нему.

Логан отступил назад, и тепло его прикосновения было заменено парой метров пространства, которое появилось между нами.

Взгляд на его лице был наполнен страстной яростью, и в то же время разбивал мне сердце.

— Ты не можешь сказать Колину о моей матери.

Реальность свалилась на меня. Свет в моем теле тут же прикончил внезапный холод, когда все, что он показывал мне прежде, всплыло на поверхность моего мозга.

Он провел рукой по лицу, и его глаза были решительнее, чем когда-либо.

— Я не знаю, какова роль Колина, но если он узнает, зачем я здесь... — он запустил руки в волосы, и уставился на потолок. — Он не может узнать, что все это ради мести. Если

он скажет Тренту...

— Колин не скажет, — я сжала кулаки по бокам. — Он не замешан в этом. Я держу его в тени от всего подальше.

— От чего *всего*? — Логан пригвоздил меня подозрительным взглядом к креслу.

Я сжала переносицу и села на подлокотник кресла.

— Двусмысленные задания, большинство из которых не внушают доверия, но на первый взгляд кажутся совершенно безобидными, — вздыхая, я объясняю характер требований совета директоров за годы, типа передачу часов «Timex», управление шоу Колина, изменение цифр в финансовой отчетности из-за *бухгалтерских ошибок* — все это законно, но, тем не менее, не внушает доверия.

То, что показал мне Логан, щелкнуло у меня в голове, расставив все подозрения на свои места. Мое недоверие к ним было причиной, по которой я хотела заменить их, когда стану генеральным директором. Но что повергло меня в ледяной шок, так это был размах их коррупции. Боже мой, я бы никогда не поверила в это без доказательств.

Он направился к своей сумке на полу у моих ног и присел, чтобы спрятать документы туда.

— Колин знает, что ты наблюдаешь за гонками?

— Да. — Знают лишь Колин и Сэт.

— А он знает, *как* ты получаешь схему гонок? — глаза Логана были сосредоточены на его сумке, а тело — натянуто, словно струна. — Он знает, что Хэл Пинкертон скармливает тебе опасную информацию?

Опасную, потому что она связана с подпольными незаконными ставками и экстремальными гонками, которые часто заканчиваются повреждениями или смертью. Опасную, если не те люди поймут, кто сливает все это властям. Я взглянула на его склоненную голову.

— Да.

Он поднял глаза на меня.

— Трент тоже это знает, что означает, Колин может делиться ею со своим дорогим папочкой.

Мои защитные инстинкты оцетинились, ненавидя его подозрения. Сэт мог бы быть утечкой, но если я скажу ему это, мне придется объяснить, кто такой Сэт.

— Но ты *нашел* сервер.

— Я ищу подозрительную активность на предмет твоей причастности. У Трента есть причина не доверять тебе? Без чьих-либо наводок?

— Я не знаю, — мурашки поползли по моим рукам, а голос заглох. — Может, он всегда меня отслеживал.

Может, Трент не верил мне, что я была такой наивной, какой он всегда меня считал.

Логан встал, поправляя ремень от сумки на своей груди.

— Когда ты ушла из офиса Трента, я последовал за тобой. Колин видел меня через дорогу, и клянусь, он меня узнал. Думаю, они с Трентом делятся большим, чем ты думаешь. Что означает одно: Колин скрывает от тебя какое-то дерьмо.

Чушь собачья. Я хотела наброситься на него с когтями, но заставила свою задницу сидеть на подлокотнике и произнесла спокойным голосом:

— Трент позвонил Колину как только я ушла. И он отправил ему твое фото, когда ты поехал за мной. Он не хотел драться на улицах Чикаго, и устраивать спектакль.

Логан взмахнул рукой, не веря.

— Ладно. Расскажи мне об угрозе, с помощью которой Трент помыкает Колином.

Господи, хренов охотник на ведьм.

Я стиснула зубы.

— Это подкупленная улика. У Трента есть что-то, что привязывает Колина к месту преступления — убийства восьмилетней давности. Он невиновен.

— И откуда ты это знаешь? Основываешься на доверии к своему мужу?

— Да, — я улыбнулась, обнажая зубы, но внутри я подвергала сомнениям невиновность Колина.

Он сказал мне, что существовала подкупленная улика, и я никогда не сомневалась в его словах или в нем самом ни секунды. Мой желудок скручивало в узел.

Нет, я отказывалась не верить в его преданность. Я знала его всю свою жизнь. Мое доверие ему было всем для меня.

Но голос в моей голове напомнил мне, что *я сама* не была полностью честна с ним.

— Знаешь, что я думаю? — он нарушил мое личное пространство, пялясь на меня с такой настойчивостью, которая не соответствовала нежности в его голосе. — Я думаю, что он изменяет тебе, и поэтому ты изменяешь ему. Как ты можешь верить кому-то вроде него?

Я тихо и медленно выдохнула:

— Отношения между мной и моим мужем не твоё странное дело.

— Я не доверяю ему.

Суровое напряжение на его лице и непоколебимость, которая застыла в его глазах, заставила мою кровь кипеть.

— Он — мой лучший друг, и единственный человек, которому на меня не наплевать!

Логан медленно выдохнул, пытаясь держать себя в руках.

— Я здесь, чтобы разобраться, кто замешан, а кто — нет.

— И тогда что? — но я уже знала. Я знала, что он планировал сделать. Мои мышцы напряглись, и в голове созрел план действий. — Нам нужно пойти в полицию. У тебя есть все доказательства, которые нужны, чтобы начать расследование. Пускай власть выкапывает все связи.

Он развернулся и зашагал по широкому офису, пока его рука снова зарылась в его волосы.

— Мы не можем. Доказательства... — он прижимает сумку к бедру и трясет ею: — Все это приведет ко *мне*. — Логан поворачивается ко мне лицом, и в его глазах я читаю вызов. — Я отомстил тем убийцам.

По моей спине прошелся холод.

— О чем ты говоришь?

— Трент имеет дело с опасными людьми. Наемными убийцами. Людьми, которые насилуют, пытаются и убивают.

— Ты убил их.

Мои плечи сковало напряжением. Инстинкт самосохранения кричал мне уносить отсюда ноги, но интуиция говорила, что он никогда не причинит мне боли. Не такой боли. Он предоставлял мне свои секреты. Самые тайные секреты. Это внушало мне чертовски много доверия.

— Я уничтожал насильников и убийц, Кэси. Среди них был и тот, кто убил мою мать, — он приподнял подбородок, и неизвиняющаяся сила в его взгляде не принадлежала

безумцу. Он больше походил на готового к бою линчевателя, который прожил нелегкую жизнь. — Я положил конец тому, что они отнимали жизни.

Логан верил в то, что делал правильную вещь, но в нем была тьма. В тени его угрюмого взгляда, бурности его характера и яростности его умения тряхаться.

Это напомнило мне другого мужчину, о котором я так долго лелеяла фантазии. Преступника, который скрывал свою тьму под костюмом из черной кожи. Неуловимый увечил и убивал во время гонок — факт, который не остановил меня в лифте.

Я не знала Логана Флинта или Неуловимого настолько, чтобы определить, был ли это один и тот же человек. Но мой мозг цеплялся за эту идею и начинал искать подсказки. Например, вырезка из статьи, которую он мне показал.

— Твоя мама была в Байкесрком Зале Славы?

Он коротко кивнул, и его глаза принялись изучать меня на расстоянии пары метров.

Я вздернула подбородок.

— Ты ездешь?

— Нет.

Ни колебания. Ни эмоций. Прямой зрительный контакт.

Который не сказал мне абсолютно ничего.

Телефон на моем столе издал сигнал. Я вздохнула.

Скорее всего, Дженна звонит, чтобы напомнить про утреннюю встречу.

Двигаясь к телефону, чтоб ответить, я почувствовала, как он сделал то же самое. Я нажала на кнопку громкоговорителя.

— Дженна?

— Твоя встреча в 8:30 вот-вот начнется

— Уже иду, — я отключила звонок и развернулась.

Расстояние до Логана стало меньше метра, и мы пляли друг на друга. Между нами все еще была энергия, но она изменилась. Молчаливое общение показалось ограниченным, будто ожидало определенных условий. Но в нем была надежда и оно что-то искало.

Он тоже это почувствовал. Я увидела смягчение в его глазах и том, как он склонил голову.

Потом Логан подступил вперед, сокращая расстояние между нами за три шага. Он опустил руку на мой затылок и коснулся губами моей брови, задержавшись на ней и обволакивая мою кожу теплым дыханием.

— Не убивай мою семью, — прошептала я, сжав его галстук. — Они — ужасны, но я... — я сделала глубокий вдох. — Мне нужно время подумать.

После всего, что они сделали со мной, я не могла оправдать их смерти. Не имея подтверждения доказательства и не обдумав то, что убийство сделает с Колином, со мной, и особенно с Логаном. Он убивал, но не свою собственную кровь. *Не своего отца*. Как человек может вернуться после такого?

Он взял в руки мое лицо, разворачивая к себе под углом, и пронзительно взглянул.

— Не звони копам, пока будешь думать.

Если я расскажу то, что знаю, Логан исчезнет. Или хуже: его поймают. Была также угроза Трента Колину. Если я отправлю его в тюрьму, он заберет Колина с собой.

Я кивнула.

Трент дал мне месяц. Я могла подождать, чтобы обеспечить Колину безопасность. А потом нахер это место. Я начну новую жизнь.

Но что будет с карьерой Колина? И что случится двадцать седьмого октября? Кто передал Тренту часы?

Боже, я хотела поговорить с Колином. Я утаивала слишком много секретов от него, что означало, что он мог делать то же самое.

Логан едва коснулся губами моего лба и отступил.

— Иди на свою встречу. Я подожду, пока ты будешь думать. Только... не затягивай.

Как я могла отговорить его убить мою семью? Он мог пойти и сделать это прямо сейчас, а затем исчезнуть.

С другой стороны, он не мог остановить меня от попытки изменить его намерения. Разве что он убьет и меня.

Моя напряженность нарастала, пока он уходил. Наше соглашение при прощании балансировало на тонкой грани доверия.

По пути из моего офиса Логан захватил ведро со змеей и сунул его под мышку. Мышцы на его спине и груди напряглись и расслабились, натягивая трикотажный пиджак, пока он двигался.

Его твердое тело было создано не для костюма. Все эти сильные, бугристые мышцы принадлежали черной коже, в которой седлают байк. Неужели я придумываю это? Все внутри меня задрожало от этой мысли.

Он посмотрел на меня через плечо у двери и указал на змею в ведре под мышкой.

— Ты сама это сделала?

Колин помог мне найти селекционера и притащил змей, но остальное я сделала сама. Я улыбнулась.

— Я знаю, как справиться со змеей.

Логан вернул мне грустную улыбку и исчез за углом.

Глава 21.

Кэси

За последующие две недели узел в моем животе пустил корни. Я не могла есть, не могла спать, и ежедневные обязанности на работе требовали полной моей концентрации. Моя челюсть постоянно была сжата, каждый час я чувствовала тошноту, а сжимающее грудь чувство превращало каждый мой вдох в сражение.

Сидя и задыхаясь в конференц-зале, я оперлась о локти на стол и сглатывала слюну, которая то и дело наполняла мой рот. Это было все, что я могла сделать, чтобы не позволить тревоге вывернуть мой желудок наизнанку.

Источники моего волнения сидели на четырех черных креслах с высокими спинками на противоположной стороне стола. Мои родители и свекр со свекровью сидели в своей обычной позиции а-ля «они против меня», и между нами была лишь деревянная поверхность стола. Даже отведя от них взгляд, я могла чувствовать их. Их порочность витала в воздухе, уколы их мимолетных взглядов, звук их голосов — все это натягивало мои нервы и превращало их в невыносимую боль.

Они монотонно гудели, словно не совершали своих ужасных преступлений. Родители Колина спорили о выгоде запуска новой кабельной сети. Мой отец заманивал их техническими решениями, а моя мать сидела молча, бросая свое осуждение и презрение с

надутыми губами.

Мы с Логаном сидели напротив них, и между нашими местами стояло лишь одно кресло. Кресло, полное утверждений и искаженных решений. Мы не говорили о наших секретах с того самого утра, когда я разбросала змей на его столе, хоть мы и пересекались каждый день, будучи генеральным директором и вице-президентом. Он освоился, пока я справлялась с политикой окружающего его персонала. Вместе мы вели дела, будто это было единственным нашим занятием.

Он не сделал ни единого шага против «Тренчент» и вместо этого, казалось, осваивал свою новую роль. Но это терпение было уловкой. Тикающее напряжение между нами зудом пронеслось по моей коже на протяжении каждой встречи с сотрудниками. Когда мы пересекались в коридорах, его поверхностные взгляды пронзали меня немymi вопросами.

Мы ограничили наши затяжные взгляды в присутствии других. Для посторонних глаз наши пересечения были чисто профессиональными. С точки зрения моей семьи, мы терпели навязанное нам партнерство.

Никто не знал того, что знала я. Под учтивой улыбкой и накрахмаленным костюмом Логана скрывался убийца с предумышленными намерениями закончить то, что он начал. Не было никаких сомнений в том, что свободное время он проводил, перерывая ряды работников компании в поисках кротов, пока пытал себя размышлениями, решая слишком долго и откладывая неизбежное.

Неизбежным было то, из-за чего я не могла согреть свои ледяные пальцы, из-за чего потеряла пару килограммов, и из-за чего чувствовала, как вот-вот развалится мое тело. Неизбежное включало в себя выбор: упрятать мою семью за решетку или под землю. Но часть, с которой я сражалась больше всего, заключалась в том, что как только решение — независимо от того, какое — будет воплощено в жизнь, Логан исчезнет. Станет он беглецом, либо попадет за решетку — его не будет рядом со мной.

Что мне, блядь, делать с этим прямо сейчас? Мое жесткое недоверие к каждому человеку в моей проклятой жизни построило барьер между мной и Колином. Я не смогла смириться с убедительной причиной сказать ему о гнусных вещах, которые совершили наши родители. Что остановило бы его от того, что бы не сдать их полиции? Ему было плевать на последствия для меня и Логана. Или хуже. Что, если он их защищал? Что, если он уже знал? Так что я буду держать свой рот на замке, пока не проверю каждый факт, который мне предоставил Логан. Я и близко не была журналистом, но я возглавляла целый отдел. Я проверяла источники, следовала за подсказками, назначала репортеров делать то же самое, копалась в запросах и использовала осторожную двусмысленность, которую Трент всегда пускал в дело со мной.

Присвоение и растрата чужого имущества, финансовые махинации, пропажа персонала — все это суммировалось, хоть и было спрятано под хорошо спланированными объяснениями, в которых не усомнится ничего не подозревающий человек. Имя «Тренчент» было запятнано преступлениями. Все, что я откопала, озлобило мои стремления возглавлять эту гнусную корпорацию. Дело было не только в коррумпированных членах совета директоров. Коррумпированные партнеры внутри и вне этих стен были лишь многими слоями обмана, которым был пропитан каждый отдел.

Единственный интерес, который я ни с чем не могла связать, был интерес Трента к подпольной гоночной сети.

Если верить Логану, Трент вытащил файлы со схемами гоночной сети. Если это было

правдой, почему месяц назад он попросил меня узнать о ней все, что я могла? И больше никогда ничего не спрашивал? Он знал, что я хранила этот секрет, и я молилась Богу, чтобы это был единственный секрет, о котором он узнал.

Я так же провела расследование касательно Логана, копая онлайн информацию о нем и снимая его фото, словно одержимый сталкер. Он водил джип «Вранглер». Он останавливался в Старбаксе по соседству от офиса каждое утро. Он ходил в тренажерный зал в двух кварталах от офиса каждый вечер. У него не было друзей или семьи, а адрес, указанный в его рабочем файле, находился в южной части Чикаго. Но я ни разу не видела его джип на стоянке там.

Каждый раз, когда он садился за руль своего джипа возле «Тренчент», я теряла его. Я использовала такси, чтобы не казаться подозрительной, но, кажется, Логан знал Чикаго лучше, чем кто-либо, и знал где повернуть в последнюю секунду. Он водил так, как Неуловимый водил свой байк.

Я сравнила фотографии Логана и Неуловимого, проанализировала комплекцию их тел, рост и вес. Абсурдное занятие, учитывая, что члены их обоих побывали у меня во рту. Но мой короткий момент с Неуловимым был покрыт темнотой, и размеры его тела было не тем, что я унесла в своем рассудке той ночью. Даже если это был один и тот же человек, это не изменит исход. С каждым днем время сжимало мои ребра все сильнее и сильнее. Возможно, я выжидала месяц, желая, чтоб Логан выждал его со мной. Возможно, я ждала, что он будет сражаться. Не за свою месть, а за меня.

Сидя через кресло от меня, он был одет в черный костюм, скрывающий тело, которое я так хорошо знала и по которому так отчаянно скучала. Всегда один и тот же стиль с черным галстуком и белой рубашкой. У него, должно быть, целый шкаф забит такой «униформой», и, если я посмотрю под стол, точно увижу черные кеды. Бунтарский и сексуальный, как грех. Его сильная челюсть напрочь была лишена растительности, светлые волосы зачесаны назад, и каждая прядь идеально уложена гелем. Пока он придерживался своего чисто выбритого вида с гладкостью бизнесмена, я предпочитала его со щетиной и спутанными волосами.

Я хотела запустить руки в его волосы и взъерошить эту сраную прилизанность. Я хотела целовать его до тех пор, пока он не будет задыхаться, и его глаза будут не в силах остаться открытыми из-за желания. Я жаждала безжалостного, сексуального мужчину, которого видела в своих фантазиях каждую ночь. Логан на спортивном мотоцикле. Его тело покрыто черной кожей. Его синтетически искаженный голос шепчет над моим ухом.

Эта бешеная нужда соединить двоих мужчин в одного заставляла меня нервничать. Мне не нужно было больше осложнений в своей жизни, но я так отчаянно хотела, чтобы это оказался один и тот же человек. Я расслабила бедра, и тепло между ними начало пульсировать, как только я сжала мышцы.

— Какое влияние это окажет на цифровые носители, Кэси? — мой отец уставился на меня поверх своих очков в оправе из серебра.

Я опустила руки на колени и замедлила дыхание. Мое открытое отвращение к ним было не новостью. Я отбросила шутки в сторону семь лет назад, когда они заставили меня подписать брачный контракт. Но контракта больше не существовало, и они не знали, что я ведала их секреты. Не догадывались, что я была в одном телефонном звонке от того, чтобы сдать их задницы копам. Не понимали, что я рассматривала другие варианты своего возмездия.

— Мне плевать. Просто увольте меня и оставьте Колина в покое.

Моя мать оттолкнулась от своего кресла и встала над столом, слегка наклонившись над ним.

— Повзрослей, Кэси. Смирись со своим мелочным разочарованием и делай свою гребаную работу.

Мои внутренности съежились от презрения в ее тоне. Неважно, насколько бессердечной она была, часть меня всегда будет хотеть ее любви.

Боже, меня это возмущало. Прибавьте к этому мое отвращение к их преступлениям, и поймете, почему я не смогла удержаться от ухмылки, пропитанной ненавистью.

Они бы предположили, что мое негодование будет связано с предательством Логана. Так что я сыграла свою роль.

— Моя *работа* была украдена мужчиной, который шантажировал каждого в этой комнате. Может, поговорим об этом?

Трент опустил телефон, которым был поглощен все это время, равняя меня с землей.

— Сунешь нос в наши дела, и для тебя это добром не кончится.

Я даже не посмотрела на своих родителей в поисках поддержки. Они знали об угрозах Трента мне.

Их алчные планы стояли на первом месте.

В ушах послышался белый шум, и голова слова налилась свинцом. Как бы сильно я ни пыталась заглушить голос своей матери у себя в голове, он все равно проник под кожу.

— ... твои легинсы из секонд-хенда, и то, что на твоих ногах? Это байкерские берцы? Нам нужно поддерживать имидж, а твое пренебрежение не...

— Кейтлин, — голос Логана прозвучал гладко, словно сироп, но все комнате замерли, включая и мою мать. — Сядь и закрой рот.

Вена начала пульсировать на ее лбу, и я подавила ухмылку. Было невозможно допустить смертельную грань под его черным костюмом, но все в комнате будут это уважать. Они хотели, чтобы на их стороне была такая опасность.

— Босс Кэси — я, — Логан расслабился в своем кресле. — Если она нарушит дресс-код, или если ее отношение скажется на исполнении ее обязанностей, я *сам* с этим разберусь, — он одарил меня беспристрастным взглядом и вернулся к ней. — Что касается влияния кабельной сети на цифровые носители, думаю, оно получит даже лучшее преимущество в конкурентоспособности на рынке, если вы используете идеи Далтона.

Он вел разговор без сучка, без задоринки, хоть и знал, что ни одна из этих инициатив не воплотится в жизнь. Я представила свою мать в оранжевом костюме с обвисшим без ботокса лицом. Затем я представила ее холодные мертвые глаза и кровь, которая вытекает из разрезанного горла.

Я прижала кулак к животу и опустила взгляд на колени. Когда я подняла голову, она уставилась на меня со сжатыми губами.

Она никогда не будет заботиться обо мне так, как мать должна заботиться о своей дочери. Ей было наплевать на видео Логана. Черт, она подстроила первоначальный план обольщения с мужчиной из эскорта, Холденом. Но это не оправдывало смертельный приговор. Она также присваивала миллионы из благотворительных организаций и участвовала в найме убийц. Может быть, последнее и оправдывало смерть, но решение принимать не мне.

На встрече был объявлен перерыв, и мы с Логаном разошлись по разным сторонам коридора, направляясь каждый в свое крыло. Когда я дошла до двери своего офиса, я

почувствовала его. Я была так потеряна в своих мыслях, что не услышала, как он изменил направление. Но, Боже, как же сильно я приветствовала жар, исходящий от его тела у меня за спиной, приятный запах мыла и размеренный ритм его дыхания.

Я перестала слышать свой пульс, и ноги отказывались двигаться. Он стоял просто за мной, не прикасаясь, но близко настолько, чтобы пробраться в мой мозг. Я переступила порог своего офиса, и он последовал за мной по пятам, закрывая за собой дверь.

Когда я повернулась, он поймал мою руку за запястье, предотвращая удар по его лицу. Второй рукой он проделал медленный мучительный путь вниз по моей руке, посылая искры по моему телу.

Убирая волосы с моего плеча, Логан приблизился к моему уху и прошептал:

— Я скучаю по тебе.

Я моргнула в тумане, глядя на горизонт за окном, пораженная тем спокойствием, которое мне принесли его слова. Две недели стресса упали с моих плеч, и я повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо.

Он снова остановил меня, не дав повернуться, опустив руки на бедра и пробираясь пальцами ниже.

— Пожалуйста, не поворачивайся. Если ты это сделаешь... — он глубоко вдохнул. — Я пытаюсь держаться подальше, но если ты сейчас поднимаешь свои изумительные глаза на меня, я забуду о том, что ты состоишь в браке.

Я кивнула. Все мое тело сосредоточилось на его руках у меня на бедрах, а моя кожа горела от желания почувствовать его пальцы под краем моей рубашки.

Его твердая грудь напряглась позади моей спины, и его хватка на бедрах усилилась, сжимая тонкий материал моих легинсов.

— Твое время раздумий по поводу этого дерьма вышло. Оно слишком сказывается на тебе. Ты очень бледная. И потеряла несколько килограммов, — он коснулся бровью моего плеча, а дыхание согревало мою спину. — У тебя под глазами черные круги. Время покончить с этим.

Я почувствовала, как он прижался ртом к изгибу моей шеи. Его грудь вздымалась и опускалась, зеркально отражая мое собственное дыхание. Он был везде вокруг меня, обнимая своей силой и прогоняя холод в моих конечностях. Связь, по которой я так отчаянно скучала, простое удовольствие от его присутствия, от надежды на то, что, возможно, я не одна, его тепло, его запах, его слова — все это встало на месте и создало силовую линию между нами.

Мое сердце набирало темп. Я выпуталась из его хватки и отошла на некоторое расстояние прежде, чем повернуться к нему лицом.

— Ты хочешь знать, чего я жажду?

Он кивнул один раз. Непреклонное напряжение в его теле, твердые мышцы шеи над его галстуком, и пламя, пляшущее в его глазах говорили мне, что он был в секундах от того, чтобы сорвать с меня одежду. Я хотела больше, чем это. Я хотела, чтобы он обнимал меня, пока я сплю. Чтобы его тело прижималось ко мне в *нашей* постели, и чтобы он защищал меня от всего, с чем я не смогла бы справиться в одиночку. Я хотела стать той, за кого он будет бороться, и быть причиной, ради которой он будет жить и дышать. Я хотела, чтобы он выбрал меня, а не мечь.

— Если я скажу тебе убить их, это превратит меня в такое же зло, как и они сами. Если я сдам их копам, ты исчезнешь, чтоб избежать последствий своих преступлений. Если я

уйду, их алчность не закончится, и умрет еще больше людей, — вздернув подбородок, я уставилась в глубину его глаз. — Мне нужен четвертый вариант.

Он нахмурил брови так, что одна выгнулась слегка больше второй.

— Четвертого варианта нет.

— Я знаю, что он есть. Тебе нужно лишь решить, хочешь ли ты узнать его так же, как я.

Глава 22

Логан

Я расхаживал по складскому подвалу, лавируя между деталями мотоциклов и монтажными платами. Сунул руки в карманы джинсов, потом запустил в волосы, и снова спрятал в карманы. Энергия без устали курсировала по плечам, а мысли были пойманы в бесконечный смертельный круг

Бенни должна была вернуться в любую минуту. Мне стоило сосредоточиться на сообщении, которое она извлекла. Но мои убеждения, мои планы, каждая гребаная вещь, которую я знал о себе и своей жизни, изменились и тянули меня назад к Кэси. Все, что имело значение — это ее счастье.

Прошло четырнадцать дней с тех пор, как я прикасался к ней, чувствовал ее запах и разговаривал с ней на уровне, который не включал в себя корпоративные намерения. Четырнадцать дней с тех пор, как я задержал ее в офисе, как изгиб ее спины прижимался к моей груди, и как мои руки впивались в ее талию. Четырнадцать дней с тех пор, как Кэси попросила меня о четвертом варианте.

«Тебе нужно лишь решить, хочешь ли ты узнать его так же, как я».

Я хотел ее среди всего прочего. Я знал это тогда, и я точно знаю это сейчас.

Голодное желание обладать было моим постоянным спутником, обжигало грудь изнутри, пугало мысли и пульсировало в члене. Так что я ходил, не останавливаясь. Чтобы перенаправить свои мысли. Чтобы обратить в пепел ревность, которая пожирала меня, когда я думал о том, что она со своим мужем. Но звук моих шагов лишь усиливал гудение в голове.

Наконец-то пространство подвала заполнил отдаленный шум движущегося лифта, открывания двери и скрип сапог Бенни по бетону. Мгновение спустя маленькая фигурка появилась в пространстве между дверью склада и гаража.

Тонкие хвостики на ее оранжевом парике, заплетенные в косички, спадали на плечи. Леопардовое боди голубого цвета покрывало ее руки и грудь, остальная часть тела была спрятана под розовым комбинезоном. Ее одежда вместе со злобным изгибом ее губ напомнила мне смурфа.

Она помахала у меня перед лицом долларовой купюрой и произнесла, вытаращив глаза.

— Он — наш.

Я надеялся, что возбуждение завибрирует по моему телу, но дыхание даже не сбилось, а ноги сами понесли меня к ней без особой на то причины. Во мне не было и доли той энергии, которая должна была быть.

Я взял доллар, который ожидал меня в ее руке, и уставился на надпись на нем, сделанную вручную — неразборчивые цифры превращались в ряд нолей.

— Он сделал ставку.

Наконец-то.

— Я нашла его в сети. Каждый доллар там, — она поправила свои косички и начала раскачиваться вперед и назад. — Тот факт, что он отправил подтверждение по самому маленькому счету в напечатанном виде, добавляет немного жалкой иронии, разве нет?

Я молча кивнул и спрятал доллар в свой кошелек. Последний кусочек плана был завершен. Трент заглотив наживку. Месяцы анонимных предложений, которые я делал с помощью передачи часов «Timex», сработали.

Осталось только два дня до двадцать седьмого октября. Мой последний заезд. Все было на своих местах. Но все изменилось.

Бенни прищурилась, а из-за накладных ресниц, которые доходили чуть ли не до середины ее виска, этот взгляд слишком привлек к себе мое внимание.

— Почему ты выглядишь так, будто тебя укусили за зад? — она опустила руки на бедра. — Ты должен... Не знаю, улыбнуться с безумным взглядом или что-то в этом роде.

Десятилетия подготовки и тщательно выполненная работа, и вот я стою здесь. Двое суток до дня расплаты. Я представляю жизнь без желания отомстить, которая не заканчивается с пистолетом в руке. Когда бы я ни закрыл глаза, я вижу эту жизнь в ярких красках. Два байка на трассе бок о бок. Свирепость ее наклона вперед на Дукайти. Ее коса, хлещущая по спине, когда она оборачивается ко мне.

Этот ищущий взгляд, Бог мой, он полон надежды и желания. То же самое выражение лица было у нее, когда Кэси сказала мне, что ей нужен четвертый вариант. Вариант, который я чувствовал в самых глубинах своей души.

Но что, если я ошибся? Что, если я впущу ее, отдам ей все, что должен, а этого окажется недостаточно?

В моей природе выбирать путь, где больше всего сопротивления и не сдаваться в сражении. Может быть, я выиграю в этой гонке, *выиграю у нее*. Но что, если она оставит меня по дороге? Что, если она оставит меня, как моя мать?

Я провел руками по волосам. Мне стоило выбросить все мысли из головы и следовать за своим сердцем. Ну и что, если оно было наполовину поджаренным, полным галлюцинаций и отчаянно билось, будто у мелкого раненого млекопитающего? Все на самом деле было очень просто. Я хотел ее, и если это пугало меня до охерения, *хорошо*. Мне нужен был этот страх. Мне нужен был этот гребаный ужас, потому что лучшее вознаграждение в жизни приходит не тогда, когда ты сидишь и ноешь.

Самая сильная любовь начинается с конфликта.

Я развернулся, и моя уверенность двигала меня вперед к рабочему месту с компьютерами.

— Изменение в планах.

— Отвлечение, — зашипела она, громко топая ногами за моей спиной.

— Нет, — я развернулся к ней, и мой голос отрикошетил от стен. — Изменение в сердце.

Ее зеленые глаза загорелись, а на лице промелькнуло смятение.

— Ты не рассказываешь мне, Логан.

— Я рассказываю тебе, — я повернулся назад и стал рыться в мусоре на столе, собирая фонарики в виде авторучек, кусачки и... куда, мать его, подевался РЧИД-ридер? Я передвинулся к следующему столу. — Я рассказываю тебе все.

Она знала каждый разговор между мной и Кэси. Кроме интимных моментов. Они ее не касались.

— Ты не рассказываешь мне то, что чувствуешь, — она поймала связку проводов, которую я выбросил в моем поспешном поиске. — Я знаю, что у тебя есть больше, чем одно чувство, ты, злюка. За последний месяц, я видела в тебе брызгу, мечтателя, ленивца, неряху...

— Это не чувства, — я окинул взглядом ее прикид, останавливаясь на голубых рукавах. — Это же смурфы.

Она пожала плечами.

— У меня сегодня свидание с Гаргамелем. Но сопутствующее значение имеет место быть. Ты шатался вокруг без дела, заглядывая в бутылку с пивом. Ты не гонял две недели. Что было бы тяжело сделать, учитывая, что у тебя в заднице не заноза, а целая палка, — она скрестила свои голубые руки. — Я просто хочу услышать, что ты признаешь это.

Я сделал глубокий медленный вдох. Она понятия не имела о плане мести. Ее работа на меня заканчивалась через два дня, независимо от исхода. И с той зарплатой, которую я платил ей последние десять лет, она может провести свою пенсию на яхте, полной персонала, разодетого под косплей. Она изо всех сил старалась вывести меня из себя, потому что мы дружили десять лет. И наша дружба стоила этих высококлассных упреков.

Я повернулся к ней и заговорил через стиснутые зубы со всем своим расстройством, которое чувствовал последний месяц.

— Я хочу убить одиночество в ней больше, чем хочу чего-либо еще, — я обвел руками комнату, полную электроники и частей двигателей. — Больше, чем все это. Я хочу быть тем, кто сделает ее счастливой.

Бенни начала грызть ноготь на пальце, переминаясь с ноги на ногу.

— Она замужем.

И одинока.

Я отвел плечи назад и сжал губы.

— Пресвятая Дева Мария, Бенни. Это мой последний шанс.

Она вскинула голову.

— Нахер Деву Марию.

Ухмылка растянула ее губы от уха до уха.

— Ты меня поймал. Что мне нужно делать?

Решительность ожила глубоко внутри меня. Мое сердце начало биться с целью. Я ухватил ее за затылок, прижал щекой к своей груди и поцеловал в макушку ее парика.

— Мне нужно, чтобы ты помогла мне пробраться в ее лофт незамеченным.

Глава 23.

Логан

Пробраться в комнату к Кэси в костюме Неуловимого не было разумным планом. Это было полномасштабным заявлением. Отойти от плана моей мести, раскрыть свою подпольную личность, и стать возле кровати, в которой она спала, было безрассудным способом борьбы за ее счастье. Таким же безрассудным было отдать ей все, что у меня было, включая и силу, с которой она могла решить, что с этим *всем* делать.

И я надеялся, что она выберет меня, а не его.

Когда я вышел из лифта на восемьдесят восьмом этаже, я был вполне уверен, что вены

на моих висках лопнут, а содержимое желудка останется на полу. Проскользнуть через систему охраны башни Трампа было легкой частью.

Бенни закончила программу для РЧИД-ридера, что дало мне доступ к системе охраны гаража Кэси и к ее этажу. Бенни выключила камеры и всю защитную систему охраны в башне, включая систему сигнализации в жилых лофтах. *Пятиминутный глюк*, сказала она. Достаточно времени, чтобы проскочить мимо охраны на своем байке в гараж, вызвать лифт и подняться на этаж Кэси.

Пряча в карман металлический ридер, я неслышно закрыл за собой входную дверь, и меня поприветствовала темная тишина лофта. Я нервно сглотнул комок в горле и начал двигаться согласно картинке на визоре. Режим ночного видения предотвращал неуклюжее падение в темноте, и картинка интерьера лофта направляла меня в хозяйскую спальню.

Хотя, благодаря шлему меня и засекут. Я был не просто взломщиком. Я был взломщиком, одетым в известную маску. Мне пришлось бы говорить быстро, и, с моей удачей, Колин не спал с пистолетом.

Прямо впереди меня, на небоскребе за окном гостиной, отразился свет. Меня приворожил потрясающий вид из окна, но вместо того, чтобы любоваться им, я продолжил двигаться вперед согласно диаграмме, и свернул по коридору направо. Ладони в перчатках были скользкими от пота, а мышцы болели от напряжения, пока я заставлял свои ноги медленно и беззвучно передвигаться по полу.

Вот она — часть, о которой я не подумал. Что, если я найду их за занятием сексом или их голые тела, переплетенные во сне? Как я остановлю себя от своей ярости? Я не обдумал то, что будет после взлома и нависания над ее кроватью. Что мне говорить? *Выбери меня*. Я потянулся к открытой двери в конце коридора и почувствовал пульс у своего горла.

Пора вступить в темные, илистые воды риска. Риска быть отвергнутым после того, как я раскрою свою личность. Риска быть избитым Колином до смерти за то, что переспал с его женой. Риска быть отвергнутым Кэси.

Мне не стоило рассказывать ей об этом. Она была изумительной женщиной, и она бы поняла значение того, что я ей давал. Но было ли этого достаточно? Было ли достаточно *меня*?

Я сделал глубокий неслышный вдох и расслабил пальцы. И тогда я перешагнул через порог, прошел по комнате и встал перед кроватью.

Простыни были скомканы в беспорядке, но ночное видение давало четкую картинку линий двух сплетенных тел в позе ложечек, которые очень походили на любовников после секса.

Никакое количество самоконтроля не могло подготовить меня к той ревности, которая заструилась по моим венам.

Кровь загрохотала в ушах, и руки сжались в кулаки. Я закрыл глаза, в секундах от того, чтобы выдернуть его из постели, потеряв все остатки рассудка.

Возьми себя в руки. Пройди через это.

Разминая пальцы, я открыл глаза и сканировал его загорелые руки или ее белые волосы. Хоть что-то знакомое в куче этих простыней.

Я подступил ближе, напрягая спину и задерживая дыхание. Но когда мой взгляд остановился на подушке, сила в ногах, которая поддерживала меня, грозила вот-вот испариться.

Две головы лежали рядом. Две головы с короткими черными волосами.

Перед глазами все поплыло.

Две мужские линии челюсти.

Ребра сжало.

Два темных подбородка с тенью щетины.

Шок, равный тысяче вольт, пронзил мое сердце, оглушая меня до состояния паралича.

Еб же ж твою, сука, мать!

Он был геем.

Колин Андерсон.

Правосторонний комментатор.

Муж Кэси.

Гей.

Я не был уверен, как долго мне там стоять. Отдаленно я слышал шипение своих маленьких вдохов, пока мысли хаотично парили над каждой встречей с Кэси и каждой сраной вещи, которую она говорила. О Колине. О любви. Может, подсказки всегда были там, но, Господи Боже, я бы никогда в жизни не догадался о *подобном*.

Чем дальше я стоял, тем легче становилось на моей душе. Она любила своего мужа, но не так, чтобы это угрожало моему с ней будущему. Ее брак был выдумкой. Такой, которая, очевидно, заставила их плясать под сраную дудку «Тренчент». Боже, теперь во всем появился смысл. Я попятился из комнаты тихими шагами и прошел вниз по коридору, направляясь к другим спальням в противоположной стороне лофта. С каждым шагом вина на мне становилась тяжелее, а каждый вдох наполнялся надеждой. Ебанный ад, почему она мне не сказала? Я обращался с ней, как с предательницей. Я судил ее. *Использовал ее*. Как она могла не ненавидеть меня?

Мои шаги ускорились, кровь мчалась под кожей, пока я чувствовал потребность найти ее. Когда я толкнул дверь второй по размерам спальни, остатки моего шока впились в тишину этой комнаты.

Королевского размера кровать была пустой, простыни смяты и откинuty в сторону. Мое внимание привлек диван, смотрящий в сторону окна, и глаза сфокусировались на копне белых волос, которые спадали с подлокотника.

Внутренности сковало предвкушением. Я закрыл дверь и сократил расстояние. Моя потребность в ней усилила настойчивость в моих шагах. Она нужна была мне в моих руках. Мне нужно было, чтобы она простила меня. Мне нужно было защитить ее и сделать счастливой.

Мои потребности в ней не имели границ и пьянили рассудок, но я бы провел остаток своей жизни, воплощая каждую из них, если бы она только позволила мне.

Обходя диван, я опустился на колено перед ее светящейся от ночного видения фигурой, и снял перчатки.

— Выключить ночное видение.

Ее веки затрепетали, но остались закрытыми. Лунный свет из окна отсвечивал в ее золотистых волосах и делал бледной кожу ее длинных ног, скрещенных под футболкой для сна.

От очертаний ее тела, свернувшегося в углу дивана, мое сердце болезненно сжалось. Этот вид усилил вес ее одиночества.

Она больше не будет одинокой. *Она принадлежит мне*.

Я упивался каждой деталью — от ее деликатной хрупкой структуры и мягкой груди до

сгиба ее пальцев под щекой. Спокойное, уравновешенное умиротворение пронеслось по мне, наполняя меня эйфорией. Я не хотел, чтобы момент заканчивался, но не смог удержать себя от прикосновения к ее щеке.

— Кэси... Проснись.

Она зашевелилась. Ее дыхание замерло, а веки затрепетали, отгоняя сон. Я держал руку на ее лице, пока она не выпрямилась и не уставилась в мой визор. Она подняла руку, чтобы обхватить мое запястье.

В ее взгляде не было удивления или страха, а долгое молчание сопровождалось лишь гудящим звуком вентиляции на потолке. Наконец она облизнула губы и тяжело выдохнула.

— Я не сплю?

Я помотал головой.

Ее глаза расширились.

— Ты назвал меня по имени.

Я кивнул.

Она убрала свою руку от моей, и подцепила пальцем воротник моей кожаной куртки.

— Я люблю галстуки, но это... — второй рукой она скользнула по стороне шлема, и ее лицо озарила захватывающая дух улыбка. — Это ты.

Глава 24.

Кэси

— Ты знала.

Его искусственно искаженный голос срикошетил от моей кожи, лаская каждый нерв на ней. Ни шок, ни даже сон не могли успокоить его влияние на меня.

Логан. Мужчина, у которого нет родинок с волосинками, нет сросшейся брови или кривых зубов. Может, я была нелепа, но я так сильно хотела, чтобы *он* оказался мужчиной под шлемом. Как много раз я представляла его хриплый низкий тембр под искаженным звуком, его золотисто-зеленые глаза за черным визором, и скульптурное тело, с такой силой натягивающее швы его куртки. Тело, которое я знала.

Я соскользнула к краю дивана, прижавшись коленями к его твердым бедрам, и схватила кромку его шлема.

— Я надеялась.

С его руками, которые обнимали мое лицо и со всей внушительной силой, с которой он стоял между моих колен, я не могла остановить дрожь от чистого возбуждения. Он был здесь. К черту все грядущие последствия. Он пришел за мной, и Трент не был на повестке дня. По крайней мере, в данный момент. На мне была лишь футболка и трусики. Но температура воздуха от его окружения все равно повысилась, превращая воздух между нами в зримую линию, которая соединяла нас друг с другом. Его бедра двинулись против моих ног, и кожа его куртки закричала, когда он вжал меня в диван. Дрожь прошла по его телу, а от трения кожи куртки по моей футболке соски затвердели под тканью. Мое дыхание сбилось, и его тоже не осталось ровным надолго, стало быстрее, громче. Этот звук — его потребность — покалыванием поднимался по моим ногам, пока мозг хватался за туманную реальность. Доминирующий костюм и галстук, могущество в мышцах, агрессия, исходящая от него на байке и в совете директоров — каждая мужская черта, которая пленила меня,

была скрыта под разрушительно-сексуальной оболочкой плохого парня. Все это было здесь, отдавалось вибрацией у меня между ног, сжигая меня.

Спазм сжал мышцы на внутренней стороне моих бедер, и я бесстыдно раздвинула их. Скользнула большими пальцами по краю его визора в неудачной попытке открыть его.

— Мне нужно тебя увидеть.

Купаясь в свете, лившемся из окна, он отпустил мое лицо и расстегнул ремень под подбородком. Его бедра сместились в движении, пропуская прохладный воздух к моим влажным трусикам. Я хотела его там, и одна эта мысль создавала ряд спазмов внутри меня.

— Быстрее.

Мои легкие наполнились воздухом, когда он медленно поднял шлем, открывая мышцы шеи, сильную, покрытую щетиной, линию челюсти, и, Боже мой, эти губы.

Я бросилась к нему прежде, чем подбородок шлема сдвинулся вверх, чтоб открыть его глаза. Хватая его широкие плечи, я захватила его рот своим и украли удивленный вдох. Шлем упал где-то позади него, а его пальцы зарылись в мои волосы, язык ворвался в рот, клеймя, борясь, и снова клеймя. Его щетина прожигала след вокруг моих губ. Резкие вспышки энергии проносились по моему телу.

Мой рот сомкнулся на его, толкая, снова атакая, опять и опять, наполняя комнату влажными звуками нашего голода. Агрессивное давление его челюсти контролировало мои движения, а удары его языка, от которых поджимались пальцы на ногах, поднимали еще больше жара к месту между бедер.

Он разорвал поцелуй и поднял взгляд, ища мои глаза. Темные песочные пряди его волос торчали в разные стороны — сладкий контраст с чисто выбритым, уложенным гелем, видом в офисе. Лучи бледного света танцевали на его идеальном носу, угловатых линиях его точеных скул, влаге, блестящей на его губах.

Я не могла отвести взгляда от этих губ, и, когда они изогнулись в нежной улыбке, месяцы тревоги и одиночества спали с моих плеч и рассыпались в темноте. Почему эта улыбка так на меня влияла? Я любила его задумчивую, искривленную бровь, но эта улыбка? В ней было убеждение и исцеление, обещание того, что надломленная связь между нами выживет, несмотря на ложь и предательство.

Он расстегнул куртку и сбросил ее с плеч. Когда Логан сдернул с себя футболку, бицепсы заиграли и расслабились под его гладкой кожей, но его глаза ни на секунду не отрывались от меня.

— Нам стоит разобраться с дерьмом, и мы разберемся. Я никуда не собираюсь, — он посмотрел на дверь, а потом снова на меня. — Я запер дверь. Я знаю, что происходит в другой части лофта.

Я выпрямилась, пока мой мозг складывал вместе значение и намеки.

— Ты видел их?

— Они спали, — его внимание сместилось вниз к моим бедрам. — Расставь ноги, — он наклонился ко мне, и мышцы на его голой груди сократились. — Шире.

Мое тело подчинилось, пока моя готовность защищать Колина продолжила разговор.

— Это *его* секрет, Логан.

Он кивнул, хватая мои лодыжки, и разводя их шире в стороны, подталкивая мои ноги ближе к подушкам. Я задержала дыхание, потерялась в ласке его костяшек, пока они скользили по моим ногам от колен и вверх к трусикам.

— Блядь, Кэси. Я соскучился по тебе, — Логан приложил широкую ладонь ко

внутренней части моих бедер, создавая треугольник с моим трусиками. Большими пальцами он проводил просто у края кружева, лаская чувствительную кожу. — Такая нежная здесь. Словно шелк.

Я дернула бедрами, клитор пульсировал под пирсингом, и киска сокращалась от желания сжаться и быть наполненной.

Он наклонился ко мне, его бровь коснулась моей, пока он поддел пальцем край трусиков.

— Что сделает Колин, если зайдет сюда прямо сейчас?

Я попыталась сформулировать связную мысль, но, чертов грешный ад, он дразнил края моего входа вокруг, снова и снова, не проникая.

— Логан, пожалуйста.

Он приблизился, прижимая меня грудью к подлокотнику дивана, и все его твердое разгоряченное тело накрыло мои чувства. Его губы раскрылись, чтобы освободить сбившееся дыхание, а бедра дернулись вперед с внезапным толчком его пальцев.

Волны шока пронеслись по моим внутренностям. Его рот сомкнулся на моем, а язык нежно лизал мой, в отличие от жестких толчков его пальцев. Один доминирующий толчок следовал за другим, и я была полностью предоставлена его милосердию. Влажная и нуждающаяся, я таяла, как масло, беспомощно, бесстыдно попадая под его заклинание.

Он целовал мои щеки, веки, нос, вернулся ко рту и целовал меня снова, глубже, жестче. Его бедра переместились в соблазняющем движении, качая его тело в темпе пальцев. Из-за положения Логана его пах оказался на краю дивана, и я задумалась, потирался ли он своим членом о подушку, чтобы унять боль.

— У него есть ключ от твоей спальни? — пальцем Логан обвел мой пирсинг, шепча мне в рот. — Все, о чем мне нужно беспокоиться, это то, что он найдет здесь Неуловимого? Или о том, что он найдет меня *в роли* Неуловимого?

Я вонзила ногти в его лопатки и выгнулась от его прикосновения.

— Он постучит прежде, чем использовать ключ, — я облизнула губы, и мое сердцебиение ускорило от нужды высвобождения. — Он не собственник или подхалим. Не... О боже, прямо там.

Логан вошел в меня двумя пальцами, и его голова опустилась на мое плечо, пока он вводил и выводил их из меня.

— А теперь как?

Я схватила Логана за волосы и удержала возле себя, расслабив бедра, сжав свои мышцы и трахая его руку.

— Он не плохой человек, Логан. Я *знаю* его.

Логан отодвинул свою руку и притянул ее к своему рту.

— Я не это спрашивал, — он обхватил губами свои влажные пальцы и принялся сосать, закрыв глаза. Его ноздри затрепетали, и низкий стон вырвался из самого его горла.

Я содрогнулась, замороженная, когда он открыл глаза и вернул руку на место между моих ног.

— Тебе нужно понять... — он протолкнулся пальцами в меня, запуская искры по моим бедрам. — Если Колин сделает что-либо, от чего мне придется бежать, *мы убежим вместе*. Ты и я.

Конфронтация с Колином явно потянет за собой раскрытие секретов. Позвонит ли Колин копам, чтобы сдать пресловутого Неуловимого? Позвонит ли он своему отцу, чтобы

спланировать смерть Логана? Ни единого гребаного шанса. Только не Колин.

Его рука прекратила свои движения, а пальцы согнулись между моими стенками.

— Мы *вместе* решим, что делать с «Тренчент». И если нам придется бежать, мы сделаем это вместе. Четвертый вариант.

Сбежать вместе. Четвертый вариант. Это звучало, будто сказка. Но это не останавливало бабочек в моем животе.

— А что, если я скажу тебе отойти от своей мести?

Логан сместил пальцы, переплел их с моими и прижал наши руки к своей груди.

— Чувствуешь это?

Биение его сердца — ровное и сильное — отдавалось через мою ладонь. Я кивнула.

— Оно бьется для тебя, Кэси. Я выбираю *тебя*.

Последние следы напряжения спали с моих плеч, и я почувствовала свободу. Было опасно цепляться за эти слова, верить в то, что независимо от того, что случится, он меня не оставит. Но он рискует, пробравшись в мой лофт, не зная, сдаст ли Колин его копам, или расскажет ли своему отцу, а это свидетельствует о том, что он оставил свою месть позади.

Я жила в постоянной паранойе с тех пор, как вышла замуж за Колина. Всегда начеку по поводу секса и отношений, но не сейчас. Не с ним. Смешно, что человек, который предал меня, заставляет чувствовать себя... менее тревожно? Более уверенно? *В безопасности*.

Логан поднял голову. Его лицо оказалось так близко, что дыхание коснулось моих губ.

— А что, если бы тебе пришлось променять свою карьеру на побег ради жизни?

Я выпустила его руку и прижала обе свои к его щетинистым щекам. Во мне бушевал водоворот эмоций, но лишь одно признание горело больше других.

— Я пойду за тобой.

Его лицо напряглось под моими ладонями, а его взгляд удерживал мой, словно в плену.

— Если это не смерть или тюрьма.

Я проглотила комок, сформировавшийся в горле. Ни в одном из этих сценариев явно не было бы *никаких нас*.

— Значит, мы боремся и убегаем.

Он поднялся на ноги и шлепнул меня по бедру широкой ладонью.

— Вставай.

Очевидно, с него хватит разговоров. И хватит ожиданий, потому что он взял меня за руку и дернул, поднимая на ноги. Я послушно последовала, и жадность заполучить секс взяла верх.

Налегая на меня спереди и толкая меня спиной вперед, он подвел нас к кровати, включая свет, пока я забиралась на нее.

— Я ни о чем другом не думал изо дня в день, каждую секунду, кроме как о тебе, — его руки сжались вокруг моих бедер, поднимая футболку и сдергивая ее через мою голову. — Прошел целый месяц, Кэси.

На мне остались лишь трусики, и моя голая кожа покрылась мурашками от ласки воздуха, а соски превратились в нуждающиеся пики.

— Никаких подружек? Или быстрого секса? — я стояла спиной к нему, пляясь на свою пустую кровать. Какого черта я спросила это? И все равно я не могла остановить себя. — Я видела тебя на гонках. Тебе практически приходилось отгонять от себя женщин.

Он развернул меня, и голенью я коснулась матраса. Опустив руки на мою талию, Логан положил меня спиной на кровать, и мягкость и шелковистость моих простыней коснулась

кожи.

Наклоняясь над моим телом, он сжал кулаки возле моих бедер.

— С той ночи в лифте, это была только ты.

Во рту пересохло, пока я соединяла ту ночь с нынешним моментом. Он спас меня от лысого придурка в аллее. Он шантажировал мою семью и трахнул меня в отельной комнате через пять дней после этого. Он поехал за мной по Роджерс Авеню и сказал мне, что был зол на свою мать. — Ты знал, что тогда на байке была я? Все это время?

Он выпрямился и ослабил пуговицу на своих кожаных штанах.

— В моем шлеме, — Логан расстегнул ширинку штанов. — Есть режим ночного видения помимо прочих вещей. Я не знал, кем ты была, пока ты не сняла свой шлем в лифте.

Ладно, ого. Узнать, что женщина, которая отсасывала его член, была женой его брата? Это объясняет его бешенство. А сейчас мне интересно, что за *прочие вещи* мог сделать его шлем. Он снял свои сапоги. Его штаны исчезли следующими. И тогда он предстал передо мной, источник сильных подрагивающих мышц, с длинными мощными конечностями, и огромным, твердым членом. Очень твердым. Длинным. Толстым. *Отвлекающим*.

— Продолжай пялиться на него, — он схватился за основание, пока его взгляд блуждал по моему телу и остановился на лице. — Ты вот-вот почувствуешь, каким твердым он был весь последний месяц.

Его голос звучал обычно, но интенсивность его золотисто-зеленых глаз говорила намного больше. Его широкая стойка и V-образная линия под ребрами были неподвижны. Время замерло на месте, пока мы смотрели друг на друга, наши мысли сталкивались и переплетались, глаза общались на уровне, который выходил за пределы слов. В этот простой момент зрительного контакта мы боролись, извинялись, прощали, и трахались. После, через эту силу немого понимания, мы разделили наши страхи, желания и надежды.

От этого я задрожала, желая большего.

Приподнимая бедра, я выскользнула из трусиков, а Логан сжал кулак на своем члене. Я опустила стопы на кровать, развела ноги и скользнула пальцем по клитору.

Волна дрожи прокатилась по его прочному торсу перед тем, как он ринулся вперед. Его тело накрыло мое, его тяжелый вес выбил из меня весь воздух и заставил мое сердце колотиться. Его рваное дыхание горячило мое лицо, пока Логан приподнимал свой вес руками и разводил мои ноги шире напором своих бедер.

Его голова опустилась на мою, и Логан посмотрел вниз на длину наших тел. Придерживая член рукой, он разместился надо мной и прижал головку к моим складкам.

Я расслабилась под ним, его губы округлились, а наши выдохи смешались.

Логан поднял глаза и взглянул на меня.

— Я чист. Больше никакого дерьма между нами, ладно?

Больше никаких секретов и никаких презервативов? Я кивнула, улыбаясь. Я принимала таблетки. Но вместо того, чтобы спросить об этом, он толкнулся в меня. Жесткий, клеймящий толчок по самое основание.

Мы содрогнулись в унисон, соединенные так, как только могут соединиться два тела. Он впился ртом в мою шею, а я потянулась своим к его плечу. Логан застонал с такой жадностью, что мое сердце тяжело забилося, а киска сжалась.

Его тело напряглось и содрогнулось надо мной, против меня, вокруг меня. Он вращал бедрами, медленно и терпеливо, входя членом глубоко в меня, позволяя приспособиться к его размеру.

А затем он начал двигаться. Быстро. Безжалостно. Бесконтрольно. Он был воплощением стремления, силы и страсти. Я чувствовала это в каждом толчке его длины и силе сжатий мышц на его ягодицах под моими ладонями. Он сметал меня в своем безумии, накрывая тысячей всепоглощающих эмоций одновременно. Удары его языка по моей шее, бугристость мышц на его спине, мягкая копна взъерошенных волос, царапание его торчащих сосков по моей груди, его взгляд, рыщущий и находящий мой собственный, и внезапная сила моего оргазма, от которой я потеряла рассудок.

Я кончала долго и жестко, пока стон разрывал мое горло, а каждая молекула в моем теле горела от покалывающего удовольствия. Когда я перевела дух, из меня вырвался смешок.

— Это моя девочка, — он поцеловал меня в лоб, вышел из меня и перевернул на живот. Моя киска все еще пульсировала от освобождения, когда он вошел в меня одним длинным скольжением.

Логан наклонился вперед и оставил поцелуй на моей спине. Поддерживая верхнюю часть своего тела одной рукой, второй он ласкал мое бедро, двинувшись выше, пока не достиг моей тазовой кости, приподнимая меня за нее, выставляя мой зад под определенным углом в такой позе, какой он хотел. Я качнула бедрами, насаживаясь на него и впуская его горячую длину.

— Я не уверена, смогу ли повторить последний раз.

Рукой он остановил мои движения, сжимая бедро и жестко притягивая мою попку к себе.

— Сможешь.

С членом в моей киске и с коленями по обеим сторонам от меня, Логан запустил пальцы в мои волосы и опустил своей твердой, теплой грудью на мою спину.

И тогда, на коленях и руках, он принялся объезжать мое тело так, как делал это со своим байком. *В нем живут страх, опрометчивость и неукротимая энергия.*

Слова Колина, словно правда, звучали в голове, и я содрогнулась от воспоминания о том, что он представлял своего брата вот так.

Жар тела Логана смел эту мысль. Его толчки замедлились, а рот начал двигаться по моей спине.

Он целовал каждый дюйм спины и плеч, пока входил и выходил из меня. Твердый, толстый и неустанный член, мягкие губы, нежные и полные обожания — это было настойчивое слияние плоти, дыхания, похожего на шепот, и потребности.

Одной рукой он опирался на кровать возле меня, вторая доминирующе обнимала мою грудь. Логан мямл мою плоть и щипал сосок с умением и властностью. Его прикосновение провело прямую линию к центрам моего удовольствия, к нервным окончаниям, которые тянулись к местам движения его руки, пока она скользила с моей груди вниз по ребрам, чтобы приласкать холмик внизу живота.

Трение его большого пальца о мой пирсинг выдернуло меня на край эйфории. Я выгнула спину, пока он продолжал мучительно кружить по клитору. Толчки Логана, его большой палец, его рот на моей шее — все это поднимало меня выше, быстрее к освобождению, пока я не осталась перед ним всего лишь на расстоянии вдоха.

Он врезался в меня бедрами и жестко потянул за кольцо. Я взорвалась. Мои мышцы сжались вокруг его члена. Блаженство, от которого перед глазами появились белые пятна, прокатилось по моему телу, а челюсть заболела от того, как широко я открыла рот, чтобы

ухватить воздух.

Он наклонился над моим плечом, взял в руки мое лицо и захватил губы ртом. Его поцелуй был напористым, пока он вколачивался в меня бедрами, и последовал за мной. Его мужской стон завибрировал напротив моего рта, горячая пульсация его семени пропитывала внутренности. Его тело сотряслось, когда он в последний раз врезался в меня тазовой костью.

Когда мы упали на кровать горой потных конечностей, воздух покинул мои легкие в удовлетворенном блаженстве. Логан перекатился на спину возле меня, и его рука опустилась на мою попку. Грудь вздымалась, сражаясь за воздух и поблескивая капельками пота от напряжения.

Я прижалась грудью к его боку и провела рукой по теплу его кубиков и бицепсов. Я хотела поцеловать каждый кусочек его великолепного тела, попробовать его, вдохнуть его. Это я и сделала.

Пока я насыщалась покусыванием и поцелуями по всему его телу от головы до сгибов пальцев на ногах, он наблюдал за мной без усталости с задумчивым выражением на лице.

— Иди ко мне.

Я взобралась на его тело, его член, уже твердый и готовый, потерся о мой живот, и я опустилась на его талию. Логан разместил мои бедра напротив своих, его нежные руки — на моих ногах, а власть в его глазах всепоглощающая. Я задрожала над ним мелкой дрожью. Мне никогда не будет достаточно этого мужчины.

Медленно, он опустил меня на свою длину, растягивая меня, удерживая мой взгляд, делая финальный толчок, вошел последним своим дюймом в тугую плоть моего тела. Затем он крепко сжал свои бедра моими. Не двигаясь и не говоря.

Просто наблюдая. Сплетаясь самым интимным образом.

Он потянулся и обвил мой затылок ладонью, притянув меня к себе так, что наши лбы соприкоснулись.

— Не имеет значения, что случится или как изменится наше путешествие, места для пустоты не будет. Я обещаю.

Я втянула воздух и перестала дышать. *Самая сильная любовь.* Может, он обещал мне, что всегда будет со мной.

Может, он говорил мне, что любит меня. Так или иначе, его слова пропитаны нежностью и честностью. Простым звучанием его голоса он вырвал меня из пустоты, в которой я жила всю свою жизнь.

Горячий ком разрастался у меня в горле, а глаза жгло от эмоций, которые я не выпускала неделями. Я хотела его так сильно, что от этого остановилось больно.

Он отпустил мою шею, чтобы взять в ладони мое лицо и обрушить поцелуи, лаская и нежно сплетаясь языком со мной.

Наши тела раскачивались вместе, пока он занимался любовью с моим ртом, с моим телом и с моей душой. Я была здесь, в постели, которую когда-то презирала за пустоту, где сейчас ласкала, изучала и мурчала до самого утра. Это не было нежно и медленно. Все-таки, Логан был зверем и трахал меня жестче и дольше, чем в прошлый раз. Его лицо было между моих ног, а его член — у меня во рту и везде, где только можно. Но каждый момент был отдан и получен в сопровождении мягкого зрительного контакта, который устремлялся так глубоко, что касался сердца. Противоречие моментов его нежности и его доминирующей настойчивости держало меня в постоянном напряжении. И когда они смешивались, я

находила себя, падающей в безрассудное, безумное счастье, которое касалось глубины души.

Около трех часов ночи мы разместились в удобном объятии, пока наши голоса шепотом нарушали немую темноту. Мы говорили о Колине, о наших родителях, о его подруге Бенни, о контрасте нашего детства, о рождении подпольной гоночной сети, о его мечте стать профессиональным байкером. Мы коснулись всего, и все равно это было лишь верхушкой айсберга.

Теперь, в объятиях защищающих рук, я слушала наше ровное дыхание. Даже во сне Логан держал меня так, будто никогда не собирался отпускать. И я держала его в ответ, прижавшись щекой к груди и переплетаясь с ним ногами.

Наша неудержимая связь ужасала меня, но сейчас я могла почувствовать, как этот страх сокращается и закрывается на задворках моего рассудка. Что, если Логан ускользнет, пока я сплю? Что, если утром эта связь исчезнет?

Мне нужно было поверить в то, что эта сумасшедшая, безудержная, прекрасная связь между нами была реальной. Мы начали с конфликта, и мы станем сильнее, когда преодолеем его.

Я перевернулась в его руках и посмотрела на часы. *4.13 утра.*

Утро субботы. У нас были выходные, чтобы решить, как продолжать действовать в «Тренцент».

Вместе.

Месяц ультиматума Трента закончился. Я подам в отставку, и, странно, но я не чувствовала ни капли сожаления о том, что ухожу из компании, на которую так тяжело работала.

Что это принесет для моего будущего, я не знала. Но что я знала наверняка, это то, что я нашла, что мне было нужно.

Счастье просто было здесь, таким живым и настоящим в данный момент. И как другие вещи, за которые я боролась и победила, я защищу его — *его* — ценой своей жизни.

Глава 25.

Кэси

Я проснулась в комнате, залитой солнечным светом. Мышцы болели, плоть между ног была сухой, словно побывала в аду, а веки весили по сто фунтов каждая. Но сильная рука вокруг моего живота, грудь, прижатая к моей спине, и рот, скользящий по моему плечу? Самое лучшее ощущение в мире. Его успокаивающее объятие принадлежит исключительно мне. Томная улыбка захватила мои губы, по венам заструилось чистое удовольствие.

Я потянулась, выгибая спину, словно кошка, и перекатилась на руки, чтобы видеть Логана. Его волосы — спутанный беспорядок теплого оттенка, глаза полуприкрыты и полны восторга. Ленивое удовлетворение на его лице, казалось, увеличивает яркость света из окон комнаты, согревает меня изнутри и вздымает волоски на коже.

Он поднял руку и провел большим пальцем по моей скуле. Пальцы скользнули по лицу под подбородок, где он продолжил свою ласку согнутыми костяшками.

— Господи, как же сексуально ты выглядишь с утра.

— Кто бы говорил.

Меня поглотил вид темной щетины на его челюсти, следы на его щеке от подушки, и все

предоставленные взору мышцы, которые спускались вниз к собранным простыням на его талии.

Я могла смотреть на это тело часами, но мои глаза продолжали возвращаться к его лицу и невозмутимому взгляду, которым он пожирал меня. Мы лежали на боку лицом к лицу. Я загнула руку под подушку, и он сделал то же самое. Эта немая интимность был чем-то, чего я не испытывала ни с одним человеком, и она казалось такой легкой с ним. В простом взгляде я могла найти все, что когда-либо хотела.

Зрительный контакт был прерван, когда его рот накрыл мой. Поцелуй стал настойчивей, когда его пальцы нашли мой вход. Когда похоть взяла верх, это больше не было поцелуем, а превратилось в слияние тел. Его член был глубоко похоронен во мне, языки переплелись, и наши оргазмы настигли друг друга одновременно легко и неопишимо приятно.

Мы приняли душ, по очереди намыливая друг друга. Никто из нас не мог перестать улыбаться или целовать губы другого. Я так тщательно и часто изучала его улыбку своими губами, что внутри меня загоралось пламя. Но когда я обернулась полотенцем и прошла к двери, чтоб выйти из ванной, мое настроение сменилось ужасом. Сегодня суббота, значит Колин проснется где-то в лофте. Возможность конфронтации с ним замедлила мои шаги и утяжелила пульс.

И остановила мое сердце, когда я вошла в спальню.

Колин стоял возле кровати со скрещенными руками на голой груди. Черные шелковые пижамные штаны свисали с его узких бедер, и такого же цвета волосы были аккуратно зачесаны. Его взгляд без толики доверия уставился на немое присутствие позади меня.

— Какого хуя?

Он знал, как выглядел Логан. Черт, все сотрудники в «Тренчент» видели лицо вновь прибывшего генерального директора компании. Его жесткая поза не имела ничего общего с тем, что я привела домой мужчину. Ее причиной было то, что этим мужчиной был Логан, и от этого было больно.

Но как он узнал, что Логан был здесь? Я поправила полотенце, пытаюсь успокоить пальцы.

— Ты использовал ключ от моей комнаты?

Его челюсть дернулась от тика.

— Дверь была открыта.

Я взглянула на дверь и развернулась, чтобы посмотреть на Логана. Он завязывал узел полотенца на талии, а глаза были направлены на Колина.

Его губы превратились в белую линию, но выражение лица было... полным раздумий. Он открыл дверь перед тем, как присоединиться ко мне в душе? Наверняка, да, но зачем? Долбаный ублюдок, он что-то замыслил.

Мой пульс подскочил, и руки безжалостно сжали полотенце. Как все это развернется? Столько секретов, и Логан знал их все. Но Колин... О, Боже, если я доверяла своей интуиции, Колин не знал ничего.

Тишина растянулась по комнате, гудя от напряжения. Я развернулась к Колину.

— Где Сэт?

Его лицо ожесточилось, а голубые глаза накрепко уставились на меня в немом вопросе. Я упомянула Сэта при Логане. Он думал, я выдала его секрет.

— У него фотосъемка, — холодная звонкость его голоса подтвердила его шок и растущую злость. — Зачем, Кэси? Эта гадюка использовала тебя и украла твою работу.

— Колин, он — не гадюка, — это был слабый аргумент, учитывая, что я попросила его помочь мне доставить дюжину скользких тварей в офис Логана. Я могла почувствовать жар Логана за моей спиной, но он не сделал ни единого движения, чтобы вставить замечание. — Я не рассказывала ему он тебе. Он...

— Я не могу поверить, что ты легла с ним в постель после всего, что он сделал, — красные неровные пятна начали появляться на шее Колина, когда его глаза метнулись к моему полотенцу. — И ты привела его сюда? *Его* из всех людей? — Он запустил руки в волосы и принялся расхаживать по комнате. Его желание защищать сочилось из напряженной позы. — Черт подери, Кэси. Ты знаешь, на что он способен. Он снова причинит тебе боль. Он превратит наш брак в ночной медиа-кошмар.

Я подошла к нему и вытащила его руки из волос.

— Послушай, он не заинтересован в...

Внимание Колина привлекло движение позади меня. Я проследила взглядом за плечо и увидела, как Логан, сбросив полотенце, прошел по комнате во всей своей нагой красоте. Гладкие мышцы его сильных ног, мягкая, тяжелая длина его вялого члена, и изгиб его задницы, когда он проходил мимо нас — каждый дюйм его великолепного и отвлекающего, и...

О, нет.

Я повернулась назад к Колину и увидела, как его глаза следили за Логаном. Его лицо потемнело от злости, но в нем было еще что-то. Что-то, что он пытался скрыть.

О, блядь, нет, нет, нет...

Мой желудок сделал сальто, когда я схватила его за плечи и отвернула, но его взгляд тянулся за Логаном.

— Колин, черт возьми, не смотри на него так.

Логан подошел к окнам, разминая гибкие мышцы и потягиваясь руками над головой, а солнечный свет отбивался от его кожи. Жар пронесся по моей кровяной системе и обжег щеки.

Какого хера он делал? Если Колин не знал, что они братья...

О, Боже мой. Понимание ударило мне под дых. Если Колин знал какие-нибудь секреты Трента, кровная связь Логана заняла бы первое место в списке. Я бы поставила деньги на то, что Логан открыл дверь и прошел по комнате, чтобы увидеть реакцию Колина.

Он же на самом деле больной долбаный засранец.

Я схватила ближайшую к себе вещь, которую удалось найти — ею оказалась расческа со столика — и запустила ее через комнату, от чего она ударилась о спину Логана.

— Надень гребаную одежду!

Логан поморщился и потер место удара, но когда оглянулся через плечо, я увидела улыбку на лице этого ублюдка.

Колин прочистил горло и почесал челюсть, но его долбаный взгляд снова направился к телу Логана.

Скрипя зубами, я ступила между двумя мужчинами и крикнула:

— Логан, перестань соблазнять своего брата!

Глава 26

Логан

Мне нужно было хоть немного доверять Колину. Он неосознанно глазел на член своего брата, и его не стошнило, когда Кэси рассказала о наших кровных узах. Но, черт, его лицо стало нереального белого оттенка.

Когда я проснулся сегодня утром, я принял внезапное решение встретиться впервые с ним в своем костюме а-ля «в чем мать родила», просто чтобы увидеть его реакцию и узнать, сколько ему известно. Мой поступок не вписывался в рамки, но доказал лишь одно. Он не знал, что мы были братьями.

Что означало, что вера Кэси в него могла и не быть ошибочной. Может, его родители на самом деле не вовлекли его в свое дерьмо.

Два часа спустя она закончила вводить его в курс всего, что мы знали, включая и все секреты, которые она хранила от него годами, так же как и мою связь с подпольными гонками. Она использовала флешку, которую я принес, чтобы показать ему цифровые копии доказательств на ноутбуке. Преступления его семьи, смерть моей матери, доказательство нашего кровного родства. Он отвечал вспышками эмоций. Шок от того, что Кэси утаивала столько от него. Отрицание того, что его семья могла совершить такие преступления. Отвращение, когда он увидел доказательства. А теперь он, казалось, пытался справиться со злостью. Может, у нас было еще нечто общее, чем просто набор ДНК.

Он оттолкнул полупустую тарелку с французским тостом по кухонному островку и впился в нее затуманенным взглядом.

— Нам нужно их убить.

Я кашлянул, прикрывшись рукой и пытаюсь подвить улыбку. Разве он не полон сюрпризов? Но Кэси было не до смеха. Она уставилась на него, потом на меня, и снова на него. Она сидела на столе рядом со мной, каскады ее золотых волос спадали до талии. Кэси поставила ноги на сиденье стула и обняла согнутые ноги руками.

Я не мог остановить блуждание своего взгляда по ее джинсам, которые натянулись на ее заднице. Этим я заслужил пронзающий насквозь взгляд от Кэси. Черт. Она явно все еще в ярости от моей нагой прогулки в спальне.

— Ладно, хорошо, — она откинулась назад, обнимая колени и пялясь на куполообразный потолок. — Мы убьем их, а потом что? Что случится с твоим шоу? Твоей карьерой? — Кэси оценила его сердитым взглядом, в котором промелькнуло бессилие. — Ты станешь беглецом. А что насчет денег? У нас есть достаточно, чтобы выжить некоторое время, но когда они закончатся, ты собираешься обслуживать столики в Богом забытом городке где-то в Мексике?

С этого момента они металась между «за» и «против» убийства. Я оставил это им, наслаждаясь наблюдением их взаимодействия, пока убирал со стола и загружал посудомоечную машину. В моих руках было решение их финансовых проблем, но это не успокоит того, что на самом деле грызло ее. Кэси скользнула на мое освободившееся место, чтобы сесть ближе к Колину, протянула руку и сплелась с ним пальцами. Прикосновение было знакомым — такое, которое находит отзыв в дружбе на протяжении всей жизни. Видеть их вместе успокаивало и все объясняло. Безмятежность, которая давала мне причины верить ему после двух часов знакомства. Преданность и верность светилась в его глазах. Глазах, которые следовали за каждым моим движением, когда я оказывался рядом с ней. Если что-то случится с ней из-за меня, он скормит мне мой же член.

Блядь, я уважал это. Я был один всю свою жизнь, за исключением Бенни. Находиться здесь, и есть французские тосты — *которые приготовил мой брат* — и обсуждать будущее

«Тренчент», было чертовски сюрреалистичным. Я хотел, чтобы Колин был в ее жизни. *Наших жизнях.*

Не расплетая пальцев одной руки, Кэси обвела второй рукой твердые черты его челюсти и надавила на ямочку на подбородке.

— Ты не убийца. Ты — не *они*. И, Господи, Колин, мы говорим о наших родителях. *Нашей семье.* Нельзя просто отдать приказ об их казни и уйти, прокручивая это потом снова и снова в своей жизни.

Его взгляд обратился ко мне. Я рассказал ему об убийствах, которые совершал, но на тот момент он уже был переполнен багажом преступлений его семьи. Колин теперь не выказывал мне осуждения.

Может, любопытство?

Сказались ли жизни, которые я отнял, у меня на лице?

Стали ли они тенью в моих глазах? Задумывался ли он о том, что то же самое случится с ним? Если он прольет кровь своей семьи, заберется ли это ему в душу и будет ли преследовать в самых темных уголках, до которых он даже не сможет достать?

Я оправдал каждую смерть, которую принес, но сможет ли Колин сделать то же самое?

Я знал о существовании у меня брата с тех пор, как мне исполнилось тринадцать — с ночи убийства моей матери после того, как я нашел ее дневник. Но я не знал *его*. Так что за два часа я наблюдал за ним так же, как и он наблюдал за мной, оценивая его и ища сходство.

Он унаследовал внешность матери, итальянская кровь нагло кричала в черном цвете его волос и оливковой коже. Его острые скулы и узкое лицо были более аристократическими. Его прямоугольная челюсть может и напоминала мою, но общие черты его лица — то, как он утонченно держался, его харизма, его замысловатая рубашка и штаны — все это было предназначено для камеры. Не для убийства.

— Она права, Колин, — я взял кофейник и принес его к столу. — У тебя нет мозолей. Нет загрубелых тканей, которые уже никогда не исцелятся. Ты не видел, как в тринадцать лет убивают твою мать. — *И не ты спрятался под кроватью, и не сделал ничего, чтобы остановить это.* Я наполнил их чашки, подавляя дрожь в моем теле, и поставил кофейник на стол. — Убийство не является частью тебя. Я сам с радостью сделаю работу, но твое согласие на это будет равно тому, будто бы ты сделал это своими руками.

Что-то смягчилось в его глазах. Может, понимание, но я не знал его так хорошо, чтобы быть уверенным наверняка.

Я сел возле Кэси, и моя рука машинально направилась к ее волосам в поисках комфорта между ее прядей. Колин следил взглядом за моими движениями, выражение его лица прочитать было невозможно.

Кэси наклонилась ко мне и опустила руку на бедро, поглаживая кожу моих штанов.

— Мы не станем их убивать.

Колин уставился на окна позади меня. На горизонт? На облака? Кто, блядь, знал? Он держался пальцами за чашку, словно за свою жизнь.

— Если я сдам их копам, мой отец убедится, что я пойду вместе с ними.

Он потер бровь, будто предупреждая головную боль.

— Мы можем бороться против него.

Брови Колина сошлись на переносице, пока он метался взглядом между мной и Кэси.

— Доказательство, которое отец хранит против меня... Оно не куплено.

Тошнота скрутила все внутри меня, и Кэси рядом со мной напряглась.

Он сглотнул, а на лице отразилась боль.

— Ты помнишь Брэда? Артиста из «СоХо»?

Она сжала руку на моем бедре и поморщила нос.

— Старого бойфренда? Около... восьми лет назад?

Прошлой ночью она рассказала мне многое о своей жизни, включая детали отношения к сексу ее и Колина. Как бы тяжело мне не было слушать о любовниках, которых она делила со своим мужем, я был благодарен ей за честность.

Это дало мне новое понимание ее одиночества. Первой мысль было то, что этот Брэд делил постель с Кэси и Колином. Но они женаты только семь лет, и она, казалось, не помнила его.

Колин кивнул в ответ.

— Одной ночью мы подрались, — он перестал качать коленом. — Он ударил меня. Я ударил в ответ. Он ударился головой... — Колин запустил руку в волосы, и колено снова начало покачиваться, пока он пытался посмотреть ей в глаза. — Он ударился головой о стену под странным углом. Я думал, я убил его.

Блядь. Я бы мог посвятить ее в остальное, но Кэси сделала это за меня.

— Ты попросил помощи у Трента, не так ли? Только он тебе не помог, — ее голос стал на тон ниже, а рука без устали скользила по моему бедру. — Он закончил начатое, и использовал это как угрозу против тебя с того дня. Я права?

Он встал и принялся расхаживать по кухне, сплетя пальцы на макушке. Его глаза были похожи на глаза призрака.

— Он появился в моей квартире с мужчиной, которого я никогда прежде не видел. И тогда я понял, что Брэд все еще был жив, — хватаясь руками за гранитную столешницу, Колин уставился за окно расфокусированным взглядом. — Мужчина пристрелил Брэда, как только они вошли. Они избавились от тела. Остальное ты знаешь.

В желудок словно свинца налили. Это было убийство, с которым Колин был безоговорочно связан. Это была его квартира. Его любовник. Но на курок нажал наемный убийца Трента. И, вероятно, есть какое-то купленное доказательство, которое указывало на Колина.

Какого хера Тренту нарываться на проблемы? Я встал и прошел через открытую дверь кухни в гостиную. За окнами солнце освещало красоту города, накрывая своими лучами реку и синеву глубокой воды.

День наполовину закончился, а мое напряжение не спадало. Я хотел, чтобы было принято решение, разработан план, чтобы будущее с моей девочкой могло начаться. Но сначала мне нужно отрезать все обходные пути.

— Как бы сильно твои родители не были обеспокоены тем, чтобы сохранить твою сексуальную жизнь в секрете, новости о том, что любимый комментатор «Тренчент» — гей, будет гораздо хуже.

Сладкий аромат Кэси достиг моего носа прежде, чем ее руки скользнули по моей талии поверх футболки.

— Моей матери не плевать на имидж, но мама Колина презирает то, что ее сын — гей. У каждого из наших родителей свои планы, но Трент жонглирует их требованиями, чтобы оставить их счастливыми и верными. В итоге ему насрать на имя «Тренчент» или тех, кого трахает Колин. Он рискнет скандалом, лишь бы удержать в своих руках власть и тех, кто в ней находится.

Людей, таких как Кэси и Колин, которых он контролировал всю жизнь. Мое тело воспламенилось, а пальцы напряглись. Я хотел выбить из него дерьмо настолько сильно, чтобы он встал на колени, хныча и умоляя прежде, чем я покажу ему власть пятнадцатисантиметрового лезвия. Этого не случится, но у меня осталось еще одна мысль, которой я не поделился.

— «Титех», которые тебе передали в клубе, были от меня.

Кэси обошла вокруг меня. В следующий миг она стояла возле окна, и синева ее глаз метала тысячи вопросов. Блядь, удерживая нижнюю губу зубами и с золотом в ее волосах, которые блестели против яркого неба, и изгибом ее груди в этой узкой футболке, она была прекрасна настолько, что от этого останавливалось сердце. Огонь полыхнул в ее глазах, когда она ткнул пальцем мне в грудь.

— Ты сказал «никакого дерьма между нами», помнишь?

Я не мог сказать, злилась она или дерзила, но по мне прокатилось сладкая волна возбуждения.

— Никакого дерьма между нами, малышка, — я согнул колено и украл быстрый поцелуй. — Мы обменивались часами месяцами. В каждом было сообщение на чипе, внедренном внутрь, — Колин прислонился плечом к стеклу возле нас, с осторожным интересом обратившись ко мне.

— Предполагаю, он не знает, что часы передаешь ты?

Я ухмыльнулся.

— Я связывался с Трентом анонимно, представившись влиятельным членом Чикагского департамента полиции. Он отказывался от моих сообщений некоторое время, пока я не сделал ему предложение, от которого он не смог отказаться. Все, что ему нужно было делать, это снабжать меня информацией о подпольной гоночной сети.

Трент владел самой крупной мультимедийной компанией в мире, и если кто-то и мог раскопать подпольную сеть, то это был один из его журналистов. Хэл Пинкертон оказался этим журналистом. И где-то по пути Кэси вышла на эту же информацию.

Ее зубы всерьез занялись ее нижней губой, а взгляд направился куда-то вдаль.

— Что Трент получает взамен?

Я провел большим пальцем по ее губам.

— Он предоставляет мне карту гонок, которые, естественно, мне не нужны. Но он думает, что полиция организует рейд и поймают гонщиков. Рейд, который поймают Неуловимого у финишной линии и придержит его достаточно долго, чтобы дать победить засланному человеку.

Ее брови взлетели до небес.

— Святое дерьмо.

Пораженная улыбка тронула ее губы. Кэси припала к моей груди и обернула руки вокруг меня.

— Ты пообещал ему, что полиция накроет гонку в обмен на информацию? — она прикрыла рот рукой. — Чтобы заманить его сделать ставку против тебя?

Колин выровнялся возле окна.

— Мой отец... *наш* отец находит сеть всей подпольной гонки. Что означает, его ставка должна быть чертовски большим риском с оплатой настолько астрономических размеров, что он не смог отказаться.

Я кивнул.

— Если бы я проиграл гонку, это бы стало самый большим разочарованием в нелегальных играх, — я вытащил кошелек из заднего кармана, вынул долларовую купюру из него, и передал ей. — Он сделал многомиллионную ставку. Деньги уже переведены на личный счет. Он закрыт. Тренту не удастся вернуть их.

Я ответил на их вопросы, но мой взгляд не отрывался от Кэси. Наша немая связь оплетала нас. Я объяснил ей лабиринты криминальных игр в гоночной сети, как в ней могли принять участие лишь приглашенные, и как Трент получил свое приглашение сыграть через Хэла Пинкертонна. Сообщение на долларовой купюре прошло через местного букмекера сети — той, которой я пользовался снова и снова.

В итоге, она опустилась на диван и уставилась на количество нолей на купюре.

— Поскольку Департамент полиции Чикаго не станет вмешиваться, не будет никакого рейда. Неуловимый победит, и Трент будет повержен. Или, по крайней мере, немного обеднеет.

Колин присел рядом с ней, а его внимание сосредоточилось на сумме на купюре.

— У моего отца нет такой суммы.

— Значит, будут вовлечены и мои родители тоже, — она сложила доллар, выпуская рваный выдох. — В ход пойдет наше наследство, и мы не увидим ни пенни по тому, как они его тратят.

Колин строго посмотрел на меня, а его глаза метались между мной и Кэси.

— Исходя из этого, как я понимаю твой начальный план — прежде, чем ты встретил Кэси — было получить его ставку, сделать свою, убить их, и после исчезнуть с деньгами, будучи победителем в роли Неуловимого?

— Да. Но мы больше никого не убиваем. Глубоко внутри никто из вас не хочет отдать такой приказ.

Воздух поднимался у меня в груди.

— У меня есть другая идея. Мы все делаем ставку на Неуловимого, проводим гонку, делим выигрыш и сдаем копам твоих родителей. После мы с Кэси исчезаем.

Тревоги скользнула по его лицу.

Кэси наклонила голову набок, наблюдая за ним с похожим выражением лица.

— А что со связью Колина с убийством восьмилетней давности?

— Без денег у Трента не будет и власти, — я скрестил руки на груди и прислонился к окну. — Твои родители будут повержены, и, Колин, ты все равно будешь богат. Если Трент попытается отправить тебя в тюрьму по сфальсифицированным доказательствам, у тебя будут деньги и законное юридическое представление, чтобы бороться против него и его вовлечения. Он не станет ворошить дерьмо. Честно говоря, я не думаю, что он даже попытается прийти за тобой.

Губы Колина дернулись, но лицо Кэси осталось задумчивым.

Я не чувствовал ни возмущения, ни сожаления от того, что оставлял свою месть, потому что смотреть в ее глаза и видеть в них свое будущее, означало для меня больше, чем хвататься за прошлое. Это заставляло мое сердце выпрыгивать из груди тянуться к ней с каждым перекачивающим кровь ударом.

Я сократил расстояние между нами, присел перед ней на колени и приподнял костяшками пальцев ее подбородок.

— Я не шутил, когда сказал о своем выборе. Я отойду от ставки и всего другого, если это будет означать, что ты останешься со мной.

Она взяла мое лицо в ладони и прижалась своей бровью к моей.

Я закрыл глаза, и тишина воцарилась в комнате, наполняя пространство между нами неминуемым решением.

Вещи всегда чувствовались более напряженно в тишине, а все остальные чувства работали сильнее, чтобы воспринять то, что нельзя было услышать.

Когда я поднял голову, то поймал взгляд этих синих глаз, кожа в уголках которых была расслабленной и гладкой.

Вместо сжатой линии ее губы были раскрыты. Чувствуя пульс у себя в горле, я ждал, что она скажет. Она приласкала ладонью мою покрытую щетиной челюсть.

— Гонка двадцать седьмого октября, не так ли? Дата на часах. Завтра.

Я усмехнулся.

— Ему понадобились месяцы, чтобы сделать ставку. Я начинал думать, что он не купится, так что поднажал и выдвинул срок окончания сделки.

— «*Время вышло*», — промурлыкала Кэси. Она пожевала щеку изнутри и обменялась взглядом с Колином. Они оба повернулись ко мне, улыбаясь. Укол возбуждения прокатился по мне, когда я встал на ноги.

На протяжении следующего часа мы составляли план. Я буду участвовать в гонке и выиграю. А тогда мы с Кэси исчезнем, пока Колин будет сдавать копам улики против Трента и других.

— Что, если ты не выиграешь? — ее поразительные широко распахнутые глаза уставились на меня, будто она представляла ужас от того, что Трент на самом деле может выиграть все деньги, и ущерб, который он может нанести. — Кто будет твоим соперником по гонке?

— Моим соперником по гонке будешь *ты*.

Глава 27.

Логан

Недели наблюдения за Кэси в офисе научили меня, как интерпретировать ее молчание.

Сидя на диване рядом с Колином, она сжала его руку пальцами и притянула ее на свое бедро. Ее язык прижался к зубам, губы почти сжаты, но улыбка блестела в глазах, когда она смотрела из-под прикрытых век.

Она хотела участвовать в гонках.

Мое сердце дико барабанило от идеи преследования ее перед финишной линией, но я не выдал свою тревогу о том, какой опасности ее подвергал. Собственническая, покровительственная часть меня нуждалась в том, чтобы отклонить эту идею. Она могла разбить байк или попасть в ловушку полиции или... ебанный ад, а все те извращенцы, которые глазели на ее зад?

Если хоть один из тех ублюдочных байкеров начнет охотиться за ней или попытается прикоснуться к ней на старте, я выйду из-под сраного контроля. Реакция, которая разрушит притворство нашего соревнования.

Изначальная улыбка Колина стала ровной линией и брови сошлись вместе. Если он и понимал мою тревогу, кажется, он не собирался голосовать «против». Наверное, он так же, как и я знал, насколько сильно она хотела этого.

Я сомневался в ее участии в гонках. Бенни должна была стать соперником, но набор ее

умений больше пригодится, если она останется в тени и будет мониторить гонку и координировать отвлекающий маневр, который я планировал для побега.

Кэси наклонила голову, не отрывая от меня взгляда.

— Разве соперник уже не определен?

— Да. Гонка была объявлена как «Непобедимый Неуловимый» против «Обездоленной Серебряной Леди».

Кэси вскинула брови.

— Серебряной Леди, значит? Ты и, правда, все спланировал.

— Мне пришлось. Соперники выбираются за несколько дней до гонки. Инвесторы предоставляют на рассмотрение своих гонщиков. Существует процесс голосования, но в конце говорят деньги. — Мы с Бенни поставили немалую сумму денег, чтоб проспонсировать участие Серебряной Леди.

Шумиха вокруг участника женского пола уже заранее создала суматоху в начальных ставках. Как и ожидалось, разница в ставках была показательно против нее. Я сел на диван рядом с Кэси зажимая ее между собой и Колином.

— Если у тебя есть хоть какие-то сомнения в этом, Бенни поедет в качестве Серебряной Леди. Она знает карты и оборудование для гонок, и она может справиться с мотоциклом настолько, чтобы вытащить его, не вызвав подозрений, — я слегка коснулся волос Кэси и сместил руку к чувствительному местечку нее на затылке. — Ты не должна этого делать.

Она подняла взгляд, и на ее лице была лишь серьезность.

— О, я посоревнуюсь с тобой. И думаю, что побуду членом команды, и *позволю* тебе выиграть, — ее губы дернулись. — При одном условии, — сила улыбки с ее полными губами усилила мой пульс. — Я хочу шлем, как у тебя.

Невероятное чувство облегчения заструилось по венам, и я знал, что это был только один из серии моментов, которые изменят мою жизнь к лучшему. В ее руках были мои яйца, мое сердце и каждый кусочек моего тела. Она также могла забрать и весь воздух из моих легких, потому что я не мог дышать без нее. Я буду молиться аду, чтобы мне никогда и не пришлось.

Ее красота, сильное чувство морали, нужда любви никогда не были факторами моего плана. Последнее, что я ожидал: найти себя, отчаянно желавшего *ее* ответной любви.

Два часа спустя я покинул блестящее стальное здание и влился в трафик в центре Чикаго, выехал на I-88, и направился домой. Открытая дорога распростерлась на запад, солнце поглядывало вниз на горизонт.

Запасной байк, на котором я отправился к Кэси, вибрировал у меня между ног и наполнял мою грудь гудением.

Прохладный ветер проникал под одолженную одежду освежающим чувством свободы. Но лучшей частью поездки была женщина, которая обнимала меня сзади.

Она прижалась бедрами к моим ногам, а ее руки были обернуты вокруг моей талии, и я задумался — именно она держала меня на байке, а не наоборот. Кэси крепко прижималась грудью к моей спине, ее руки в перчатках зарылись под расстегнутые полы трикотажной жилетки. Жилетки Колина. Костюм, галстук, рубашка в тонкую полоску — все, что было на мне, было взято из его гардероба.

Она был выше и более худым, но дорогие вещи подходили по размеру, и спасали от головной боли от того, что мне бы пришлось выскальзывать из Башни Трампа, одетым в кожу. Рюкзак на спине Кэси вмещал мою одежду, и несколько ее собственных вещей.

Мы не обсуждали возможность того, что она может никогда не вернуться в лофт. Так же мы не попрощались с Колином. После гонки завтра ночью мы сбежим в аэропорт Дью Пейдж, где нас будет ждать чартерный самолет. Мы определим пункт назначения. Все устроил Колин, который будет там, чтоб проводить нас.

Сорок минут за пределами города, и мы свернули с главной дороги, петляя по маленьким улочкам, и углубляясь дальше в фермерские земли. Когда количество машин поредело, и мы выехали на пустынную дорогу, рука Кэси принялась блуждать под жилеткой вниз по ребрам, и обвернулась между моих ног.

Дыхание перехватило, когда большим пальцем она принялась гладить по головке моего члена. Через мило я напрягся под черными трикотажными слаксами, и мышцы поигрывали на моих бедрах. Я передвинул ладонь с руля, чтобы скользнуть рукой в кожаной перчатке по ноге в джинсах, которая прижималась к моему бедру.

Она не надела свой кожаный костюм, но ее серебряный шлем опустился к моему плечу. Кэси прижималась бедрами к моей заднице и ладонью сжимала меня у самого основания, вызывая к первобытному желанию. Я боролся с желанием дернуть байк в сторону, насадить ее на свой член, и трахнуть на обочине дороги перед Господом Богом и всеми остальными.

Она не сдвинула своих бесчестных пальцев, и к тому времени, когда мы достигли пункта назначения, в моих легких не осталось воздуха.

Перестроенная церковь, в которой я жил, находилась на отшибе загородной дороги, отсутствовала на карте, и ее сложно было найти. Она стояла в открытом поле твердо и отважно. Высокая трава поросла между булыжниками узкой дороги, а на входе была установлена дверь из арматурной стали. Когда я вильнул к тылу краснокирпичного прямоугольника, охота руки Кэси прекратилась, потому что она села ровнее. На протяжении поездки она держала голову наклоненной, дабы не блокировать обзор камеры в задней части шлема, чтоб я мог наблюдать за хвостами. Теперь, когда она выровнялась, ее силуэт вспыхнул у меня на визоре, ее шлем отклонялся назад и вперед, пока она осматривала окружающие уголья и лесистую местность, и маленький сарай, в котором я прятал свой джип.

Дверь обычного гаража в задней части церкви активировалась, когда просканировала микрочип в моем шлеме.

Я въехал в темное пространство гаража на одну машину. Стальной пол задрожал под колесами, когда автоматическая дверь закрылась позади нас.

Обычный прохожий сказал бы, что это простой гараж. Полностью пустой гараж. Но для этого была определенная причина.

Балансируя байком между ног и поставив ноги на пол, я запустил руку назад и прижал Кэси к своей спине, произнеся в микрофон:

— Активировать лифт.

Голосовой контроль в шлеме оживил двигатель за стенами. Они тихонько зажужжали, и пол начало потряхивать, а потом опускаться.

— Святое дерьмо.

Ее голос был приглушен шлемом, но в нем присутствовало удивление.

Мы достигли склада двумя этажами ниже. Я выехал на байке из лифта и припарковался между остальными пятнадцатью байками.

Она соскользнула с сидения, ее длинная белокурая коса упала на плечо, а руки потянулись к шлему с обеих сторон, стягивая его с головы. Большие глаза становились шире

и ярче с каждой секундой, пока она осматривала ряды байков, коробки с высококачественным оборудованием, стойку-подъемник для ремонта байка и станки, которые стояли в ряд возле стены.

Я бы бросил все это. Бенни продала бы все, что смогла. Остальное осталось бы с перестроенной церковью. Таков план был всегда. Чего я не планировал, так это то, что Кэси сбежит вместе со мной, и оставит все — свои мечты сделать из компании Трента что-то лучшее, свою карьеру, своего лучшего друга.

Но она хотела четвертый выход, и спасибо аду за это.

Я снял шлем, опуская его рядом с ней, но остался на байке. Я оперся сапогом на слайдер рамы и опустил локоть на колено, не желая ничего большего, кроме наслаждения от наблюдения за ней.

Она понятия не имела, насколько была прекрасной. Блестящий восторг в ее глазах. Изгиб ее попки в этих джинсах. И ее безудержная улыбка, когда она увидела BMW S1000RR Неуловимого.

На один смехотворный момент я почувствовал ревность к этому байку. Я хотел, чтобы эта улыбка была направлена на меня. Но, в то же время, именно ее интерес к гонкам привлек мое внимание к ней. Загадочная мисс Дукагти на финишной линии пленила меня задолго до того, как я узнал, кто она. Ее внимание переместилось, и глаза попали в ловушку моих. Кэси прикусила уголок губы изнутри и покачала головой:

— Так вот как выглядит пещера Неуловимого, — она медленно подошла ко мне. — Находиться здесь — нереально, — еще три шага. — С мужчиной, о котором я так долго фантазировала.

Я почувствовал, как изнутри что-то надавило на мою грудную клетку, и под этим давлением заструилось и потеплело.

Ее непоколебимый взгляд удерживал мой, пока она приближалась. Я не мог отвернуться. Не было ничего горячее и более захватывающего дух, чем вид передо мной. Не только тело, в которое я смогу погрузить себя или цель, за которую я буду бороться. Ее красота была в ее верности своему лучшему другу, ее доброте в развращенной семье, и ее потребности в... чем-то *большем*.

Мне понадобились недели, чтобы понять, почему меня к ней тянуло, почему я хотел с ней большего, чем просто секс, и почему я был готов отдать все, чтобы она была счастлива. Она была моей связью с жизнью, моей причиной для борьбы. Она была причиной, по которой я чувствовал себя таким живым, диким и напуганным. Потому что я чувствовал все эти вещи в ней самой. Когда она приблизилась ко мне сбоку, то закинула ногу и оседлала мои бедра, которыми я обнимал байк. Лицом к лицу, она уставилась в мои глаза, ее тело таяло против моего, и все, что от нее оставалось, это биение сердца.

И потом она поцеловала меня, обрушивая свои губы на мои и запуская руки мне в волосы. Я застонал и обернул руками ее спину, притягивая Кэси к себе и скользя пальцами по мягкому кашемиру ее куртки. Сплетаясь своим языком с ее, я углубил поцелуй, расслабил бедра, подаваясь навстречу и подсказывая ей сжать мои бедра своими.

Пульс грохотал в ушах, но был еще один звук. Кто-то откашлялся.

Кэси отстранилась, и я проследил за ее взглядом к двери.

Бенни наклонилась к дверному косяку, расслабленно скрестив руки на груди. Она наклонила голову на бок, нежно улыбаясь. За десять лет я ни разу не приводил кого-то домой. Она никогда не видела меня с женщиной. Я приготовился к какой-то нелепой шутке

о моих тяжелых вздохах и отчаянности, с которой потирался о Кэси бедрами.

Но она ничего не говорила, а просто улыбалась. Она казалась странным образом... покоренной. Длинные каштановые волосы обрамляли ее лицо, большие зеленые глаза мягкие и успокаивающие, одета Бенни в желтовато-коричневые штаны и белую футболку. Вот такая Бенни без блестящего макияжа, крашенных волос и кричащего фиглярства.

Кэси слезла с меня. Мне не хотелось отпускать ее, но у нас был миллион деталей, которые нужно обсудить перед гонкой.

Я последовал за ней через гараж, едко глядя на Бенни.

— Что не так?

Она выровнялась и отошла от дверной ручки, пожав плечами.

— Все хорошо, Логан. Просто... — она посмотрела между мной и Кэси. — На самом деле очень хорошо увидеть тебя счастливым.

Спустя все эти годы работы со мной, справляясь с переменчивыми вспышками моего характера, я думал, что она не стала бы той, кто внезапно изменил предрасположенность.

Она протянула руку Кэси.

— Привет. Я — Бенни.

Кэси приняла рукопожатие с теплой улыбкой, и принятие гостей передвинулось к главному складу.

Подвал наполняли горы коробок. Бенни была занята, и, наверное, есть другая причина для ее мирного настроения. После десяти лет удушья от мести, все подходило к концу без сопротивления. Она хотела уйти от нелегальной деятельности так же сильно, как и я. Настало время начать новую жизнь, и я чувствовал, что ее одобрение Кэси берет корни в мягкости ее глаз.

Я занялся упаковкой, пока Бенни посвящала Кэси в детали гонки, карту, и технологию шлема, который на мне был. Чтобы удержать ее личность в секрете, она не поедет в своем серебристом кожаном костюме, а ее Дукатти останется в Башне Трампа.

Бенни представила ей мотоцикл, который я для нее выбрал. МТТ Turbine Streetfighter не был такого же цвета, как серебристый цвет Дукатти, но хромированная отделка выхлопной трубы и рабочий корпус подходили под прозвище Серебряной Леди.

На ее новом шлеме имелась хромированная обшивка, в которую была вмонтирована такая же цифровая оснастка, как и у меня. Воодушевление сочилось из каждой поры Кэси, пока Бенни учила ее, как пользоваться шлемом.

Несколько часов спустя с планированием и упаковкой было покончено. Бенни поехала домой, а мы с Кэси вернулись в подземный гараж. Моя жилая зона была простой — место для существования, сна, место, где можно проснуться и начать день. На стенах или полках не было ни единого признака личности. Не было ни семейных фотографий, ни коллекций, собранных ребенком, ничего ценного, чтобы взять с собой.

Она прошла по просторной комнате, и ее шаги эхом отдавались в длинной старой церкви. Ее взгляд блуждал по каждой поверхности, наверное, в поисках истины, которую я ей не открыл. Но она уже знала каждый важный аспект моей жизни. Время восполнит остальное.

Мы поели сэндвичей с индейкой и сыром чеддер на кровати, сидя со скрещенными ногами, лицом к лицу и с тарелкой между нами. Когда она подняла корочку, и облизала майонез, мне не понравилось, как опустились ее плечи или как ее движения замедлились от истощения.

Долгий день планирования брал свою цену. Черт, на ней сказывался весь прошедший месяц. Подумать только обо всех этих месяцах, которые она выдерживала, работая с раскроенным сердцем и отношением к своей семье, без меня.

Это наполняло меня сожалением, завязывало в узлы мои внутренности и пульсировало в груди. Вдобавок, я переживал по поводу завтрашней ночи. Голова гудела от всех деталей, которые я так тщательно продумывал. Я останусь возле нее на протяжении каждой секунды гонки, но что, если я просчитался где-то?

Меня утрашала мысль о том, что кто-то мог забрать ее у меня. Я продолжал представлять Трента на финишной линии, который будет ожидать, что она выиграет, и пристрелит ее, если она придет второй. Колин подстроил встречу с ним во время гонок, чтобы убедиться, что его не будет на линии финиша. Но что, если мое доверие к Колину было глупой тратой времени? И на курок нажмет наемный убийца, а не Трент?

Я прерывисто втянул воздух.

— Мы можем уехать сегодня. Нахрен гонку.

Кэси протянула руку и провела пальцем по моей щеке.

— И позволить Тренту сохранить деньги, чтобы нанять лучших адвокатов для своей защиты? — ее глубокой синевы глаза впились в меня, ища ответ внутри. — Нам всегда придется иметь дело с гонками, борьбой и риском. Пока мы идем через это вместе, мы сможем сделать это, Логан. Ты и я. По одному заеду за раз.

Пока я обдумывал ее слова, напряжение по капле испарялось из моего тела. На финишной линии меня ждало нечто прекрасное. Нечто лучшее, чем победа или одна ночь с женщиной в серебристом кожаном костюме. Финишная линия была отправной точкой нашей жизни вместе.

Когда она проглотила последний кусочек своего сэндвича, я поставил тарелку на пол. Следом отправилась наша одежда. Я приглушил свет, оставляя слабое свечение между балок сверху, и прижал ее к себе. Казалось, мы оба были довольны вот так лежать голышом, водить пальцами, переплетя ноги, прикасаться губами друг к другу, пока наши тела искали связь, которую наши сердца уже нашли.

После теплого бесконечного момента, я первым прервал тишину.

— У меня есть вилла в Италии.

— Ммм... — ее щека шевельнулась на моей груди от улыбки. — Звучит лучше, чем Мухосранск в Мексике.

Я провел ладонью по изгибу ее бедра и притянул плотнее к себе

— Бенни может подделать наши документы в любой стране. Это не обязательно должна быть Италия.

Нам не нужно было покидать Штаты, пока мы держались тише воды ниже травы.

— Мне все равно, куда мы поедем, — ее голос превратился в легкий смех. — Хоть Колин может и настоять на том, что захочет приехать на виллу в Италии, нежели в мексиканскую хатку.

Мы лежали в тишине, пока я позволял своему мозгу еще раз поблуждать среди той сумасшедшей, тревожной херни, которая могла удержать нас от виллы в Италии. Я мысленно проверил каждый риск и проблему, пока не нашел ту, которая никогда не произносилась вслух.

Я сжал ее плечи и подтянул вверх по кровати, пока ее голова не коснулась подушки. Когда взгляд Кэси задержался на мне, я провел пальцем по ее губам и спустился к

подбородку.

— В день, когда Трент показал тебе видео... — она сжалась, но я продолжил говорить, — он пошел за тобой в ванную. Скажи мне, что я увидел, когда вошел.

Она закрыла глаза, и мой живот скрутило. Адреналин закурсивал по телу, а мышцы начало жечь огнем. Трент был серийным насильником. Если Кэси была одной из его жертв, не было ни единого шанса, что я оставлю его в живых.

— Он...? — мой голос прорезал пространство, подпитанный страхом и яростью. Я втянул воздух и попытался сгладить тон. — Он насиловал тебя?

Кэси распахнула глаза, и они блестели от слабого освещения, которое падало с потолка.

— Попытался однажды. Мне было пятнадцать, и я была слишком слабой, чтобы отбиться чем-то, кроме слов.

Злость заструилась у меня в груди и взорвалась бушующим пламенем. Я вот-вот потеряю контроль над собой в такой степени, в которой никогда не позволял себе прежде.

— Расскажи мне, что случилось, — мой голос подрагивал от тысячи страхов, которые поднимались на поверхность.

Она положила руку мне на щеку для успокоения, а ее палец принялся поглаживать линию моей челюсти.

— Мы были в гостиной моего отца. Когда он сунул пальцы мне в трусики, я сказала ему *очень убедительно*, — ее синие глаза загорелись, — что я не стану молчать об этом, независимо от того, продолжит он или нет. Я пригрозила рассказать всем — копам, Колину, прессе.

Моя потребность защитить ее просачивалась мне в кровь. Перед глазами все вращалось, а сердце шумно билось о ребра.

Кэси перекатилась на меня, прижавшись грудью к моей груди, а ладонями к моему лицу.

— Была бы я кем-то другим, он бы взял то, что хотел и заставил бы меня замолчать навсегда. Но я не стоила риска. Мои родители — отстой, но если бы он убил их единственного ребенка, это могло бы пошатнуть их партнерство.

Ее слова звучали с натянутым принятием. От этого я чувствовал тошноту и беспомощность. Я хотел охранять каждый момент ее жизни, включая и прошлое. Хотел стереть все это хреновое дерьмо, пока не осталось бы ничего, кроме смеха и удовлетворения.

— В ванной офиса...

— Он никогда не пытался пересечь линию снова, хоть и преследовал меня каждый раз, как только ему выпадал шанс. Но знаешь, что? — она коснулась губами моего горла, вызывая дрожь, которая прорезалась сквозь мою ярость. — Мне никогда не придется снова его видеть.

Я направил ее лицо к своей груди, пряча ее голову под своим подбородком, и мы лежали так вечно. Я хотел бы, чтобы мы уже были в Италии, оставив все страхи позади.

Не прошло много времени прежде, чем Кэси скатилась с меня и потащила за собой. Яркость в ее глазах умоляла меня о единственной вещи, которая могла приостановить наше размышление. Я взобрался сверху, обхватив ее голову обеими руками, и пожирая ее глазами.

Кэси выглядела такой чертовски молодой. Ее волосы рассыпались блестящими волнами на подушке, кожа покраснелась и была гладкой, а взгляд был наполнен мудростью лет.

Ее веки опустились, она приоткрыла рот и качнула бедрами мне навстречу. Я стал твердым в одно мгновение. Я хотел, чтобы она обволокла меня собой. Не только ее киска, но

и ее потребность, ее любовь, и ее будущее. Наше будущее.

Так что я поглощал ее так же, как она поглощала меня.

Теплое возбуждение заменило холод в моем позвоночнике, когда наши тела заскользили и переплелись. Когда я вошел в нее, я отпустил все. И я занимался с ней любовью до тех пор, пока не исчезло все, кроме нее и меня на финишной линии.

Глава 28.

Логан

Четыре часа до начала гонки, а стены старой церквушки продолжают сжиматься и высасывать воздух. Нервы так сильно раскачивают тело, что я не могу сидеть на месте, не могу стоять, блядь, даже не могу дышать. Я никогда не чувствовал себя так перед гонкой.

Но не гонка была причиной.

Я подошел к кровати, где Кэси свернулась вокруг подушки, ровно дыша в глубоком сне. Я подполз к ней и накрыл ладонью ее голое плечо, потом бедро, ее длинные, шелковистые на ощупь, ноги. Каждый дюйм был открыт для меня, кроме прикрытых трусиками и лифчиком участков тела. Я хотел прикоснуться к ней, мне *нужно было* почувствовать ее. Но я не мог нарушить ее покой.

Она вставала за несколько часов до рассвета, чтобы прокатиться на МТТ Turbine вверх и вниз по каменной дорожке, изучая нюансы байка и технологию шлема. Она была готовой настолько, насколько это было нужно. Я просто не был уверен, был ли готов я.

Я оттолкнулся от кровати и принялся мерять шагами длину здания, пока встревоженный голос в моей голове становился громче голоса сердца.

На нее было сделано всего лишь несколько ставок — мафиози и другие гнусные преступники, которые будут преследовать ее после того, как она проиграет гонку и их деньги. Но они не найдут ее. Ни на одном континенте. Не по новой личности. Черт, они даже не узнают ее настоящую личность. Я повторно напомнил ей *не снимать* шлем, и не делать этого после того, как она выйдет из входной двери и до тех пор, пока не попадет в подготовленное безопасное место.

Я вытер свои потные скользкие ладони о кожаные штаны и судорожно втянул воздух. Самой большой угрозой для нее был Трент. Он потеряет сраную тонну денег в миг, когда Кэси исчезнет. Даже если бы Бенни поехала вместо нее, он смог бы связать Кэси с этим обманом. Как настойчиво он попытается выследить ее?

Ебанный ад, я ненавижу оставлять свободные концы. От этого я дергался, беспокоился и чувствовал себя чертовски ранимым.

Мягкий ритм дыхания Кэси изменился, но это была тихая тревога по сравнению с тем, что поймало мое внимание над дверью. Сигнализация движения сработала, когда кто-то или что-то приблизилось к земельному участку. Желудок ухнул вниз, а пульс взлетел до небес. Бенни находилась в удаленном месте возле аэропорта округа, настраивая оборудование для слежки за гонкой. Никто другой не мог знать, где я живу.

— Кэси. Проснись.

Я потряс ее плечо, а после выскочил из комнаты, когда адреналин выстрелил в моей кровяной системе.

Отсутствие окон означало, что никто не мог нас увидеть. Но я мог выглянуть наружу. Я

остановился перед монитором телевизора, который висел возле входной двери. Простыни зашуршали у меня за спиной, пока я щелкал по каналам и искал угол камеры, которая показывала подъездную дорожку. Темнота обволакивала все в двадцати ярдах от входной двери, но прожектора освещали каждый уголок моей собственности.

— Логан? — хриплый голос зазвучал из спальни.

— Под матрасом пистолет. Возьми его.

Монитор показал подъездную дорожку и черный лимузин под ярким наружным освещением. Сердце стучало со звуком грома, и легкие наполнились льдом.

Я выбежал в зону кухни, схватил свой Глок со столешницы и проверил обойму. Полностью заряжена. Я сунул его за спину за пояс штанов и накинул сверху кожаный пиджак.

Кэси появилась возле меня, одетая лишь в трусики и лифчик с пистолетом в руке, который она взяла в кровати.

Ее глаза расширились, когда она увидела монитор у двери.

— Пожалуйста, скажи мне, что это не лимузин Трента.

Дверь еще не открылась. Это мог бы быть Трент, или Колин, или кто его, блядь, знал? Но ни единственный из вариантов не мог быть хорошим, потому что никто не знал о моем местонахождении.

Я нажал на кнопку над холодильником, и дубовые панели рядом с ним поднялись вверх. После я подвинул Кэси, от тревоги чуть ли не неся на руках в спрятанный лифт.

— Когда доберешься до подвала, спрячься. *Не смей подниматься.* Я приду за тобой.

Напряжение пронеслось по ее телу, и взгляд стал острым, словно булавки. Она сместилась, чтобы выйти из лифта.

— Чушь собачья. Я не оставляю...

Я поцеловал ее, сначала жестко и быстро, а затем мягко толкнул ее к задней стене лифта. Мое сердце барабанило в груди, когда я ввел код и повернулся спиной. Позади меня лифт загудел, когда я побежал в дальнюю сторону комнаты к полкам. Там я схватил свой пятнадцатисантиметровый нож и скользнул им в свой сапог.

По дороге к передней двери я увидел, что дубовые панели вернулись на свое место, подтверждая, что лифт снова был за стеной. Я напряженно выдохнул и схватил шлем со спинки дивана. Неважно, что случится, она была в безопасности двумя этажами ниже, а оба лифта затребуют код.

У Кэси его не было, но он был у Бенни. Если я не выберусь отсюда, Бенни ее спасет.

Монитор показал, как дверь лимузина открылась, и из нее показался мужчина в костюме. Она распластался на земле со связанными за спиной руками. Когда он повернул голову, вид его напуганных глаз, черные волосы и знакомое лицо заставили мои челюсти сжаться до боли.

Кто поймал Колина, и как они, блядь меня нашли?

Он, шатаясь, поднялся на ноги и попятился, дергаясь в своих оковах.

Еще один мужчина обошел лимузин со стороны водителя и наставил пистолет на Колина. Я знал это ублюдка. Большие руки. Бочкообразная вздутая грудь. Накрахмаленный костюм. Бдительные глаза. Сраная гориллообразная нянька из офиса.

Трент показался из лимузина, одетый в один из своих дизайнерских костюмов.

Я выключил каждую жестокую эмоцию, которые курсировали во мне, и выровнял дыхание. Когда они приблизились к двери, я вывел изображение камер на монитор.

Горилла вел Колина по пятам, приставив пистолет к его голове, а кровь сошла с его лица настолько, что превратила его в призрака.

Я активировал систему интеркома, настроил шлем для распознавания моего голоса и надел его. Система распознавания лица тут же определила гориллу как Джеда Вильямса.

Они собирались шантажировать меня жизнью Колина, чтобы я открыл дверь. Мог ли я верить ужасу, который пожирал глаза Колина? Может, он был слишком хорошим актером, и все это был спектакль, чтобы пробраться внутрь. Он рассказал Тренту, что я — Неуловимый? Возможно. Был ли Трент здесь для того, чтобы убить Неуловимого и убедиться в победной ставке?

Определенно.

В гонках было одно правило, по которому никогда не играли. Гонка все равно пройдет, даже если один из участников не появится. Любой, кто делал ставку, знал это. Если Трент был здесь, чтобы убить Неуловимого, он предполагал, что Серебряная Леди все равно будет участвовать в гонке. Он или не знал, что гонщик — Кэси, или не знал, что она была связана со мной. Но Колин знал. Как много он рассказал Тренту?

Трент обошел Колина и Джеда и уставился в линзу камеры, когда его голос зарокотал по интеркому.

— Где Кэси?

Кровь сошла с моего лица. Ублюдок. Я расслабил руки. Или Колин сказал ему, что она была со мной, или он играл на предположении и надеялся на уверенность в своих силах.

Как раз это я отказывался ему давать.

— Вы ошиблись домом.

Трент посмотрел на телефон в своей руке, его тело расслабилось, а тон лишился любой эмоции.

— Ее телефон в шести метрах отсюда, — он поднял голову. — Технологии невероятны, не так ли? Она использует свой телефон, чтобы войти в личную систему «Тренцент» и нечаянно активирует маленькое спрятанное устройство на ее телефоне, на подобии GPS-трекера.

Я закрыл глаза так надолго, чтобы остановить себя от вколачивания кулаков в кирпичную стену. Все мое тщательное планирование пошло коту под хвост потому, что я просчитался со сраным телефоном.

— Вот что случится дальше, — его жестокие глаза уставились в камеру, а лицо было мертвым. — Если ты не впускаешь меня через три секунды, я пушу пулю в голову ее мужа. Если твое оружие не будет лежать на полу у двери, мистер Андерсон — покойник.

Пот выступил на моей коже под курткой. Они не смогут добраться в подвал, если я не дам им код. Она была в безопасности, но как долго? Они могут пристрелить меня и просто подождать, пока ее терпение кончится или она проголодается.

Глубоко внутри я знал, что мне нужно сделать. Я должен позволить ему убить Колина ради ее безопасности и моей. Или ускорить вещи, и просто убить Колина самому.

Но я не мог. Грудь сжалась. Я бы не сделал этого. Может, я и не доверял Колину полностью, но Кэси доверяла. Я, возможно, глубоко внутри хотел, чтобы он остался жив, потому что он был мой братом — связью, которую я потенциально мог разжечь — нечто, на что я никогда не позволял себе надеяться.

Беспомощная злость бурлила во мне, когда я достал пистолет из-за пояса штанов и вытащил нож из сапога — единственное оружие, которое осталось в комнате. Затем я ввел

код и открыл дверь.

Глава 29.

Логан

Трент провел пальцем по поверхности столешницы, пока осматривался в гостиной. Его сраное порочное присутствие в моем доме напрягало мои мышцы настолько, что тело начинало болеть.

Он уже проверил меня на наличие оружия и осмотрел ванную и кладовую на наличие Кэси. Он не попросил меня снять шлем, и мог пристрелить меня в ту же секунду, как вошел. Очевидно, он был здесь за чем-то еще, помимо казни.

Он поднял телефон Кэси со столешницы и проверил экран.

— Где она?

Стоя в центре комнаты, я выровнялся, и размял челюсть, подвигав ею со стороны в сторону, чтоб ослабить напряжение.

— Вышла на пробежку, — достоверная причина того, что ее телефон остался здесь. Слава, блядь, Богу, что я не попросил ее взять его с собой в подвал. — Как только она увидит твой лимузин на дороге, она сорвется прочь.

Он изучал меня длительный момент.

— Мы почти в сорока километрах от ближайшего города. Она придет и постучит в дверь.

В нескольких метрах передо мной Колин упал в раскладной стул. Его плечи поникли вперед, руки были связаны за спиной, глаза ожесточенные и налитые кровью, пока он наблюдал за Трентом. Он не проронил ни слова с тех пор, как вошел в помещение, и казалось, и бровью не повел от того, что Джед направлял пистолет на его голову.

Скрытый лифт находился в трех метрах позади Колина и Джеда — успокаивающее напоминание того, что Кэси была в безопасности двумя этажами ниже.

Как много знал Трент? Неуловимому будет наплевать на жизнь Колина. Знал ли Трент, кто прятался под шлемом? Единственной моей заботой была безопасность Кэси, так что я продолжил молчать, чтобы ничего не выдать.

Трент, крадучись, подошел ко мне. Руки сложены за спиной, и любые эмоции на лице спрятаны за натянутой отполированной кожей.

— Как ты можешь догадаться, сегодня ты в гонке участвовать не будешь, — на его лбу появилась морщина. — Изначально я знал, что Кэси как-то знала о моей ставке и пришла сюда, чтобы предупредить тебя о полицейской облаве. Но я проверил все свои связи в Чикагском Департаменте полиции. Никто не знал о большой гонке сегодня ночью.

Блядь. Блядь. Блядь.

Я не дернулся, и не говорил.

Он ступил в мое личное пространство, его глаза поравнялись с моим визором.

— Сними шлем.

Ублюдок не знал, кто я такой. Я остался непоколебимым, откинув плечи назад и выровняв спину.

— Тебе может не понравится то, что ты увидишь.

Трент опустил глаза в пол, улыбнулся и вскинул голову.

— Я долго выслеживал ее. Она посещала гонки. И она была здесь со вчерашнего дня. Могу предположить, что ты насаживаешь ее на свой член. Так какое тебе дело до того, что случится с ее мужем? — он посмотрел через плечо на Колина и повернулся ко мне. — Он понятия не имеет о том, в чем замешана Кэси. А это большой сюрприз.

Я подавил тяжелый выдох. Колин ни черта не сказал.

Трент разгладил галстук.

— Я привел его сюда, зная, что она станет сотрудничать, если я пригрожу ему.

Он вздернул головой.

— Интересно, почему ты разделяешь ее сентиментальность к этому человеку. Почему бы мне не приказать убить его?

От его близости моя выдержка гнила и вот-вот грозила сломаться.

— Я знаю тебя, Трент. Ты не пристрелишь собственного сына.

— Ты и понятия не имеешь, — он обернулся к Джеду, который скользнул пальцем на курок и был всего лишь в команде от того, чтобы спустить его. — Снимай гребаный шлем.

Нет смысла откладывать, и, если быть честным, я с нетерпением ожидал его реакции. Я схватился за стороны, приподнял его и с силой бросил на диван.

Глаза Трента вспыхнули, и он отшатнулся назад. Осталось лишь гудение мотора холодильника. Тиканье часов на стене. Комната замерла.

Он взорвался приступом смеха. Откинул голову назад, и гавкающие приступы рокотом отбились от балок помещения. Кожа вокруг его глаз поморщилась, а уложенные гелем волосы не сдвинулись ни на йоту.

Когда он оправил себя, то фыркнул, будто отпуская свою мгновенную потерю сдержанности. Он скрестил пальцы перед губами, изучая меня, и в его глазах появилось бремя размышления.

— Ты присылал часы?

Ну, блядь, разве он не быстрый? Я кивнул. Боковым зрением я заметил, как Джек отпустил курок, не отводя глаз от Колина. Может быть, я мог обезоружить его, но он нажмет на курок прежде, чем мне удастся сократить трехметровое расстояние между нами.

Трент подошел к Колину и обошел стул, опустив руки на напряженные плечи сына, сжимая их для эффекта.

— У меня была мечта, Логан, как мы с моим сыном в будущем руководим компанией «Тренчент Медиа», и я видел, что буду гордиться тем, что передам ему компанию после того, как уйду на пенсию.

Колин закрыл глаза и сглотнул.

Я понятия не имел, адресовал он слова мне или Колину. Я держал руки свободно по бокам, пока мой мозг отчаянно искал пути выхода из этого безумия. Трент уставился на голову Колина.

— Часть этой мечты состояла из того, что Кэси стала женой моего сына. Ее родители — верные партнеры, и я даже восхищаюсь ею.

Мой желудок перевернулся, и потребовалось все, чтобы не оторваться от пола и не впечатать сапогом по его лицу. Когда он встретился с моим взглядом, я прорычал:

— Вот зачем ты заставил ее остаться на должности после того, как я украл ее работу?

Он вздохнул.

— У меня были подозрения по поводу ее интереса в гоночном синдикате, а особенно ее внимания к Неуловимому. Она нужна была мне рядом, пока я раздумывал, ставить или не

ставить против Неулов... Тебя, — его глаза стали строгими. — Я знал, что в итоге она выведет меня к тебе.

Значит, он мог убить меня и убедиться в исходе гонки. Злость бурлила внутри меня, и я пытался проглотить ее.

— Откуда ты узнал об интересе в гонках? Кто копался в файлах на сервере?

Трент уставился на меня, будто не собирался говорить. Но если бы он собирался меня убить, какая разница?

Распрямляя рукава своего пиджака, он встретился со мной взглядом.

— Хэл Пинкертон вытягивал информацию о гонках задолго до того, как начал скармливать ее ей. Я оставил ловушку открытой для нее в момент, когда понял, что она искала информацию. Тогда я отошел и начать ждать, чтобы увидеть, что она с ней сделает.

Моя гребаная голова вращалась от разных «если бы». Если бы я не посылал часы и не подогревал бы интерес Трента, Кэси не вышла бы на схемы гонок и не получила бы доступ к сети. Мы не встретились бы как Неуловимый и Мисс Дукатти. Я бы не поменялся местами с Холденом в клубе. Мы бы начали в офисе как незнакомцы без нашего напряжения, но с твердой связью.

— Я надеялся... — Трент убрал руки с плеч Колина, — что что-то возникнет между ней и моим новоиспеченным сыном... — он одарил меня острым взглядом. — Так что я мог, как говориться, продолжить играть в семью.

Мое лицо запылало.

— У тебя большое понятие о семье, учитывая, что в настоящий момент к голове твоего сына прижато дуло пистолета.

— У меня только один биологический сын, — он сузил глаза и с отвращением посмотрел на Колина. — И этот педераст — не он.

Мое легкие сковало льдом, а Колин дернулся, чтобы посмотреть вверх на Трента. Его грудь вздымалась, пока он говорил сквозь стиснутые зубы.

— О чем ты говоришь?

— Я говорю, ты, ничтожное мелкое дерьмо, что твоя мать трахалась с одним из наших бизнес-партнеров, — его тон был хладнокровно спокоен. — Ты, черт возьми, не мой сын.

О, блядь. Ужас свернулся клубком у меня в желудке. Боль исказила лицо Колина.

— Кто? Кто он?

Лицо Трента смягчилось, и он нежно похлопал Колина по спине, от чего моя кожа покрылась мурашками.

— Твой отец был каким-то долговязым ублюдочным банкиром из Детройта. А еще он был слюнтяем. Он рыдал и обмочился, когда я убивал его.

Колин отшатнулся от руки Трента. Его лицо было горячего красного оттенка, а челюсти — сжаты от ярости.

У меня в груди болело, ладони сжались в кулаки. Мое сочувствие к Колину встретилось с богомерзким воспоминанием о смерти моей матери. Я вытолкнул его из своего разума, пока мой мозг продолжал работать. Мы не были братьями. Колин не был его сыном, что было причиной, по которой он отправил бы Колина за решетку, и по которой он не позволит Колину пережить ночь. Разбитое выражение на лице Колина сказало мне, что он пришел к такому же заключению.

Но Трент до сих пор нас не убил. Было что-то большее. Я чувствовал это, словно приближающийся шторм.

Трент встал с другой стороны от Джеда, и это движение пробудило во мне страх. Он осознанно ушел с траектории пули, которая проделает путь в голову Колина.

Он скользнул руками в карманы, встречаясь со мной взглядом.

— Откровенно говоря, я пришел в восторг, когда узнал о тебе. О том, что у меня есть настоящий сын, — он улыбнулся, но улыбка быстро превратилась в оскал. — Интересная вещь вот в чем — я никогда не трахал Мауру Флинт.

Я сделал глубокий вдох, и произнес так спокойно, как только мог:

— Ты изнасиловал ее.

Трент уставился на свои туфли, будто потерялся в мыслях. В двух метрах позади него дверца столешницы под раковиной приоткрылась. В щели показалось дуло моего сраного Глока. *Кэси?*

Мой пульс застыл в горле, а легкие сжало. О Боже, нет. Как, блядь, она попала туда? Она не осталась в лифте?

Каждый нерв в моем теле превратился во взвинченное окончание, а руки затряслись, как у обдолбаного наркомана. Мой взгляд метнулся к скрытому лифту, а после прочь от него. Чертов ебанный ад! Она выскользнула из лифта, когда я повернулся спиной. Я сверну ее гребаную шею.

— Я никогда не прикасался к твоей матери, — Трент поднял голову. — Но к ее сестре? — Его улыбка на миллион послала мурашки по всему моему телу. — Она была шлюхой в постели.

Я выпрямил позвоночник. Отрицание завернулось в желудке, выстреливая дрожью по телу.

— У моей матери не было сестры.

— Была. Элла Флинт — твоя настоящая мать — была журналистом, которая и познакомила меня с Маурой Флинт на съемках фильма, — он покачался на пятках с руками в карманах. — Твоя приемная мать-каскадер была таким же гомосексуальным выродком, как и Колин, хоть и с большими яйцами. Словно мужик. Не совсем *мой* тип.

Моя мать на самом деле была моей тетей? Которая по собственному желанию спала с ним? Я расслабил пальцы, чтобы возобновить приток крови в ладони.

— Зачем ты говоришь мне это? Чтобы казаться меньшим монстром из-за того, что ты не насиловал их?

Трент уставился на меня, и выражение его лица было настолько свирепым от попытки изобразить искренность, что волосы на моем затылке стали дыбом.

— Я хотел сына, Логан. Свою собственную кровь. Я хочу, чтоб ты был со мной, на моей стороне. Чтобы был частью моей семьи. Чтобы управлял «Тренцент».

Блядь, я не мог перестать трястись и не мог избежать ужасающего шока. А движение в поле бокового зрения остановило мое разрушение. Силуэт Кэси поднялся из-под столешницы. Я сосредоточил свое внимание на Тренте, всеми существующими способами пытаюсь не привлекать внимание к ее позиции.

— Ты убил их. Я никогда не буду на твоей стороне.

Его лицо потемнело, стирая любое наличие человечности. Кэси теперь была в двух с половиной метрах за ними.

Дальше всех от нее был Колин, сидящий на стуле. Джек стоял возле него, и держал пистолет у его головы. Трент стоял возле Джеда и был ближе всех к ней. Если кто-нибудь повернет голову, они ее увидят.

Отвлеки их.

Я повернулся в сторону, и прошелся по маленькому кругу. Назад и вперед, шаг за шагом, я позволил всем своим гребаным нервам вырваться наружу. Руки трясло, мышцы горели и расширялись, а дыхание звучало громко и затрудненно. Их взгляды следовали за моими движениями, ожидая, пока я сорвусь с катушек. Чертовски идеально.

Я запустил руки в волосы, отказываясь смотреть в направлении Кэси.

— Что случилось с сестрой моей матери?

Трент почесал челюсть.

— У нас была интрижка. Она закончилась, когда Элла наткнулась на некоторые вещи, которых не одобряла.

Я мог заполнить пробелы, учитывая криминальную историю Трента.

— Она бы не заткнулась от одних угроз. Выслеживала меня месяцами, — он пожал печами. — Так что мне пришлось заткнуть ее по-другому.

Я резко остановился и провел рукой по лицу. Кожа ощущалась холодной, а мозг — немым. Он убил сестру моей матери, которая, как он сказал, оказалась моей биологической матерью.

— Мне стоило сложить два плюс два, — Трент сложил руки за спиной. — Тринадцать лет спустя, Маура Флинт начала оттуда, где закончила ее сестра. Она вырастила тебя, а затем пришла за мной.

И он убил ее тоже. Моя грудь вздымалась, ярость закипала. Я мог отрицать все, что он сказал об Элле Флинт, но зачем ему лгать? Если сестра моей матери была журналистом, это объясняло подробные улики из дневника моей матери.

Кэси сместилась в поле моего зрения, сантиметр за сантиметром приближаясь к ним с пистолетом, направленным на Джеда. Кровь с грохотом неслась по венам, и вот-вот была готова их разорвать. Ему понадобится только полсекунды для того, чтоб перенаправить пистолет и пристрелить ее.

Я так отчаянно хотел посмотреть на нее, изучить выражение ее лица. Была ли она в ужасе? Могла ли нажать на курок? Ей осталось меньше полутора метров до Джеда, а мы с Колином не были у нее на пути. Она держала Джеда на мушке.

Давай, детка. Не колеблись. Не промахнись.

Джед повернул голову, и мое сердце остановилось.

Она нажала на курок, и звук выстрела срикошетил от кирпичных стен. Кровь брызнула на лицо Колина, а тело Джеда рухнуло в тот миг, когда я бросился к двери за своим оружием.

— Господи! Блядь, Кэси! — Трент взревел позади меня. — Подожди. Нет, просто подожди минуту.

Я миновал Глок на полу у двери, схватил нож, и повернулся.

Сантиметр за сантиметром Трент пятился назад спиной ко мне, вскинув руки в воздух. В паре метров перед ним Кэси направила пистолет на него, двигаясь навстречу

Колин подпрыгнул со стула и прошагал ко мне. Его походка была наполнена рвением, а выражение на лице — чистой яростью. Я встретил его на полпути и прошелся ножом по пластиковым стяжкам, освобождая его руки.

— Ты не хочешь делать этого, Кэси! — прохрипел голос Трента. — Я пришел найти тебя и забрать с собой.

Вот в это я поверил. Он бы увел ее силой. После того, как убил бы меня и Колина.

Я скользнул позади него, хватая его идеально уложенные гелем волосы, и дернул его голову назад. Прижав лезвие к горлу, я встретился взглядом с глазами Кэси.

Господи, она была невероятной — стояла там в одних трусиках и лифчике, а синие глаза светились от яростной решительности. Пистолет не дрожал в ее вытянутых перед собой руках.

В ее выражении лица не было и намека на сомнение. Если я его не убью, это сделает она.

Колин наклонился над телом Джеда, хватая его пистолет, и прижимая пальцы к горлу мужчины. Он не найдет там пульса. Половина лица Колина была покрыта мозгами Джеда.

— Послушай, — спина Трента поднималась возле моей груди, но его тяжелые вдохи никак не повлияли на сдержанность в его голосе. — Сегодня ночью мы можем заработать кучу денег. Мы поделим между нами четверьмя. Я передам полное правление над «Тренчент». Можешь забрать все.

Я придвинулся ближе к его уху, твердо удерживая его горло лезвием.

— Ты убил мою семью, Трент. Ты не сможешь заменить их деньгами или властью.

Он закрыл глаза.

— Логан, я клянусь, я не знал, что у меня был сын, — он повернул голову и попытался встретиться со мной взглядом, но лезвие этого не позволило. — Элла скрыла тебя от меня. Я бы не оставил тебя без семьи.

Нет, он бы меня убил. Я подозревал, что Элла отдала меня своей сестре, чтобы защитить мою личность. Защитить меня от Трента. Но почему дневник не объяснял ее связь с Трентом или детали ее смерти? Из-за Трента, я никогда и не узнаю.

— Кэси, пожалуйста, — Трент сглотнул под лезвием. — Осталось всего четыре часа. В моем распоряжении миллиарды. Ты можешь забрать все себе. Просто дай мне уйти.

Так много, чтобы поделить на четверых.

Она опустила пистолет и медленно подошла к нему.

— Нет, Трент. Через два часа. Я буду на гонке, и проиграю все твои миллиарды.

Его тело замерло под моей хваткой.

— Ты... второй кандидат?

Она выдержала его взгляд и кивнула. Грустная улыбка закралась в уголок ее рта. Не та улыбка, которая несет месть. Она приняла его судьбу с сильной решительностью, но она не станет праздновать это.

Переместив свой взгляд на меня, она отступила в сторону и молча подняла подбородок.
Покончи с этим.

Трент ерзал в моей хватке, умоляя о своей жизни высоким голосом. Я заглушил его.

Я представлял этот момент девятнадцать лет, пока тонул в воспоминании о крови моей матери и следовал за подсказками, которые она оставила. Я думал, если я выпущу его кишки, глядя в его глаза, это убьет во мне весь холод. Если его жизнь вытечет на мои пальцы, это сотрет всю мою злость.

Но Кэси уже сделала все это. Она согрела меня простым взглядом. Успокоила меня одним прикосновением. Заменяла мое желание мести глубоким дыханием жизни.

Удерживая ее взгляд, я ослабил хватку в волосах Трента. Не месть заставила меня провести лезвием по его горлу. Это была моя ужасная потребность защитить ее, и именно она направила мою руку, вскрывая его горло от уха до уха.

Она не отвела глаз от меня, пока Трент захлебывался и корчился. Она уставилась прямо

в мои глаза, когда я отпустил его и позволил упасть на пол. Я почувствовал, как Колин опустился на пол, к пульсу Трента, но все мое внимание было сосредоточено на ней. Я бросил нож рядом с безжизненным телом, а сердцебиение грохотало у меня в голове, пока я изучал лицо Кэси.

Она не казалась пораженной. Явно не разозленная. Она приоткрыла губы, расслабила плечи, но до сих пор не отвела глаз. Она убила человека. Смотрела, как я убиваю ее тестя. Я убивал его, пока она стояла в полуметре от меня.

Такого рода травма оставляет отпечаток внутри человека. Кровавый. Мрачный. Словно последний такт сердцебиения.

Я знал пагубный эффект всего этого. Я сделал шаг вперед и взял ее лицо чистой рукой.

— Ты в порядке?

Она кивнула один раз.

— Мне стало легче.

— Да.

Я убрал руку от ее лица и переместил ее на затылок, притягивая ее к своей груди.

Она обняла меня, и мы стояли там, переплетаясь телами, пока моя окровавленная рука свободно свисала сбоку, и делили момент облегчения. Медленно, наши мышцы расслабились, дыхание выровнялось, а такт наших сердец начал биться в унисон.

Слишком быстро она отклонилась назад, а ее упрямый подбородок указал на часы на стене.

— У нас два часа, чтобы привести здесь все в порядок и притащить наши задницы на гонку.

— Кэси, — сказали мы с Колином одновременно. Угрозы больше не было. Нам не нужна была гонка. — Вы с Колином можете забрать «Тренчент» и сохранить свои карьеры. Прожить законную жизнь не в бегах.

— Нет. Колин может сохранить свою карьеру, — ее глаза блестели от огня. — И ему нужна эта победа, эти деньги, чтобы бороться против наших родителей после того, как он сдаст их копам.

Я посмотрел на свернувшуюся кровь на своей руке и на тела, которые истекали кровью на полу, а затем поднял взгляд на Колина. Он уставился на свои туфли, а лицо было несказанно красным.

— Как только наших родителей признают виновными, весь контроль и права голоса в «Тренчент» будут переданы мне. Я могу сохранить, а могу и не сохранять компанию, но я хочу быть тем, кто примет решение.

Кэси кивнула, и я коснулся ее подбородка костяшками пальцев.

— Я хочу задушить тебя за то, что выскользнула из лифта.

— Нет, не хочешь.

Я потряс головой.

— Ты не хочешь управлять «Тренчент»?

Ее челюсти напряглись под моим прикосновением.

— Я хочу *тебя*.

Три слова — и я принадлежал ей. Черт, она владела мной с тех пор, как я впервые увидел ее на финишной линии.

Она положила пальцы на мое лицо.

— Мы так близко, Логан. Четвертый вариант. Ты и я.

Безрассудная, сумасшедшая, *идеальная* женщина. Вздох вырвался из меня.

— В подвале есть крематорий. Давайте начнем.

Час спустя тела были сожжены до пепла. Мы по очереди приняли душ, а теперь Колин с Кэси сидели бок о бок на диване, углубившись в разговор.

Я стоял на кухне, глотая кофе и готовя себя к финальному прыжку. Но я не мог стряхнуть с себя зверство сегодняшней ночи.

Нависающая над Колином смерть от руки отца, который не был его отцом. Затаскивание трупов в подвал. Запах горелой плоти. Я чертовски устал, но еще даже не начал думать обо всем этом дерьме с моей матерью и ее сестрой.

И все равно я слушал разговор Кэси и Колина. Они говорили только о будущем, строя планы с «Тренчент», о его визите в Италию и отношениях с Сэтом. Это было похоже на то, будто распахнулась дверь, а за ней простиралась дорога. Дорога, которая вела вперед к безграничным возможностям и к будущему с ней.

Я вылил кофе в раковину и осмотрел церковь в последний раз. Затем я схватил наши шлемы и зашагал к двери.

— Готова покататься?

Она подпрыгнула, и ее улыбка дала мне чертовски яркий проблеск того, к чему я мчался.

Глава 30.

Кэси

Три минуты до начала гонки. Я пыталась оставаться спокойной. Не выходить из себя. Спокойствие. Спокойствие. Спокойствие. Но от рева двигателей нескольких дюжин байков гоночных фанатов, асфальт дрожал под моими сапогами. Деньги текли по рукам людей на финишной линии. Воздух разрезали свисты. И каждая пара глаз в ряду длиной в два квартала уставилась на мой байк, хромированную отделку на моем шлеме и черную кожаную одежду с серебристыми полосами, которую я одолжила у Бенни.

Никто не знал, что под этой одеждой был исполнительный директор «Тренчент», любовница Неуловимого, жена Колина Андерсона, а сегодня еще и убийца человека. Пока я ждала на стартовой линии, МТТ Turbine дрожал между моих бедер, и, надеюсь, никто не догадывался, что я была в секундах от того, чтобы меня стошнило в собственный шлем. Это далеко от спокойствия.

Рядом со мной Логан опустил локти на бак для бензина своего блестящего BMW S1000RR, его нога в сапоге покоилась на раме слайдера, черный шлем наклонился вперед ко всему и ничему одновременно. *И вот, что* было спокойствием.

И сексуальностью. Боже мой, я никогда не устану пялиться на его задницу в этих тесных кожаных штанах, его накаченные ноги, обхватывающие черный отполированный корпус и его огромные плечи, шириной почти как расстояние между рукоятками мотоцикла. Его тело было создано для этого байка.

Под слабым освещением уличных фонарей он и его байк были спокойной и загадочной командой, готовой действовать. С первого взгляда было тяжело сказать, где заканчивалось его тело, и начинался байк. От очертания его сильной спины под курткой, холма его бицепса, натягивающего рукав, до штанов, подчеркивающих размер и форму его достоинства

между ног.

Мое тело знало каждый его дюйм. Воспоминание воспламеняло меня от того, как страстно его бедра двигались, когда он был возбужден, какими сладкими казались его губы, и каким полным он ощущался внутри меня.

— Ты пялишься, детка.

Его насыщенный, словно сироп, голос прозвучал через микрофон в моем шлеме. Он повернул голову в другую сторону, но я знала, что он наблюдал за мной с помощью камеры.

Неохотно я отвернулась. Как я могла не пялиться?

— Тяжело сопротивляться.

— Это мой член станет тяжелым, если ты не перестанешь.

Я содрогнулась и сделала глубокий вдох. Если бы он сказал это своим синтезированным голосом, я бы взобралась на его колени и разрушила всю иллюзию а-ля «я здесь, чтоб надрать твою задницу». Но он отключил искажение голоса так же, как и внешние микрофоны на наших шлемах, так что наш разговор не услышат.

— Как это возможно? — я повернула голову настолько, чтобы видеть через боковой визор. — До старта одна минута, а ты само спокойствие и хладнокровие.

Он расправил руки и выпрямился, потеряв свои бедра руками в кожаных перчатках. Его визор был направлен просто на дорогу перед ним.

— Я готов обделаться от страха, — Логан опустил сапог на землю и подстроился телом под байк. — Я не знаю, что ждет нас на финише, но ты не можешь отклоняться от плана. Обещай мне.

План состоял в том, чтобы я следовала по карте к окружному аэропорту Дью Пейдж, и неважно, что случится с ним во время или после гонки. Я не улечу на самолете без него, но я буду следовать инструкциям лишь до точки отправления.

— Обещаю.

Линия старта направлялась вниз по скату на I-355. Наша гонка будет проходить по окрестностям города по всей длине трассы без поворотов. Логан спроектировал карту гонки таким образом, чтобы максимально минимизировать риск. Не будет темных аллей со спрятанными ловушками. Не будет резких поворотов для скольжения байка. Его рвение защищать меня, хоть и преувеличенное, согревало меня на самом глубочайшем уровне.

Мужчина с самыми широкими плечами и белыми волосами до плеч вышел на линию перед нашими байками.

Стоя на обочине возле нас, он опустил черный флаг к земле.

Мы ждали всего пять минут, но мои легкие выпустили огромное количество воздуха при виде флага.

Десятки людей собрались вокруг. Копы тоже скоро подъедут.

Имея карту, которая светилась на краю моего визора, я наклонилась вперед, взялась ладонями за рукояти и направила взгляд прямо.

— Включить тепловой визор.

Мир вокруг превратился в изобилие цветов радуги. Здания и улицы окрасились в зеленый и голубой. Красный и оранжевый был сосредоточен на лицах и двигателях ревущих мотоциклов

Рядом со мной огненный силуэт Логан опустился на байк. Это было оно.

Стук моего сердца гремел, словно гром, когда флаг взметнулся вверх.

Я выжала газ и рванула вперед. Реактивный турбодвигатель взвыл, когда понес меня

вперед с таким крутящим моментом, что у меня застучали зубы. Я достигла ста шестидесяти двух километров в час за три секунды, покрывая пылью все на своем пути.

Все, кроме Логана. Он держался возле меня, пока мы въезжали на склон и обогнул меня, когда мы влились в междугородний траффик.

Через шесть секунд мой спидометр показывал триста шестьдесят миль в час, и, поскольку больше не было пешеходов, о которых нужно было переживать, я прижалась пониже к бензобаку и выключила тепловой визор.

Машины и билборды смылись под черным небом. Ветер стучал по моей куртке и тянул за руки, пока я виляла по склону вниз, вливаясь и выходя из траффика. Адреналин обжигал артерии. Руки скользили в перчатках, а тело трясло от силы двигателя. Мое сердце упало куда-то в желудок. Чертовски невероятно.

— Черт возьми, Кэси. Придержи, блядь, газ.

Его голос звучал приглушенно от звука двигателя.

Он был прав. Если я буду придерживать такой скорости, ему придется отскребать меня от асфальта, кусочек за кусочком. Я сбавила газ до двухсот восьмидесяти восьми километров — скорости, с которой привыкла ездить на Дукагги, и сфокусировалась на пролетах между машинами в медленном потоке.

Картинка задней камеры показала, что он маневрировал позади меня. Его тело пригнулось так низко, что из-за аэродинамического защитного стекла были видны лишь его широкие плечи и шлем. Всего лишь восемнадцать километров до финишной линии, и мы будем на пути к нашему самолету, где я планировала обернуться вокруг этого тела на все десять часов полета.

— Я соскучился по твоей косе.

Рокот голоса Логана приласкал мой слух, когда его байк пролетел мимо меня и проскользнул вперед.

Коса была на месте. Я просто спрятала ее от глаз под шлемом.

— А я соскучилась по твоему электронному голосу.

— Этому голосу? — его тембр трансформировался в сексуальную, компьютеризированную голосовую накладку, которую я помню с первой нашей встречи. Я вильнула мимо автобуса дальнего следования и поймала Логана на другой стороне.

— Именно по этому голосу.

На расстоянии доносился звук сирен. Сигналы машин. Пейс-кары и мотоциклы с нагруженными сверху камерами рассекали трассу. Мы с Логаном дали им шоу.

Я уклонилась, ушла в сторону и упала на хвост байка. Логан вырвался по склону, держась слишком близко к ограждениям и скользя между автомобилями, будто их там и не было. И все это время он говорил своим модулированным голосом, который окутывал меня и заставлял мои бедра дрожать, о грязных вещичках, которые он собирался проделать со мной.

Когда мы вышли на шоссе в миле от финиша, он позволил мне вырваться вперед, чтобы гонка выглядела более убедительной. Я отошла в сторону, сердце разрывалось от желания остаться рядом с ним, воздух в легких жег с каждым футом расстояния между нами.

— Я собираюсь обогнать тебя на линии финиша, — сказал он без искажения голоса. — Но, Кэси, я всегда буду следовать за тобой, и буду любить тебя даже больше.

Я втянула воздух, когда тяжелое восхитительное чувство наполнило мою грудь. Господи, я любила его. Я вырвалась вперед, выжала рукоять до упора и улыбнулась.

— Я тоже тебя люблю.

Линия финиша простиралась в двух кварталах впереди. Байки всех видов и стилей выстроились в ряды с обеих сторон улицы. Мгновение спустя Логан пронесся мимо и прибавил скорость перед отметкой финиша за секунду до меня.

Толпы людей выстроились на линии, их возгласы и аплодисменты были оглушительными. Я попыталась не сосредотачиваться на праздновании. Кто угодно из них мог поставить на меня и мог планировать мою смерть в любой момент.

На наших спинах за поясом у нас было по Глоку, и теперь я чувствовала вес своего, когда вильнула в толпе людей и последовала по карте к выезду.

Я вырвалась из концентрации байков и людей как раз тогда, когда поток патрульных машин появилась из-за угла. Логан возник возле меня, и я не была уверена, дышала ли я следующие восемнадцать километров.

Я сомневалась в мудрости покидания гонки вместе. Слишком много подозрений последует после этого, но он был умопомрачительно упрямым касательно этой части плана и отказался ехать без меня рядом, пока не останется уверенным в моей безопасности.

Пятеро копов преследовали нас по забитым траффиком улицам, по спальным кварталам и вверх по I-88, когда мы направились на запад к аэропорту. Они не могли поравняться с нами на нашей скорости на шоссе, и в итоге мы избавились от них в густом потоке машин.

Я расслабила пальцы на рукоятках и поиграла плечами, корректируясь по скорости с байком рядом со мной.

— Господи, это было близко.

— Бери следующий съезд, — его голос выровнялся, и шлем был направлен в сторону серебристого внедорожника рядом с ним. Мой пульс ускорился.

— Что не так?

О, Боже, он вытащил пистолет.

— Придерживайся плана.

Он придержал Глок у бедра, и визор все еще был направлен на внедорожник с другой стороны. Мы свернули с шоссе и полетели вниз к съезду. Внедорожник последовал за нами.

Холод лизнул мою спину, а желудок превратился в пустыню.

— Кто они?

— Жалкие лузеры, Кэси. Пытаются забрать свой долг.

Логан скользнул рядом со мной, его байк и строгая поза, склоненная над корпусом, всем своим видом показывала, что он собирался защитить меня. Но что остановит их, от того, чтобы открыть огонь?

Было так чертовски темно без огней города, улицы были отдаленными и лишенными жизни. Это была часть плана, от которой мой желудок выворачивался и завязывался в узел.

Я следовала карте на визоре, выжимая из байка триста шестьдесят километров в час и отдалилась от Логана.

Горло сжималось, и сердце вырывалось из груди.

Приближаясь к кирпичному зданию, которое совпадало с точкой на карте, я наблюдала за Логаном через камеру заднего обзора. Его черный силуэт замедлился, когда внедорожник набрал скорость. Он поднял пистолет, направляя его за себя, пока его байк шел ровно и стабильно.

Я обогнула угол кирпичного здания, когда слышались выстрелы.

О Боже, о Боже, о Боже, о Боже. Я ударила по тормозам, голова шла кругом и крови застыла в венах.

— План, Кэси! — голос Логана развеял страх и побудил меня двинуться.

Я ринулась вперед, вокруг здания и нашла Бенни в подготовленной точке за мусорным контейнером. Она стояла возле синего спортивного байка Хаябуса и протягивала синий шлем. Ее тело было в кожаном костюме, идентичном моему. Я сбросила газ до нуля и спрыгнула с байка.

Через пару секунд она уехала на МТТ Turbine Серебряной Леди, надев хромированный шлем. Свернув влево на улицу, она помчалась в противоположном направлении от окружного аэропорта Дью Пейдж.

От грохота приближающейся машины я пригнулась к земле перед Хаябусой, спрятанной за мусорным контейнером, и выглянула из-за угла.

Мерседес резко пронесся в направлении Бенни. Логан следовал у него на хвосте, его рука была поднята вверх, и в ней был пистолет.

Горло опухло, а веки горели изнутри. Я ненавидела, ненавидела, ненавидела эту часть плана. В качестве приманки Бенни приведет игроков, мафиози, ФБР, и всех, кто бы там не преследовал Серебряную Леди, в аэропорт Авроры. Там самолет с именем Логана поднимется в небо без пассажиров и направится в Мехико.

Логан защитит Бенни, в этом у меня не было сомнений.

Но кто защитит его?

Я надела синий шлем на себя и тут же почувствовала отсутствие технологий. Мне не нужна была карта к окружному аэропорту Дью Пейдж перед глазами. Он был в шаге от меня.

Но я скорбела по отсутствию коммуникации, которая у меня была с Логаном. Господи, меня убивало то, что я не могла поговорить с ним, и не знала, был ли он в безопасности.

Вытри сопли, Кэси. Ты знала о риске.

Я взобралась на Хаябусу и последовала плану.

Двадцать минут спустя я припарковала байк возле частного самолета «Гольфстрим», сняла шлем, и вскрикнула от грохота двигателя турбины самолета рядом со мной. Идя к трапу самолета, я онемело пялилась на широкую освещенную парковочную зону и искала черный силуэт Логана.

Я придерживалась скоростного режима. Разве он не должен уже быть здесь? Мои внутренности скрутились в клубок дрожащих нервов. Что, если его подстрелили? Или убили?

Колин вышел из кабины и побежал вниз по трапу ко мне. Его руки сомкнулись вокруг меня, а губы прижались ко лбу.

— Он будет здесь.

Я кивнула, сапоги вросли в асфальт, а руки вцепились в него с устрашающей силой.

— Как ты со всем этим справляешься?

Колин поцеловал меня в лоб.

— Я готов к тому, что все это закончится.

Моя тревога, мои эмоции, мой повышающийся уровень адреналина — все это забурлило и вырвалось потоком слов.

— Прости за то, что утаивала от тебя так много вещей. Господи, мне так жаль за то, что я не проявляла тепла к Сэту, — я выдохнула, вцепившись пальцами в его пиджак. — Я так ревновала тебя к твоим отношениям, но я думаю... теперь я понимаю, что, может быть, Сэт, появился в нужное время.

Он уставился вниз на меня, и его брови сошлись на переносице.

— У тебя был Сэт, — я пожалала плечами. — И это заставило меня искать то, что я нашла. — Я оглядела затемненные участки парковки, пальцы тряслись и раскрытое сердце билось в поисках Логана.

Колин придерживал меня у своей груди и пытался отвлечь мои мысли деталями планов для наших родителей, компании, Сэта и миллиардов, которые теперь хранились на счету в оффшорном банке. Его энтузиазм удерживал меня в тонусе, его стойкая любовь удерживала меня от разрушения, пока проходили минуты. Слишком много минут.

Я не была уверена, как долго мы там стояли, но когда на расстоянии появилась пара фар, я перестала дышать и двигаться. К нам мчалась машина — какая-то дешевая модель хетчбека — и остановилась возле «Гольфстрима».

Логан выбрался из нее, и воздух со свистом покинул мои легкие. Его тело все еще было покрыто черной кожей, а шлем пропал. Волосы торчали в беспорядке, а его улыбка сокращала болезненное расстояние между нами.

Он сделал это.

Руки Колина расслабились, когда Логан подошел к нам быстро и целенаправленно. Он не хромал, и не поддерживал ни одну часть своего тела.

— В тебя не попали? Никаких повреждений? Пулевые? Кровь...

— Кэси, — он прыснул со смеху. — Я в порядке, — он поднял меня, прижав руку к спине, а второй захватив под колени, и похоронил свой рот на моей шее. — Но у меня вроде как закончились инструкции. Нам нужно идти.

И тогда мы начали двигаться, вверх по трапу в кабину, с Колином позади нас.

— А Бенни?

— В безопасности, — он опустил меня на длинную кушетку в восьмиместном самолете, встал на колени у моих ног и пристегнул ремень безопасности. — Мы услышим ее через пару недель. Ей нужно разобраться с несколькими вещами.

Я скользнула руками по затылку его массивной шеи и сжала его плечи.

— Она закрывает подпольную гоночную сеть, так ведь?

Логан взял мое лицо в руки, и его прикосновение было нежным, как и взгляд его глаз.

— И избавится от лимузина и шестнадцати мотоциклов помимо всего прочего.

Я прислонилась к нему лбом.

— Больше никакого Неуловимого. Твои фанаты будут очень разочарованы.

Не то, чтобы я пожалела о том, что украдала его у них и оставила всего себе. Он был моим, и это понятие больше не было фантазией. Она была реальностью, как и моя улыбка, такая же могущественная, как дыхание, которые мы разделяли.

— Я нашел лучшую гонку, — промурлыкал он у моих губ. — Нечто более важное, за что стоит бороться. — Логан поцеловал меня, и его язык приласкал линию моего рта. — И на кону более сексуальный приз.

Он придвинулся ближе, его грудь коснулась моей, а бедра остались между моих ног. Я любила то, как его тело так легко притягивалось ко мне в таком же инстинктивном движении, как и мое тянулось к нему, будто так и должно быть.

Этому ничего не мешало.

Я поцеловала его нижнюю губу.

— За что ты теперь борешься, Логан Флинт?

Он проделал дорожку из поцелуев по моей нижней челюсти, вниз по шее, и прижался губами к груди моей кожаной куртки, прямо над моим сердцем.

— За твое счастье.

Все, что я хотела, — это он. Так вот просто — его частность, его огонь, его любовь.

— Ты уже поборол мое счастье, — я наклонила лицо к его макушке, вдыхая его мужской запах, который мягко защекотал у меня в носу. — Ты заслужил мое прощение. Все, что я могу отдать, — твое.

Логан поднял взгляд вверх, и свет его улыбки и ярость в его глазах согрели каждую молекулу в моем теле.

— Когда я проснусь завтра, я снова буду за него бороться. И послезавтра. И после— послезавтра. Каждый день, Кэси, — он захватил мой рот, настойчиво и жестко. — Каждый день я буду бороться за тебя. — Искренность сочилась через его кожу, блестела в его взгляде и наполняла силой каждый вдох его тела. — Но нам нужно лететь, — он снова поцеловал меня и встал, направив свое внимание на кабину пилота. — Сейчас вернусь.

Я посмотрела вниз на ремень безопасности. Очевидно, он не хотел, чтобы я двигалась. Сердце сжалось. Мне все еще нужно было попрощаться с...

Колин вышел из кабины пилота, его синие глаза сосредоточились на моих, губы изогнулись в кривоватой улыбке. Он сел возле меня и крепко обнял.

— Мы не прощаемся, шлюшка.

Я обняла его в ответ, кивая ему в шею, борясь со слезами, как проклятая.

Он отклонился назад и дернул за косу, свисавшую у меня на груди.

— Я организовал все для вашего прилета. Вас обоих ждет сменная одежда, — он кивнул головой на сумки на полу у двери. — Бенни позаботилась о паспортах, документах о гражданстве и ваших новых личностях.

— Спасибо тебе, — сказала я, горло отказывалось работать.

Он наклонился к кейсу и вынул сложенные бумаги. Разворачивая их и перелистывая к последней странице, он указал на подпись внизу.

— Составил вчера.

Документы о разводе.

Я уставилась на подпись размытым взглядом, и почувствовала, как Логан приближается ко мне из передней части самолета.

Колин передал ручку.

— Это последнее, что они могут контролировать. Мы свободны, солнышко.

Я приняла ручку и подписала. Не колеблясь, несмотря на поток эмоций, с которыми боролось мое сердце.

— Я оставляю вас. Одних.

Он сунул документы обратно в свой карман и взял в руки мое лицо.

— У меня есть Сэт. И ты не бросаешь меня. Ты бросаешь *их*, — он прижался губами к моим губам и встал. — Увидимся через месяц, и лучше бы на вашей вилле была отдаленная спальня, иначе я сниму номер в отеле.

Я фыркнула, но улыбка поигрывала на моих губах.

— Люблю тебя, ты, капризная заноза в заднице.

— Я тоже люблю тебя, сумасшедшая ты сучка.

Он смотрел на меня мгновение — его улыбка была полна любви и преданности.

Господи, я буду по нему скучать.

Колин повернулся к Логану, его глаза горели напряжением, а челюсть накрепко сжата.

— До последнего вдоха.

После Колин ушел, а Логан пристегнулся рядом со мной. Моя голова опустилась на его плечо, руки потянулись к его рукам, и где-то между нулем и сорока тысячами футов я отключилась.

Я проснулась в темной кабине. Воздух шептал в вентиляции, а губы Логана исследовали мою шею.

Он расстегнул кожаную куртку, ремень безопасности, и помог мне выбраться из остальной моей одежды.

На борту не было персонала. Только мы, и пилот, и десять часов ничем не обремененного времени. Он уже переделался в футболку и тренировочные штаны. Его светлые волосы свисали темными влажными прядями вокруг ушей, а запах мыла благоухал от его кожи.

— Ты принял душ?

Он поцеловал меня в губы.

— Ага, он слишком маленький для двоих, но тебе я с этим помогу, — его золотистые глаза блестели в мягком освещении потолочных ламп.

Я посмотрела на заднюю кабину.

— Здесь нет кровати.

Он покачал головой, а губы изогнулись.

— Здесь восемь кресел и диван, чтоб опробовать.

Я уставилась в его глаза, утонула в них, как во сне. Только я не спала. Мы были на самолете. Летели в Италию. Слишком шикарно для воображения. Больше никакого Трента. Никаких убийств и мести.

Я поцеловала его, прижимаясь губами к коже по всему его лицу, его идеально выгнутой брови, его щетинистой челюсти, его грешным губам, и откинулась назад.

— Все закончилось.

Он наклонил голову и произнес у моих губ.

— Нет, малышка. Только начинается.

Глава 31.

Кэси

Бриз скользнул через окно гостиной, теплый и соленый, наполнив мои легкие воздушным видом умиротворения. Мы живем в вилле недалеко от береговой линии уже на протяжении девяти месяцев, и все равно каждый раз, когда я делаю глубокий вдох, я будто чувствую море впервые в жизни.

Здесь жизнь стала другой. У меня не было и пары высоких шпилек. Я никогда не засыпала и не просыпалась в пустой постели. Я не работала по двенадцать часов в день. Черт, у нас было достаточно денег, чтоб никому из нас никогда не пришлось работать снова.

Но мы нашли нечто, что любили. Профессиональные гонки в Италии были большим делом. Некоторые из самых успешных супербайкеров родились и выросли здесь. Мы не стремились выиграть кубок гран-при или путешествовать по миру. Мы просто хотели занять себя нормальностью и страстью. Гонки среди новичков и в средней лиге дали нам это.

А самая удобная часть? Анонимность.

Мы проходили через арку охраны в своих шлемах, объезжали круг, отклоняли интервью,

и уходили, не показывая лиц. Идеальная работа для двух людей, которые не могут открыть свои личности.

Личность была важной для Логана, настолько, что он провел несколько месяцев в поисках своей биологической матери. Он подтвердил то, что Элла Флинт был журналисткой, которая пропала через несколько месяцев после его рождения, но он не смог найти что-нибудь, что связывало бы ее со своей сестрой или сыном. После долгого и безрезультатного расследования, он решил оставить прошлое в прошлом и принять факт, что ответы на вопросы, которые окружали смерть Мауры и его усыновление, умерли с ней.

Я встала с плетеной кушетки и искала пульт, потому что резкие звуки новостного комментатора доносились от телевизора. Мне нужно было последовать примеру Логана и тоже оставить свое прошлое в прошлом. Казалось, будто все, о чем говорили эти проклятые новости, это коррумпированные исполнительные директора «Тренчент» и пропавшие без вести Трент Андерсон и Кэси Бэскел. Боже, как медиа любили эту историю, постоянно устраивая дебаты о сложностях скандала, *зле* и *пороке*. Спекуляция о том, что случилось с Трентом и мной, грозно разрасталась, но большинство верили в то, что нас убили криминальные партнеры Трента.

Я нашла пульт под подушкой, выключила телевизор и уставилась на пустой экран.

Суд над Николой Андерсон и Дэлтоном и Кейтлин Бэскел начался спустя два месяца после того, как мы с Логаном безопасно приземлились в сельской местности на юге Италии. Судья вынес вердикт спустя четыре месяца открытых заседаний.

Колин не бездельничал, и давление со стороны его адвокатов привело к признаниям наших родителей и семерых других членов компании. Приговор вступит в силу в следующем месяце. Каждому присудили минимум по одному пожизненному заключению в тюрьме.

С момента прибытия в Италию, я пыталась выбраться из суматохи противоречивых чувств о том, как все произошло, но у меня не было сомнений. Мои родители были живы, заперты подальше от всех, и больше не смогут причинять вред людям. Я не могла проведать их, потому что считалась пропавшей. Но я и не хотела. Они были моим прошлым. Колин, Бенни и Логан были моим будущим.

Колин заканчивал переговоры о продаже «Тренчент Медиа» либеральному *этическому* конкуренту «Ньюсвайд Корп». Условиями продажи было сохранение его шоу «С точки зрения Андерсона» и публичное оглашение его ориентации. Я была такой чертовски счастливой за него.

Я бросила пульт на диван и зашагала к открытому выходу виллы, шлепая босыми ногами по кафелю. Широкая отштукатуренная арка отделяла комнаты, стены и мебель в различных оттенках желтого и коричневого. Две тысячи квадратных футов удобств были нашими.

И дом снова принадлежал нам одним. Колин, Сэт и Бенни часто приезжали и уезжали.

Бенни уехала два дня назад после месячного пребывания. Она направлялась в Восточную Европу с желанием увидеть каждый уголок мира. А я сейчас умираю от желания увидеть уголок своего мира и мужчину, который его занимал. Я соскучилась по нему. Жалко, да, потому что он по полдня отсиживается в дыре под названием гараж, который находится в шести метрах от задней двери.

Я выскользнула наружу, и пальцы зарылись в теплый песок. Солнце надо мной словно ослепляющий огненный шар висело над безграничной морской гладью Тирренского моря. Ближайших соседей можно было увидеть в пяти минутах ходьбы вдоль пляжа, но иногда это могли быть и пять дней. Мы никогда не видели их или кого-то настолько отдаленно от

золотого песка.

Мы изучали язык, но Логан предпочитал одиночество. Этого требовало его желание защитить меня.

Я прикрыла глаза одной рукой и ускорила шаг в сторону гаража. Дверь была открыта, и изнутри доносился звук работающей дрели. Внутри я нашла его склонившимся над новым BMW S1000RR. Мышцы его спины выгнулись от удерживания дрели в его руках.

Сверление закончилось, и он выровнялся, поворачиваясь ко мне лицом. Дрель в одной руке, а второй он вытер пот над бровью. Его рабочие шорты низко висели на бедрах, песочные волосы хаотично торчали в разные стороны. И, Господи, от вида линий и изгибов его голой груди мои пальцы начало покалывать. Он выглядел как пропитанный солнцем серфер, с этим шикарно загорелым тоном кожи, точеной челюстью, покрытой щетиной, и улыбкой на его прекраснейшем лице настолько легкой и беззаботной, что я не могла удержать свою.

— Ты починил обтекатель? — я наклонилась в сторону, чтоб оценить его работу и не увидела ни единой трещины в пластике.

— Ага, — он запустил руку в волосы, и V-образная линия его мышц напряглась внизу живота. — Заняло всего несколько часов.

— Ммм... — я посмотрела на серебристый Дукатти, припаркованный рядом с его байком. — Я починила треснутый обтекатель на своем байке за три часа.

— Значит, можешь заняться следующим.

Логан улыбнулся, и его рука спустилась на талию возле его шорт. Большим пальцем он подцепил черную эластичную ткань, приспуская ее ниже и дразня меня.

Затем он спустил ее на пару сантиметров, и мое внимание приклеилось к выступам его бедер, за которыми следовали точеные мышцы под краем его трусов. Когда я подняла глаза вверх, его взгляд был сосредоточен на мне с желанием.

Не в силах думать, мое тело двинулось вперед к нему в потребности сократить расстояние.

Он опустил дрель на стол позади себя и встретил меня на полпути. Подняв руку к моему лицу, Логан прошелся пальцами по моей челюсти и вниз по шее. Может, его тело тоже не было способно думать. Мы не могли находиться в одном помещении и не касаться друг друга.

Я откинула голову назад и уставилась в его золотисто-зеленые глаза. В моем голосе едва ли присутствовал воздух.

— Ты голоден? Я сделала горячий сыр с томатами и начинила ими хлеб.

Он взорвался приступом смеха, низкого и сексуального.

— Ты делала панини? (прим. перев. — итальянский хлеб или булочка с начинкой)

Я пожала плечами.

— Я сделала что-то. Оно выглядело съедобно.

Готовка — не мое.

— Ага, я голоден, — он схватил меня за талию и провел по гаражу в какой-то видоизмененной форме фокстрота.

Мои волосы закрутились вокруг моих плеч, руки я сомкнула на затылке. Я передвигала ноги, пытаясь поспеть, и смех вырывался из моих уст. Это длилось три секунды прежде, чем он остановил меня, прижав задницей к своему байку. Его пальцы направились к моим джинсовым шортам, освобождая пуговицу, стягивая молнию, а затем и джинсы вниз по

моим ногам. Мои трусики были следующими, а его глаза не оставляли моих.

Теплый воздух приласкал мою открытую кожу в момент, когда мы прервали зрительный контакт и он похоронил свой рот между моих бедер. Я откинула голову назад, а пальцы зарылись в его волосы, пока тело извивалось под его губами.

Он жестко втянул мою плоть и быстро водил языком, который был неумолимым и яростным в своем нападении, его руки скользили вверх и вниз по моим ногам.

Бедра дрожали, внутренние мышцы сжимались. Он поймал пирсинг зубами и снова жестко втянул. Лизал, щелкал языком, сосал, снова и снова. Когда он вошел в меня пальцами, боль между ног взорвалась каскадом дрожащего удовольствия.

Я простонала от своего высвобождения, хватая его за волосы и притягивая к себе его лицо. Его губы покинули мою киску, и Логан двинулся ими по моим бедрам, по ребрам. Задирая руками мою футболку, он стянул ее через голову, когда встал. На мне не было лифчика, и Боже, он воспользовался этим, накрывая ртом каждый сантиметр моей груди, водя языком, посасывая и покусывая соски.

Он отступил назад, его рот блестел от моей влаги, а огонь в глазах угрожал превратить мои колени в желе.

— Ты счастлива?

Этот же вопрос он задавал мне каждый день, и я всегда отвечала ему одну и ту же правду.

— Ты мое счастье.

Он удерживал мой взгляд, когда спускал шорты, а затем и трусы, освобождая толстый твердый член. Его улыбка озарила лицо — воплощение чистого, блаженного восторга. Его и моего. Мне никогда не будет его достаточно.

После был только он и я. Его поцелуй был таким яростным и достигающим глубины, что ему пришлось поддерживать меня. Его руки сомкнулись у меня за спиной, а член дразнил вход между моих ног. Он целовал меня до тех пор, пока у меня не закончился воздух. Пока мир не распался. Пока не остались только мы с ним и гонки в наших сердцах.

В конец концов, он освободил мой рот, обошел, чтобы оседлать свой байк, и усадил меня к себе на бедра. Прижав меня спиной к его груди, он раздвинул мои ноги, наклонил над бензобаком и вошел на всю длину одним движением.

— Я люблю тебя, — прозвучал его наполовину смех, наполовину стон. Звук его голоса и значение его слов расшевелили ком тепла в моей груди. И все равно от яростного толчка его бедер мои соски затвердели, а мышцы задрожали вокруг его двигающегося члена.

— Я тоже тебя люблю, — ответила я с тем же сдавленным смешком.

Он целовал и полизывал вдоль моего позвоночника, мои плечи, запустив руку в мои волосы и направив мои губы к своим.

Затем он сдвинул нас вперед, припечатав меня к баку, пока его бедра прижимались ко мне сзади.

— Вместе, Кэси, — его голова упала на мою спину. — Всегда ты и я.

Он стиснул руками мои бедра, но это именно его любовь прижимала меня плотнее к нему, удерживала меня, защищала меня, давала мне жизнь настолько полную, что я больше ничего в ней не хотела. Два тела, соединившиеся в одно.

— Навсегда.

Больше книг на сайте - Knigolub.net